

22 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА

В. И. ЛЕНИН НА ТРИБУНЕ.
Рисунок П. Васильева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 17 (1818)

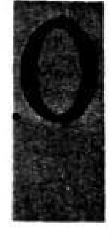
22 АПРЕЛЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ и ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

На XIV съезде ВЛКСМ.

ЛЕНИН С НАМИ

Открытие съезда комсомола было назначено на десять. В девять фойе уже бурлило праздничным, весенним многоцветьем.

Если смотреть сверху, то видно, как путешествуют по залу белые точки — это африканцы в белых одеяниях и школьницы в праздничных фартуках.

Светлые эскалаторы водопадами вливают в этот водоворот новые и новые потоки. Они стеклись сюда со всей страны, со всего мира, шумные, ликующие, возбужденные.

Темноволосые узбечки и беленькие эстонки, просоленные моряки и загорелые полеводы, властители подземных богатств шахтеры и хозяева небес летчики — все смешались, закружились.

В центре фойе — плотное кольцо. Лезгинка сменяет русскую, гопак переходит в восточный танец.

С одной стороны доносятся удары бубна, с другой, заглушая аккордеон, рвется под своды фойе песня. Делегаты вместе с обычными атрибутами съезда — мандатами, папками, блокнотами — получили еще один, необычный — сборник песен.

Москва. 16 апреля 1962 года. Кремлевский Дворец съездов. В президиуме XIV съезда Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

Бурлящий поток молодости влился в зал, расплескался по многочисленным рядам кресел, но не затих. Хором приветствуют делегатов украинцы: «Всем! Всем! Всем! Наш украинский привет!». Им в ответ подают свой голос москвичи, присоединяются белорусы и туркмены.

Но вот в каскаде приветствий, песен возникает размеренный, четкий ритм. Минута — и он охватил весь зал. Одно дыхание, один голос, одно сердце.

Ле-нин с на-ми!

Ле-нин с на-ми!

Ле-нин с на-ми!

Скандируют тысячи. Нет, миллионы. Громовая поступь поколения.

В зал входят Л. И. Брежнев, Ф. Р. Козлов, А. Н. Косыгин, О. В. Куусинен, А. И. Микоян, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Л. Ф. Ильичев, Б. Н. Пономарев. Делегаты съезда долго приветствуют руководителей партии и правительства. Нескончаемые овации. Дворец съездов похож на море во время самого большого шторма.

В зал вплывает прославленное знамя Ленинского комсомола. Его несут первые из первых поколения молодых. Первый на земном шаре космонавт Юрий Гагарин, первая женщина, севшая за штурвал хлопкоуборочного комбайна, Турсуной Ахунова, пионер движения за коммунистический труд в Донбассе шахтер Кузьма Северинов. А в зале — строители первого на планете коммунистического общества.

К ним обращено приветствие Центрального Комитета нашей партии, которое читает Ф. Р. Козлов. К девятнадцати миллионам комсомольцев, готовым выполнить любые самые сложные задания, которые поручит Коммунистическая партия.

— «Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что девятнадцатимиллионный комсомол, идущий в авангарде молодых строителей коммунизма, своим вдохновенным трудом впишет новые героические страницы в историю борьбы за победу коммунизма, за торжество идей Маркса, Энгельса, Ленина, будет и впредь неустанно воспитывать комсомольцев, всех советских юношей и девушек в духе безграничной преданности делу партии, делу коммунизма».

И доклад первого секретаря ЦК ВЛКСМ С. П. Павлова и выступления делегатов дышат одним:

— Выполним!

Выполним все, что завещал нам Ленин, имя которого носит комсомол. Выполним все, что записано в Программе, принятой XXII съездом нашей партии. Нынешнее поколение непременно, обязательно будет жить при коммунизме!

И опять шквал аплодисментов, и опять штормует Кремлевский Дворец съездов, и опять поют и смеются эти молодые люди, чьим делам и беспримерным подвигам можно без конца удивляться и радоваться.

В ложе для иностранных корреспондентов сидел представитель одной буржуазной газеты — пожилой, очень серьезный господин. Он ни разу не улыбнулся. Только поморщился, когда по залу прокатился девятый вал оваций в честь молодежи Кубы и Алжира. Сидел по-осеннему мрачный.

...На почте Дворца съездов я увидел школьницу в белом фартуке. Она сосредоточенно что-то писала, время от времени улыбалась своим мыслям. Спросил: кому? Ответила: одноклассникам, в Ровенскую область. Перед ней на столе рядом с делегатским мандатом лежала веточка сирени — атрибут весны.

С большой яркой речью на XIV съезде Ленинского Комсомола выступил Никита Сергеевич Хрущев. Он говорил о великих задачах, решить которые призвана наша молодежь.

И снова грянул гром оваций.

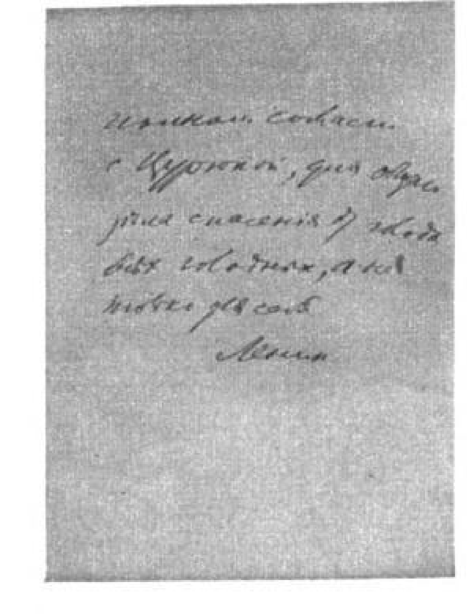
О. КУПРИН

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ ЛЕНИНСКИЙ АВТОГРАФ

Документ Центрального партийного архива.

полном согласи-
с Цюрупой, для общаго
дела спасения от голода
всех голодных, а не
только для себя.
Ленин

Автограф воспроизводится впервые.

Это было в июне 1918 года.

Буржуазные газеты с нескрываемым злорадством подсчитывали, сколько дней осталось еще жить ненавистной им Советской власти, и попутно выбалтывали планы дележа России.

Положение было действительно серьезное. Москва была объявлена на военном положении. Газеты сообщали о раскрытии крупного контрреволюционного заговора во главе с генералом Довгертом.

Советская Республика голодала. Рабочие Москвы, Петрограда и других городов по целым неделям не получали хлебного пайка. Судьбу революции решал вопрос о хлебе, и партия прилагала все усилия, чтобы вырвать страну из когтей разрухи и голода. И, как всегда в трудные минуты, Ленин обратился к рабочему классу. Он предложил создать продовольственные отряды из передовых рабочих, направить их в деревню, поднять бедноту на борьбу с кулачеством.

В один из этих грозных дней в московских «Известиях» была помещена коротенькая, в несколько строк, заметка под заголовком «Борьба за хлеб». В ней говорилось, что Советом Народных Комиссаров получено сообщение из Кулебак о том, что вооруженные отряды выксинских рабочих, изголодавшись вконец, едут на своих пароходах с пулеметами сами добывать хлеб силой. В ответ на это сообщение Владимир Ильич Ленин отправил телеграмму, которую мы воспроизводим сегодня на страницах «Огонька».

«Я ОЧЕНЬ НАДЕЮСЬ,— говорится в этой телеграмме,— ЧТО ВЫКСИНСКИЕ ТОВАРИЩИ РАБОЧИЕ СВОЯ ПРЕВОСХОДНЫЯ ПЛАН МАССОВОГО ДВИЖЕНИЯ С ПУЛЕМЕТАМИ ЗА ХЛЕБОМ ОСУЩЕСТВЯТ КАК ИСТИННЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ, ТО-ЕСТЬ ДАВ В ОТРЯД ОТБОРНЫХ ЛЮДЕЙ, НАДЕЖНЫХ НЕ ГРАБИТЕЛЕЙ И ДЛЯ ДЕЙСТВИЯ ПО НАРЯДАМ В ПОЛНОМ СОГЛАСИИ С ЦУРЮПОЙ[1], ДЛЯ ОБЩЕГО ДЕЛА СПАСЕНИЯ ОТ ГОЛОДА ВСЕХ ГОЛОДНЫХ, А НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ СЕБЯ.

ЛЕНИН»

Говорят, что вещи усиливают ощущение времени. Еще в большей степени испытываешь это, перелистывая пожелтевшие от времени хрупкие листы газетной подшивки, разбирая словесную вязь драгоценных документов нашего героического прошлого. И с вполне понятным волнением рассматриваем мы сегодня, много лет спустя, эти бумажные листки, исписанные характерным ленинским почерком.

С. БУРДЯНСКИЙ

[1] А. Д. Цюрупа — в то время народный комиссар продовольствия.

Никита Сергеевич Хрущев выступает на XIV съезде Ленинского Комсомола.

Фото Г. Копосова.

Плакат, выпущенный Всемирной федерацией демократической молодежи к дню 24 апреля.

СОЛИДАРНОСТЬ ЮНЫХ

24 апреля — Международный день солидарности молодежи против колониализма, за мирное сосуществование. В этот день юность мира во весь голос заявляет о своей непоколебимой решимости смести с лица планеты позорнейшее явление века — колониализм, плечом к плечу бороться за мир и безопасность на Земле.

— Какие мысли вызывает у вас это слово — «солидарность»?

На вопрос корреспондента «Огонька» отвечают студенты Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

ЖУАН КУАНЗА (Ангола):

Я приехал из страны, где кровавый португальский колониализм насаждает зверские законы ненависти и вражды, угнетения и смерти. Колонизаторы больше всего боятся взаимопонимания и единства, боятся солидарности. Ну, а для тех, кто борется за свободу и независимость, солидарность — важное оружие.

Когда я приехал в Советский Союз, это замечательное слово наполнилось для меня конкретным смыслом: люди помогают друг другу во всем, объединенные желанием создать жизнь еще более радостную и счастливую.

Не раз убеждался я в искренней дружбе советских людей с нами, студентами из стран Азии, Африки, Латинской Америки.

В первые месяцы учебы мы, естественно, столкнулись в Университете дружбы с трудностями в изучении русского языка. Советские товарищи пришли на помощь. Они же помогают нам знакомиться с Москвой, с жизнью советской молодежи, помогают и в овладении технической терминологией, необходимой для занятий по физике и математике.

Мой народ в своей справедливой борьбе вдохновляется благородной, великой международной солидарностью, придающей ему новые и новые силы.

П. С. ЭЛВИС (Цейлон):

Одним из самых волнующих и незабываемых проявлений международной солидарности студентов Университета дружбы народов останется в моей памяти митинг, посвященный подписанию Звианских соглашений о прекращении огня в Алжире.

Что меня поразило — это исключительный энтузиазм всех студентов, искреннее ликование в связи с большой победой, одержанной алжирским народом в многолетней кровопролитной борьбе. Студенты из многих стран — от Индонезии до Кубы — выражали чувство счастья и радости.

Я никогда не забуду выступления алжирского студента, который, выразив благодарность социалистическим и нейтралистским странам за поддержку освободительной борьбы алжирского народа, сказал:

— Мы не успокоимся до тех пор, пока не прекратит свое существование империализм на всей нашей планете. Мы будем бороться за свободу и независимость наших братьев в Анголе, Мозамбике и других странах.

Это и есть солидарность.

В читальном зале Университета дружбы народов. За столом слева направо: студенты Оливерт Каико (Гана), Самиан (Индонезия), Элвис (Цейлон).

Фото А. Бочинина.

Знамя планеты

Андре ВЮРМСЕР

Когда я был ребенком, в Европе насчитывалось две республики: Швейцария и Франция. Остальной континент кишел императорами, царями, кайзерами, королями, герцогами, принцами, которые щеголяли в коронах, цилиндрах, касках с плюмажем.

В парижском квартале, где жил мой дядя, каждый день садился на велосипед довольно бедный иностранец, чтобы отправиться в национальную библиотеку. Я, конечно, не знал даже о его существовании. Как и у всех, у меня перед глазами мелькали императоры, цари, кайзеры, короли, герцоги, принцы...

Но учение этого неизвестного мне социалиста о революции потом оказало на судьбу всего мира и на мое собственное будущее огромное влияние.

Через 45 лет после Французской революции 1789 года Луи-Филипп, управляющий делами буржуазии на том предприятии, которое называлось Июльской монархией, расстреливал народ в Лионе.

Через 45 лет после революции 1830 года господин Тьер, чьи орудия несли смерть парижанам, был президентом угольной компании Анзенских шахт и Французской республики.

Через 45 лет после провозглашения во Франции III республики мир, к которому она принадлежала, вел первую мировую войну.

Еще 45 лет спустя французы, которые думали, что они покончили с режимом личной власти, господством военщины и клерикалов, снова сталкиваются со всем этим.

45 лет назад Ленин сказал: «В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства».

Все, чему учил Ленин, подтверждается историей. Только завоевания социализма, только завоевания ленинизма непреходящи.

Один миллиард людей освободился от капитализма. Другой миллиард освободился или освобождается от колониализма. Век Ленина увидит больше разорванных оков, чем все предшествующие века, вместе взятые.

Партия Ленина? ПАРТИИ Ленина — вот как надо говорить теперь. Коммунистическая партия Советского Союза не единственная партия ленинцев. Знамя марксизма-ленинизма гордо реет над всей планетой.

Среди политических партий во Франции есть одна, которая открыла библиотеку и книжные магазины, где имеются книги по философии и в их числе — произведения главы правительства.

Это не Клемансо и не Пуанкаре. Хотя оба они были членами Французской Академии.

Скажут, что французы, которые читают книги главы иностранного государства,— это плохие французы. Но среди тех, кто придерживается противоположного мнения, есть ли хоть один человек, читающий Пуанкаре и Клемансо? Нет ни одного. Но зато среди них очень много тех, кто читает Ленина.

Кстати, только в книжных магазинах коммунистов можно найти произведения деятелей Французской буржуазной революции: Робеспьера и Сен-Жюста. Мы отдаем им должное, в то время как буржуа отвергают их потому, что они... были революционерами!

Лет тридцать тому назад коммунистом у нас считался тот, кто восклицал: «Да здравствует коммунизм!» И буржуазным либералом — тот, кто провозглашал: «Да здравствует Республика!» Сегодня тот, кто говорит во Франции: «Да здравствует Республика!»,— считается опасным большевиком.

Сколько раз коммунизм пытались представить как хаос, беспорядок, неравенство. Но если вы проследите за развитием двух миров — того, который освобождается, и того, который окрестил себя «свободным миром»,— вы заметите, что один из них, «свободный мир», не знал ни одного дня без потрясений, колониальных войн, мошеннических выборов, политических процессов, узаконенной эксплуатации, расстрелов демонстрантов или бастующих.

Ленинизм же незыблем. Как незыблем и созданный им общественный строй.

Аргентинская военщина аннулировала выборы, якобы спасая «демократию». Военные хозяйничают в Португалии и в Испании. Вот уже который год генерал в президентском кресле вершит судьбы страны, которая носит имя Французской республики.

Антиленинизм — это штык и сабля.

Ленинизм — это демократия.

Бальзак называл капиталистов своего времени грубым и неблагозвучным словом. «Мерзость капитализма»,— писал Бальзак. Это слово благополучно испарилось из лексикона нынешних буржуазных литераторов. Его не боятся употреблять коммунисты, ученики Ленина. Они привыкли называть вещи своими именами.

Свет давно угасших звезд все еще доходит до нас, потому что эти звезды очень далеки. То же самое происходит с капиталистической экономикой. Ее законы еще продолжают действовать в части мира, тогда как идеология, которая оправдывала эти законы, уже отжила свой век.

Идеологи капитализма издавна отстаивали принципы свободной конкуренции и священной «свободы личности». Сейчас у капиталистов нет других «идеологических» аргументов, кроме пулеметов и атомных бомб.

Есть в мире люди, которые не читали Ленина, но сердцем чувствуют его правду. У них ленинизм в крови.

Есть миллионы людей, читавших Ленина, понявших его, проникнувшихся его учением, сделавших его оружием в борьбе.

Есть — увы! — и люди, которые только цитируют Ленина...

Тот, кто охаивает социализм,— враг рода человеческого.

Это не значит, что прав тот, кто расписывает страну Ленина, как пряничный домик. Социализм сам по себе — достаточно прекрасная вещь. Он не нуждается в приукрашивании.

Уэллс говорил о «кремлевском мечтателе»...

Между прочим, я получил на днях письмо от внучатого племянника Жюля Верна. Он член Коммунистической партии Франции.

Париж, апрель.

Мария Ильинична Ульянова.

Постоянным сотрудником «Правды» я сделался в двадцать первом году. Мне вдруг захотелось сказать «в двадцать первом году прошлого столетия» — так гигантски необъемлемо это сороколетие! Тот день, когда я получил от Марии Ильиничны Ульяновой телеграмму с предложением быть постоянным корреспондентом «Правды», тот счастливый день вижу сейчас во всех подробностях, точно это случилось вчера. Мои личные восторги — вещь не такая уж важная, поэтому я не буду утомлять читателя лирикой, но в юношеской радости того времени было особенное чувство, которое потом уж не могло повториться никогда. Я много раз перечитывал телеграмму и таким образом заучил ее наизусть «Телеграфируйте согласие быть постоянным корреспондентом «Правды» с Дона. Норма четыре корреспонденции сто рублей золотом. Ульянова». И не помню, было «с приветом» или нет. Да разве дело в этом! Ошеломляла, если хотите, отрывала от земли самая подпись...

Неповторимое, единственное в жизни чувство это было оттого, что подписала телеграмму мне сестра Ленина. И вот теперь, через много лет, составляющих гигантски необъемлемую эпоху, я удивительно точно, до живого ощущения помню мое отношение к Ленину. И все, кому я показывал телеграмму, с изумлением говорили:

— Ты смотри... Ульянова!

Мы в провинции и не знали о том, что Мария Ильинична является ответственным секретарем «Правды». А в Москве, когда я сюда приехал, все это знали и называли ее Марией Ильиничной и никак не иначе, как Ленина подавляющее большинство страны называло Ильичем и никак не иначе.

Телеграмма была получена весной, в марте, и месяцев через восемь я поехал в Москву, в «Правду», с тайной надеждой устроиться и с молодой самонадеянностью.

Когда я пришел к Марии Ильиничне, она сказала какие-то приветливые слова, мягко, тихо, глянула на меня внимательно, и я увидел искорки смеха или смеш-

«Правде» — 50 лет

Большая школа

Ник. ПОГОДИН

ливости в ее глазах, точно снятых с портретов Ленина. Я был мрачного вида парень с нависшими бровями из-за своей близорукости, с устрашающе густыми волосами. Робость, смущение, радость делали меня совсем диким. Говорить было не о чем.

Дальше ничего не помню и сочинять не хочу. Устроиться мне не удалось. Мне сказали потом, что Мария Ильинична говорит, чтобы я поработал годик-другой корреспондентом, а там видно будет. И я поехал к себе на Дон в модном московском шарфе, который тогда носили поверх воротника пальто и перебрасывали через плечо. А через два года в ростовскую газету «Молот» пришел новый редактор и вежливо меня выгнал (в порядке обновления кадров), и я благополучно перекочевал в «Правду» на должность разъездного корреспондента (теперь их называют спецкорами). Еще не получив жилья, я поехал в Чувашию на судебный процесс. Там кулачье и торговцы избили сельского корреспондента, вырезали у него на голове звезду за то, что он подписывался псевдонимом «Красная звездочка».

Дух и стиль редакции, видимо, сохраняли традиции старой «Правды» или даже «Искры», и это выражалось в том, что газету делала редакция, то есть коллектив, самостоятельно, творчески, без чрезмерного вмешательства руководства в каждую строку, которое потом появилось, в тридцатые годы, когда газета была круто подчинена культу личности. Это отнюдь не значит, что газета велась как-то сама по себе. О, нет! Мария Ильинична была душой редакции, но душой, а не самовластным руководителем, точнее, начальником, который один все знает и все понимает. Нам доверяли. В те времена вызвала бы не только удивление, но и полное непонимание какая-нибудь корреспонденция, подписанная двумя фамилиями. Зачем? Мы дорожили своей ответственностью.

Мария Ильинична была строга, требовательна и умела накричать. Редакционный воз постоянно везла Мария Ильинична. И вот теперь я вижу ее пробегающей по длинному нашему коридору, обычно с рукописью в руках. Она любила забежать в отдел и в отделе вместе со всеми сотрудниками разобраться в материале, а то и распушить нашего брата, в особенности за небрежности, неграмотность — словом, за плохое качество работы.

Сейчас много говорят о ленинских нормах в работе и поведении, но разговаривающие об этом подчас не имеют понятия, что означают в жизни эти нормы. Мария Ильинична Ульянова в редакционной жизни была образцом этих норм. Она обладала огромной властью, мы ее боялись, мы ее бесконечно уважали, не боюсь слова «чтили»... да, чтили, хоть она могла быть несправедливой, могла вспылить, имела свои слабости, и вместе с тем мы тогда не знали угнетающего чувства дистанции, которое отделяет малых от больших.

Потом, уже в конце двадцатых годов, я как-то днем зашел в кабинет к ней и увидел, что она плачет. Я попятился и хотел выйти. Мария Ильинична жестом остановила меня.

— Что с вами, Мария Ильинична? — в смятении спросил я.

— Так...— Она помолчала и попробовала усмехнуться.— Я разговаривала с одним человеком...

С кем — я отлично понимал. Мы в редакции тихо говорили, что Сталин скоро сменит нашего ответственного секретаря. Он это и сделал.

Но вернемся к более счастливым временам.

Однажды Мария Ильинична поймала меня в коридоре. Именно поймала, так как я старался не попадаться ей на глаза: непременно пошлет куда-нибудь к черту на кулички,— и еще потому, что станет спрашивать, почему я такой мрачный. Так оно и случилось при этой встрече.

— Слушайте, Погодин, почему вы такой мрачный?

— Я не мрачный... У меня такое выражение лица.

— Нет, вы ужасно мрачный. У вас на лице написана мировая скорбь.

— У меня плохое зрение. Я сдвигаю брови.

— Брови тут ни при чем. Вы очень мрачный.— И прямо, без перехода: — Вам надо поехать в Баку к Серебровскому. Мне сказали в ЦК, что он сделал чудеса, а мы с вами ничего об этом не знаем.

Никаких приказов тогда не писалось, но на другой день я уже ехал в Баку. Дисциплинированность, исполнительность, точность в работе каким-то естественным образом составляли сущность нашего служебного поведения, хотя у нас не было ни трудовых книжек, ни личных дел с выговорами или благодарностями, занесенными туда. Плохого работника просто увольняли и не давали ему рекомендации, но и не награждали его пожизненным званием плохого, чтобы он мог исправиться. А не исправится — это уж его горе. Мы страшно дорожили своей работой. Но в этой командировке я позволил себе легкомысленное отношение к делу и потом чуть ли не впал в отчаяние.

До этой поездки я с большой индустрией сталкивался нечасто, да и не было тогда большой индустрии. Писал я больше о деревне. А там что? «Под колесами телеги вьется дорога», «Небо голубело», «Старик Никанорыч, ласково улыбаясь, сказал...» Словом, набор газетных штампов, которыми мы тогда грешили в дурном подражании Глебу Успенскому. И вот я попадаю в молчаливый мир новых нефтяных промыслов, где без людей медленно покачиваются коромысла глубоких насосов, и легкомысленно надеюсь описать промышленную революцию старыми, нехитрыми способами: «Небо голубело». Оно и действительно голубело, это прекрасное восточное небо. Но и все. И когда, поездив по промыслам дня три, я счел, что набрался впечатлений, и сел писать, то с ужасом увидел, что писать мне не о чем. Я принимался несколько раз за корреспонденцию и видел, что получается одна вода.

Грустно. Точнее, мне сделалось страшно. Напишу плохо. Не напечатают. Пошлют другого.... Перспектива печальная. Не уволят. Нет. На такие неудачи тогда смотрели в какой-то мере творчески. Страшила встреча с Марией Ильиничной, которая послала меня в Баку. Мне она не запишет выговора, который и записать-то некуда, не вынесет этот случай на летучку, которых тогда тоже не было. Просто она скажет с явным упреком: «Что ж это вы... Плохо. Вы подумайте, как это случилось». И непременно спросит, нет ли каких-нибудь особенных причин, отражающихся на работе. И устрашал этот, по сути дела, дружеский разговор. Сердилась и гневалась она в иных случаях, когда делались вещи неблаговидные, когда ее обманывали, не выполняли заданий редакции, когда, наконец, дело касалось морали.

А у меня на бумаге была вода, на душе — тоска, и работать не хотелось, потому что стояла страшная бакинская жара и манило море, как оно может манить, когда тебе двадцать пять лет. И все же, несмотря на растерянность, я нашел выход, потому что бесконечно дорожил работой в «Правде», любил нашу редакцию, высоко ставил свои обязанности. Я пошел к главному инженеру «Азнефти» (тогда бакинские промыслы управлялись одним трестом) и сказал ему, что я хочу знать «все про нефть». Он меня понял и дал мне список книг от элементарного очерка по теории происхождения нефти до способов современного бурения. Ровно неделю с утра до вечера я читал эти книги с карандашом в руках. Поначалу я читал с механическим безразличием и не заметил, как меня повела за собой гигантская техническая тема завоевания человеком недр земли. К концу недели я прочитал штук десять книг по нефти и пусть дилетантски, но зато в подробностях знал нефтяное дело с тех древних времен, когда здесь появились огнепоклонники, молившиеся огню в своих храмах, который поддерживался слабыми выходами газа из земли.

Я снова поехал по тем же промыслам, где был вначале, но теперь на все смотрел иными глазами и с восхищением, понимал, какую революцию здесь совершил инженер коммунист Серебровский. Задолго до наших знаменитых пятилеток и, главное, без шума он с бакинцами, среди которых было уже много специалистов-азербайджанцев, вывел «Азнефть» на мировое по значению место. И тогда я написал очерк, по-настоящему газетный, короткий, на один подвал, в котором сумел сказать все, что надо. Этим очерком я всегда гордился и отношу этот успех к типичной школе «Правды» двадцатых годов.

Школа эта требовала правдивости и точности по самим фактам и литературной отделке, чтобы читатель не жевал писанину, а читал. Политически безграмотному человеку в «Правде» нечего было бы делать, но политическая направленность должна была составлять внутреннюю сущность наших корреспонденций, а не внешнюю, чисто словесную.

Меня много «гоняла» редакция. Долго скитался я по Южному Уралу, и по воспоминаниям о заводских встречах в Златоусте потом была написана пьеса «Поэма о топоре». Долго жил в Иванове. Писал о том, как возникла на Одесщине первая в стране машинно-тракторная станция. Помню чистое поле на берегу Волги под городом, который тогда назывался Царицыном, где теперь стоит легендарный Тракторный. Поле это на моих глазах размерялось и в невиданных в России темпах преображалось в площадь промышленного строительства. В «Правде» тогда был напечатан небольшой очерк «Темп». А через год в Театре имени Вахтангова пошла моя первая пьеса, «Темп».

И вот еще о школе «Правды». То, что было привито мне в молодости и привито такими руководителями, как М. И. Ульянова, не исчезло до сих пор. Мария Ильинична требовала, чтобы мы, очеркисты, занимались светлыми явлениями (именно так она и говорила: «светлые»), но она не приходила в ярость, когда я писал о таком грандиозном очковтирательстве, как орошение Муганской степи, хоть тогда в «Заре Востока» появились разгромные статьи, обвинявшие меня в клевете, безграмотности и еще в чем-то.

В первой половине двадцатых годов я один работал спецкором в «Правде». Потом пригласили ставропольского корреспондента Тихона Холодного и Алексея Колосова. С Холодным я мог свободно соревноваться, но Алексей Колосов писал лучше меня по глубине и по стилю. Писал он главным образом о деревне, был признанно честным писателем в широком смысле русской традиционной народности.

Я всегда ярко вижу наши правдинские коридоры с их длинными деревянными диванами у входов, сидя на которых мы беседовали друг с другом, потому что нам, спецкорам, надо было ежедневно являться в редакцию. С этими коридорами у меня связывается образ Михаила Кольцова, одетого с иголочки, в больших роговых очках, маленького, иронически веселого. Когда он диктовал свой очередной фельетон, то носился из комнаты в комнату точно по неотложным делам. Но никаких дел у него не было. Просто он на ходу лучше умел сочинять фразу за фразой для своих миниатюр. Иногда пробегала неизменно озабоченная Мария Ильинична, и мы разом переставали болтать.

Мы ее любили, побаивались и бесконечно уважали. И она знала это.

ПИСЬМА ЛЕНИНА К ШАУМЯНУ.
Копія.
I.
Москва, Кремль.
14/II 1918 г.

Дорогой товарищ Шаумян!
Большое спасибо за письмо. Мы в восторгѣ от вашей твердой и рѣшительной политики: сумѣйте соединить с ней осторожнѣйшую дипломатію, предписываемую безусловно теперешним труднѣйшим положеніем,—и мы побѣдим.
Трудности необ'ятны; *пока нас спасают только противорѣчія и конфликты и борьба между империалистами.* Умѣйте использовать эти конфликты: *пока надо научиться дипломатіи.*
Лучшіе привѣты и пожеланія и привѣт всѣм друзьям. Ваш *Ленин.*

История двух писем

С. С. ШАУМЯН,
кандидат исторических наук

II.
24 мая 1918 г., Москва.
Дорогой товарищ Шаумян!
Пользуюсь оказіей, чтобы еще раз послать вам пару слов (недавно послал вам письмо с оказіей; получили ли вы?).
Положеніе Баку *трудное* в международном отношеніи. Поэтому совѣтовал бы попытать блок с Жорданія. Если невозможно—надо лавировать и *оттягивать* рѣшеніе, пока не укрѣпитесь в военном отношеніи. Трезвый учет и дипломатія для оттяжки—помните это.
Наладьте радіо и через Астрахань пошлите мнѣ письма.
Лучшіе привѣты. Ваш *Ленин.*
От редакціи: Курсив всюду подлинника.

Закавказье. Суровый год 1918-й. В. И. Ленин внимательно следит за развитием революционных событий в этом многонациональном крае. Владимир Ильич мудро направляет деятельность закавказских большевиков в их трудной борьбе за власть Советов. В. И. Ленин вел постоянную переписку с С. Г. Шаумяном, который постановлением Совнаркома РСФСР от 16 декабря 1917 года был назначен чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа. Вот два таких ленинских письма.

Первое письмо с некоторыми существенными неточностями было приведено во II, III и IV изданиях Сочинений В. И. Ленина. Второе публикуется впервые.

Интересна история этих документов.

Сначала о первом письме. Вот как оно напечатано в 35-м томе IV издания Сочинений В. И. Ленина:

«Телеграмма С. Г. Шаумяну.
Дорогой товарищ Шаумян!
Большое спасибо за письмо. Мы в восторге от вашей твердой и решительной политики. Сумейте соединить с ней осторожную дипломатию, предпосылаемую, безусловно, теперешним труднейшим положением,— и мы победим.
Трудности необъятны. Пока нас спасают только противоречия и конфликты и борьба между империалистами. Умейте использовать эти конфликты: пока надо научиться дипломатии.
Лучшие приветы и пожелания и привет всем друзьям.
В. Ульянов (Ленин)

Написано 14 февраля 1918 г.
Направлено в Баку.
Впервые напечатано 20 сентября 1924 г. в «Красной Газете» № 215.
Печатается по тексту газеты».

У каждого внимательно читавшего этот документ невольно возникал вопрос: действительно ли это телеграмма? Что заставляет усомниться в этом? Прежде всего форма обращения Ленина — «Дорогой товарищ Шаумян!». И восклицательный знак на конце. Далее, почему неоднократно встречается союз «и», чего в лаконичном телеграфном тексте обычно не бывает. И подпись под текстом — «В. Ульянов (Ленин)». Так Владимир Ильич Ленин обычно подписывался под постановлениями правительства, под официальными документами. Под телеграммами, как это видно из опубликованных в том же 35-м томе телеграмм, В. И. Ленин подписывался «Ленин», «Предсовнаркома Ленин», «Предсовобороны Ленин».

В 35-м томе указано, что телеграмма, датируемая 14 февраля 1918 года, направлена С. Г. Шаумяну в Баку. Это тоже вызвало сомнение: С. Г. Шаумян с 6 января по 19 февраля 1918 года находился вне Баку. В частности, с 22 января он был в Тифлисе. И это, по всей вероятности, было известно В. И. Ленину.

Для того, чтобы выяснить все эти сомнения, я обратился в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и попросил подлинник документа, который явился основой для его публикации в «Красной газете», а затем и в 35-м томе. Оказалось, что ни текста телеграммы, ни копии ее нет. Единственный источник — «Красная газета».

Читаю № 215 «Красной газеты» за 20 сентября 1924 года в надежде найти там ссылку на первоисточник. На второй странице ряд материалов, посвященных шестой годовщине со дня злодейского расстрела С. Г. Шаумяна и других руководителей Бакинской Коммуны. Читаю заметку «В ночь на 20-е сентября». В ней такие строки: «Лучшей оценкой деятельности бакинских товарищей, оторванных от руководящих центров, была следующая телеграмма Ильича на имя Шаумяна». И далее приводится тот текст, который и вошел в 35-й том. Итак, ясно: ленинский документ, названный телеграммой, дается в «Красной газете» не как отдельная публикация с указанием на источник. Документ этот вкраплен в заметку. Значит, он уже где-то ранее публиковался, и надо продолжать поиски первоисточника.

И вот первая удача: удалось установить, что этот документ был опубликован еще 20 сентября 1922 года в вечернем выпуске газеты «Бакинский рабочий» как **письмо** В. И. Ленина. Но в «Бакинском рабочем» перед датой 14 февраля 1918 года написано: **«Москва, Кремль».** И сразу возникает новый вопрос: правильно ли указана дата ленинского документа? Ведь 14 февраля 1918 года В. И. Ленин находился еще в Петрограде. Как известно, он приехал в Москву в ночь с 10 на 11 марта 1918 года. Значит, дата 14 февраля 1918 года не точна!

Этот же документ дважды публиковался в приложениях к сборникам статей и речей С. Г. Шаумяна, издававшихся в Баку в 1924 и 1929 годах, и в обоих сборниках он значится как «письмо Ленина к С. Шаумяну». Значит, ясно: «Красная газета» ошибочно назвала ленинское письмо телеграммой. Возможно, что сотрудник «Красной газеты», читая тот номер «Бакинского рабочего», был введен в заблуждение напечатанной здесь статьей секретаря Бакинского комитета партии Л. Мирзояна «К истории Бакинской Коммуны». «В сегодняшнем номере,— пишет Л. Мирзоян,— помещена маленькая **телеграмма** (подчеркнуто мною.— **С. Ш.**) от первого в истории человечества великого гения тов. Ленина на имя Степана Шаумяна...»

Между тем поиски первоисточника продолжались. В самом деле, каким образом этот ленинский документ попал на страницу газеты «Бакинский рабочий», если в архивах не осталось никаких его следов?

Долгие поиски привели к пожелтевшим страницам «Бюллетеня диктатуры Центрокаспия и Временного Исполкома Совета». В № 33 от 8 сентября 1918 года, на второй странице, в разделе «Из архива Чрезвычайной следственной комиссии», напечатаны два письма В. И. Ленина С. Г. Шаумяну: одно — уже известное, приведенное в 35-м томе, и второе — от 24 мая 1918 года, нигде, кроме этого бюллетеня, не публиковавшееся. Вот текст этого письма:

«24 мая 1918 г., Москва.
Дорогой товарищ Шаумян!
Пользуюсь оказией, чтобы еще раз послать вам пару слов (недавно послал вам письмо с оказией; получили ли вы?).
Положение Баку **трудное** в международном отношении. Поэтому советовал бы попытать блок с Жордания. Если невозможно — надо лавировать и **оттягивать** решение, пока не укрепитесь в военном отношении. Трезвый учет и дипломатия для оттяжки — помните это.
Наладьте радио и через Астрахань пошлите мне письма.
Лучшие приветы. Ваш Ленин».

«Бюллетень диктатуры Центрокаспия и Временного Исполкома Совета» — эсеро-меньшевистский орган, выходивший в Баку после временного падения Советской власти. «Чрезвычайная следственная комиссия», из «архива» которой взяты эти ленинские письма, была создана для ведения «следствия» по делу арестованных руководителей Бакинской Коммуны, чтобы организовать провокационный «судебный процесс».

Но можно ли верить документам, опубликованным во враждебном органе? Здесь требуется особое внимание: нет ли фальсификации? И прежде всего нужно убедиться в том, что письма В. И. Ленина действительно могли попасть в руки так называемой «следственной комиссии».

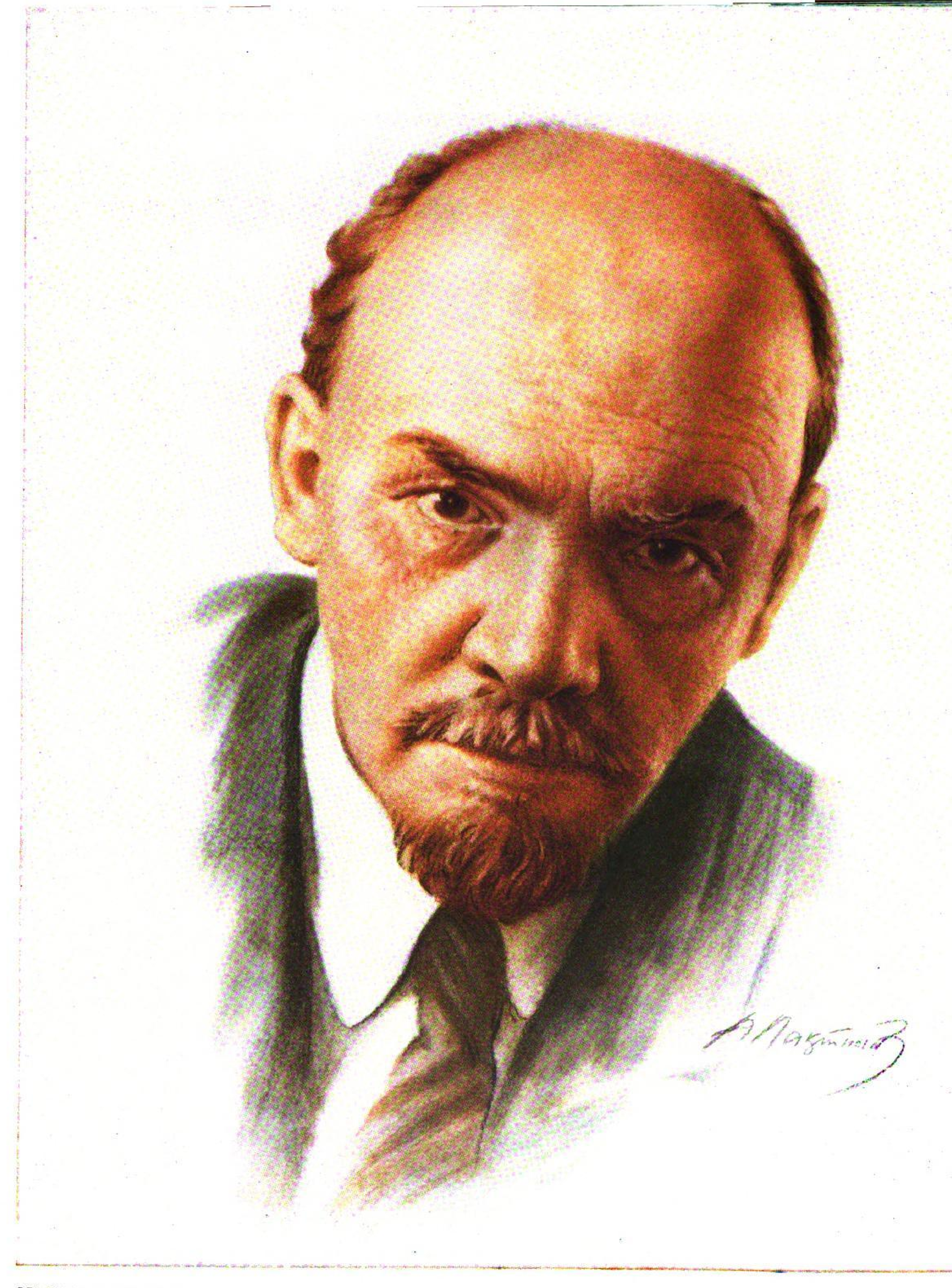
И вот находится свидетельство очевидца. Сурен Шаумян в книге «Бакинская Коммуна», вспоминая, как 17 августа на баркасе «Лейля» был арестован С. Г. Шаумян, пишет: «На рассвете 17 августа всей флотилии было приказано бросить якорь между островом Наргином и Баку... Утром к баркасу «Лейля» подошел паровой катер, приказавший товарищам Шаумяну, Корганову и мне, находившемуся с ними, перейти на «Геок-Тепе», на котором находился штаб военного флота. Здесь нас объявили арестованными, обыскали, причем у товарища Шаумяна был отобран портфель с очень интересными документами, в том числе несколькими собственноручными письмами В. И. Ленина».

Теперь, чтобы убедиться в том, что публикуемые письма являются действительно ленинскими, надо проанализировать их содержание, стиль, вопросы, которые в них поставлены. В подлинности первого письма, уже давно опубликованного, нет сомнений. А второе, от 24 мая 1918 года? Здесь требуется дополнительное изучение. В этом письме В. И. Ленина имеется очень важное место большого принципиального значения. «Положение Баку,— писал Владимир Ильич,— **трудное** в международном отношении. Поэтому советовал бы попытать блок с Жордания».

Действительно ли В. И. Ленин считал возможным, в силу сложившихся трудных условий, «попытать блок с Жордания», лидером грузинских меньшевиков? Да, считал возможным. Это подтверждает более позднее письмо В. И. Ленина к Г. К. Орджоникидзе от 2 марта 1921 года, в котором он писал: «...гигантски важно искать приемлемого компромисса для блока с Жордания или подобными ему грузинскими меньшевиками...» Имеется и другое доказательство: письмо одного из руководителей тифлисских большевиков, А. М. Назаретяна, С. Г. Шаумяну от 8 июня 1918 года. Оно свидетельствует о том, что С. Г. Шаумян действительно получил от Владимира Ильича письмо, на основании которого члены Кавказского крайкома партии Д. Шавердов и Б. Мдивани вели переговоры с Жордания.

Публикуемая фотокопия позволяет уточнить вызывавшую сомнения дату первого ленинского письма. Если внимательно посмотреть фотокопию, то можно увидеть, что там стоит не «14. II», а «14. III. 1918 год». Эта дата более правдоподобна. В это время В. И. Ленин действительно находился в Москве, а С. Г. Шаумян — в Баку. А самое главное, бакинские большевики к этому времени достигли значительных успехов в борьбе за власть Советов, и у Ленина были теперь все основания выразить свое удовлетворение их «твердой и решительной политикой».

Фотокопия дает возможность установить и подпись Ленина под письмом: не «В. Ульянов (Ленин)», а «Ваш Ленин». Видимо, редакция газеты «Бакинский рабочий» допустила здесь некоторую вольность.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН.

Рисунок А. Лактионова.

ГЛУХОВЦЫ У В. И. ЛЕНИНА (фрагмент). **Н. Соломин** (Москва).

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

Апрель

Лирическая поэма

Иван КАШПУРОВ

...И начались осенние дожди.
Промокший ветер тяжело вздыхает,
угрюмые раскачивая вязы.
Они к окну протягивают руки
и пальцами озябшими тихонько
царапают заплаканные стекла.

Из комнаты, залитой мягким светом,
я их не вижу в темноте промозглой,
но слышу, как раздетые деревья
глухие стекла трогают смущенно.

Приходит мысль: раскрыть окно пошире
и, взяв за руки, втаскивать в квартиру
иззябшие доверчивые вязы...
Но остаются на дворе деревья,
и липкий дождь без края — на дворе.

А я сегодня так хочу апреля!
С ним связаны мои воспоминанья
и упованья добрые мои.

Сейчас, когда ко мне стучится осень,
апрель идет вдоль южных параллелей,
по смуглокожим африканским странам,
где кровь Лумумбы ждет еще отмщенья,
он будит землю, умывает землю
веселыми безгрозными дождями;
апрель идет и голубые очи
на белый свет фиалкам открывает...

Мне кажется, я доказать сумел бы,
что добрых дел свершается в апреле
гораздо больше, чем в другое время.

...Шевелятся во мне воспоминанья.
Бежит состав, глотая километры.
Навстречу синий сыроватый ветер,
и станции разбитые — навстречу.

На свежих досках, жестких и душистых,
укутавшись в холодные шинели
зеленого английского сукна,
лежат солдаты сабельного взвода.

А я им вслух, под четкий ритм колесный,
стихи Демьяна Бедного читаю.
И вновь в воображенье оживают
уверенные образы поэта:
вот улицы булыжные Симбирска —
пролетки, фонари, городовые;

вот тяжело раскачивает Волга
медлительные, дремлющие баржи,
и все кругом обыденно, обычно.

Лишь солнце, удивительное солнце,
слепящими потоками апреля
по всей земле берестяной России
течет, сияет, гордо знаменуя
рождение Судьбы ее и Славы,
рождение Ульянова Володи...

В тот день, пожалуй, только солнце знало,
что в мир пришел не просто человек,
но Человек, сродни который солнцу,
который сам, как солнце, будет нужен
земле и людям, странам и векам...

Я том стихов за голенище прячу,
закуриваю и смотрю в окно.

Проносятся сквозные перелески,
где рваной сталью мечены деревья —
стоят в зеленом искровье апреля.
Потом мелькнул какой-то полустанок,
и врезалось мне в сердце навсегда:
на страшном фоне выжженной деревни
цвела недогорелая черешня!

Она цвела одна средь пепелища,
одна цвела на празднике апреля...

А впереди, на незнакомой Шпрее,
волной последней закипала ярость
четыре года длившегося боя,
и в воздухе уже победой пахло.

Но чем нетерпеливее мы были,
тем медленнее двигался состав наш.
Вот он вошел балладой в царство Мая,
потом остановился вдруг в Полтаве,
и мы узнали: кончилась война!

Нас обнимали матери чужие,
чужие целовали нас невесты,—
весь древний город чествовал «героев»,
а мы ведь боя близко не видали.
Но пьяная от радости Полтава
об этом слушать даже не хотела.
Так для меня, безусого солдата,
негаданно окончилась война.

...И вновь бегут вперед воспоминанья,
легко бегут дорогой проторенной.
(Ведь я сначала сам по ней прошел.)

Апрель пятидесятого, ты помнишь,
скажи, меня ты помнишь хоть немного?
Скажи, глаза какие у меня?
Молчишь, апрель? Ну, ничего. Бывает.

Ты старше стал на десять с лишним лет
и чем-то мне напомнил друга Жору,
Шевцова Жору, знаешь, с Первомайской
окраинной слободки, и, как Жора,
наверно, пишешь по ночам стихи
о Черных землях, чабанах и овцах...

Но подожди, апрель, я не об этом.
Тогда и я намного был моложе.
Спешил с утра в пединститут, а ночью
я разгружал вагоны и платформы.

И, кажется, мне было много легче
таскать мешки с цементом, чем запомнить,
где пишут юс[1] большой, где пишут малый.

Так день за днем. И только в воскресенье
я отсыпался за неделю сразу
и шел в горсад, на главную аллею.

Я наблюдал, подставив солнцу щеки,
как разжимали добрые каштаны
тугие кулаки широких листьев,
я наблюдал, как согревалось небо,
апрельской синевою наливаясь,

я наблюдал... Вдруг на мою скамейку
бесцеремонно опустилась песня.
На песне было ситцевое платье,
у песни были льющиеся косы
и черных глаз миндалины большие.

Их взгляд прошелся по моим каштанам,
скользнул по небу моего апреля
и шпагою с моим скрестился взглядом...

Назвалась песня — Юлей. Это имя
на все лады в душе моей звучало
и окрыляло смелые надежды.
Потом каштаны к нам двоим привыкли,
доверчивыми стали и ручными.
Они встречали нас в ночную пору,
держа цветов подсвечники высоко.
Мы тихо шли заре своей навстречу,
мы шли всю ночь, и на каштанах свечи
всю ночь холодным пламенем дрожали.
Но это было много позже. В мае...

Строка к строке ложится на бумагу.
Хочу я вспомнить все свои апрели.
Я мысленно построил их в шеренгу
(их тридцать пять),
скомандовал им: смирно! —
и, проходя вдоль строя, я заметил,
что есть апрели, мной совсем забыты,
они, как дым, растаяли вдали.
Но есть апрели — я в лицо их знаю,—
которые стихами стали, бронзой,
веселыми полями целины.

Вот над землею отшумел недавно
один из потрясающих апрелей.
А начинался он совсем обычно,
как тысяча, как две ему подобных.

В земле, прогретой солнцем, шла работа,
и брызгали навстречу солнцу травы
колючими зелеными лучами.
А в небе чистом пролегли дороги,
и стаи птиц весенних, гомонливых

[1] Юсы — буквы в славянской азбуке, обозначающие носовые гласные звуки.

плетут весь день и радостно и звонко
немыслимые кружева апреля.

Я ухожу от надоевших комнат
в поля, навстречу журавлиным кликам,
навстречу ветру голубому, рощам,
чтоб насладиться вволю настоящей,
волнующей, врачующей весной.

А надо мной, в бескрайнем царстве солнца,
большие птицы шумными путями
летят, летят к своим родным гнездовьям...

Но тут над вечным торжеством апреля
мечты людской взметнулось торжество:
преодолев земное притяженье,
корабль уносит в космос человека,
а вся планета по слогам, как в школе,
заучивает имя космонавта...

Истории немеркнущая память,
ты сохрани потомкам и векам,
как Первому секретарю ЦК
крылатая космическая эра
докладывала о своем рожденье.

И многие у голубых экранов
не удержали слез, как счастье, ясных,
когда Хрущев с отцовскою любовью
героя трасс вселенских обнимал.

...Двадцатый век.
Апрель шестьдесят первый,
ты на виду у всей земли весенней
под звон литавр вошел в свое бессмертье.

Но я другой апрель сегодня вспомнил.
То был апрель семнадцатого года.
Броневики. Прожекторы. Матросы.
На площадь у Финляндского вокзала
пришел весь Питер Ленина встречать.
И вот Ильич на броневик поднялся,
окинул взглядом человечье море
и начал историческую речь.

В сердца людей уверенность входила,
от ясных слов яснели Завтра дали,
где зрел уже октябрьский ветер гнева
и бури очистительной порыв...

Не Петроград, казалось, вся Россия
стояла у Финляндского вокзала
и слушала любимого вождя.
Еще тогда, знакомо вскинув руку,
он показал России возбужденной
вот этот наш блистательный апрель...

Мне кажется, я доказать сумел бы,
что именно в апреле — да, в апреле —
становятся щедрей и мягче люди...

Сейчас, когда ко мне стучатся вязы,
по мостовой гоняет ветер листья
и на столбах качает фонари,
перед моим окном столпились звезды,
большие звезды города большого.

Их не потушит подгулявший ветер,
их не зальет дождем тягучим осень.
На эти звезды я смотрю с надеждой:
они мечте дорогу освещают,
моей мечте, уверенно летящей
туда, вперед, за два десятка лет,
туда, вперед, где молодо и ярко
сплошной апрель землею править будет,
где наше солнце станет незакатным,
а будет имя солнцу — Коммунизм.

Вот почему так хочется работать,
вот потому сильнее и значительней
сегодня каждый чувствует себя.
Пусть во дворе осенняя погода.
Мы все равно устремлены к апрелю...
Апрель, апрель!
Ты очень нужный месяц —
цветенья, обновленья кутерьма.
Апрель, апрель!
Недаром украинцы
тебя назвали самым светлым словом,
назвали нежно и певуче — квітень.

Запорожье.

Ленинс

Одиссей КОРФИАТИС

— Надо что-то придумать!

— Конечно, надо!

Разве могут быть тут какие-нибудь возражения?

Два других члена «комиссии культуры и отдыха» охотно поддерживают своего товарища, но... Но что?

Разговор этот происходил в 1959 году. На койке в углу тюремной камеры. «Комиссия» обсуждала вопрос о том, как отметить день рождения великого Ленина. Времени на подготовку, учитывая тюремные условия, оставалось немного. Если, конечно, хочешь сделать работу хорошо. А политические заключенные в этом смысле народ требовательный, угодить им нелегко. И не раз «разгоняли» они за неспособность «комиссию культуры и отдыха», в обязанности которой входит разнообразная работа по повышению культурного уровня и организации немногих возможных в тюремных условиях развлечений.

Праздник в тюрьме — это битва за жизнь, битва за душу и тело борцов. Поле боя — тюремная камера, где мучения, лишения и всевозможные запреты — будни.

Но, даже стиснутые этими жерновами, политические заключенные Греции никогда не забывали об этой светлой дате.

— Ты придумал что-нибудь конкретное?— спрашивают члены комиссии.

— Придумал! Что вы скажете насчет выставки? Накануне годовщины вечером в камерах состоятся доклады. А на другой день с утра — выставка.

— Выставка! Великолепная идея! Надо посмотреть, что у нас есть... Ведь речь идет о Ленине, здесь надо все делать по-настоящему.

— Есть два альбома из «Огонька». Это уже много! И марки и книги Ленина. Найдем и еще кое-что...

В тюрьме многие наши товарищи изучают русский язык. Дело это, надо сказать, совсем нелегкое. Учебник русского языка запрещен. Если его обнаруживают, отбирают без разговоров. А получить и сохранить «Огонек» — еще более трудное дело!

Цветные иллюстрации журнала подшивались в альбом. Сколько раз мы листали его, уносясь мыслями далеко-далеко! Казалось, будто стены тюрьмы рушились и мы видели мир, беспредельную ширь будущего.

— Да, такая выставка понравится, дойдет прямо до сердца!

Затем комиссия обсудила и приняла решение по деталям организации и охране работы. И какой работы! Столько людей должны были действовать согласованно. Все до одного! И под самым носом цербера-тюремщика. Враг здесь бдителен. Ходит за тобой по пятам. Прислушивается к твоему шепоту, к дыханию. Днем и ночью. Он жесток: ведь его не связывают никакие моральные понятия. Его сила — в неограниченном произволе.

Но что сравнится с коллективным разумом, пламенной душой и организованностью, когда они идут рядом?

Ты хочешь, читатель, посмотреть эту выставку? Трудно войти в тюрьму, и еще труднее выйти из нее. Но следуй за мной молча и бесшумно. Я знаю здесь все закоулки. Даже вслепую я мог бы найти самый маленький гвоздик

«Такому человеку надо отдать дань»

О. КНОРРИНГ

В светлой комнате недавно открытого в Кисловодске мемориального музея Н. А. Ярошенко перед картиной, на которой изображен сельский дьячок, дирижирующий хором босоногих мальчишек, стоит пожилой, седоголовый мужчина. Это пенсионер Семен Антонович Падушинский — современник художника.

— Посмотрите, — улыбаясь, показывает он на картину.— Видите этого белоголового мальчишку в центре? Так ведь это же я. Серьезно. Когда я был еще совсем маленьким, нас частенько заманивал к себе Ярошенко и писал с нас этюды. Картину его «Постреленок» знаете? Тоже с меня писана. Мы, мальчишки, его вначале побаивались: генерал! А потом привыкли и сами повадились ходить к нему. Он нас всегда угощал конфетами. Давненько это было. Теперь у меня у самого сын без пяти минут генерал, а до сих пор хорошо помню, как наша босоногая команда ходила позировать Николаю Александровичу.

Дом, в котором расположен музей, ранее принадлежал Н. А. Ярошенко. Здесь бывали Королен-

кая выставка

на дверях этой крепости. С матерью мне пришлось прожить всего десять лет. А за этими дверьми — почти пятнадцать! Одна дверь, две, три, четыре, пять! Вот мы и во дворе сектора — так называются изолированные помещения тюрьмы. Здесь их несколько. В каждом секторе есть несколько общих камер и одиночек и... еще одна дверь.

Мы вошли в сектор, где сегодня, 22 апреля, утром «открылась» выставка, посвященная Ленину. Завтра ее перенесут в другой сектор! И во все другие — по очереди. Незримо пройдет она сквозь все преграды изоляции, «глазков» и жестоких тюремщиков...

Надзиратели недоумевают:

— Что еще за праздник у этих коммунистов?

— Ты смыслишь что-нибудь в коммунистическом календаре?

И они все шире раскрывают глаза! Но у надзирателя, который ходит туда-сюда по двору, то и дело заглядывая в камеры, всего два глаза, а у тех, кто следит за каждым его движением,— четыреста!

Если тебя удивит, что костюмы заключенных несколько немодны, я скажу, что самые новые из них были сшиты в 1945 году! Посчитай: здесь их владельцы провели четырнадцать лет...

Переступаем порог «галереи». Я знаю их уже четырнадцать лет, этих изобретательных организаторов выставки — весь коллектив заключенных тюрьмы. Но и я поражен тем, что сделано.

Вдоль стен — около тридцати раскладушек и топчанов — камера вмещает человек 40—45. В середине — довольно большое пустое пространство. И в нем по кругу установлены пять больших стендов из бумаги, обрамленных тоненькими деревянными планками. На стендах расположено по пять, шесть, восемь, а то и больше картин и фотографий. Сколько раз уже мы видели эти картины! Но когда они так красиво расположены, с каллиграфически выполненными надписями сбоку или снизу, то кажется, будто видишь их впервые.

На первом стенде — Ленин. Здесь материалы не только из «Огонька». Вот эту большую фотографию Ленина в кепке неожиданно принес на выставку старик крестьянин из Фессалии. Он хранил ее с 1946 года, спрятав в крышке деревянного чемоданчика. Фотографию он положил лицом к деревяшке, а сверху наклеил кусок обоев. И вот через тринадцать лет, по его собственному выражению, «выпустил ее из заключения».

— Но ведь ты не мог смотреть на Ленина, дядя Яннис...

— Ну и что? Я знал, что он у меня там спрятан, и мне словно бы теплее становилось. Этот портрет для меня — как талисман. Человек есть человек. Не каждый из нас Ленин. И у тебя могут быть минуты слабости. Как только я чувствовал, что сердце мое не выдерживает, я тут же представлял себе, что прячу подпольщика, что на мне лежит ответственность! И напевал про себя: «Кто был ничем, тот станет всем!» А он улыбался мне из своего укрытия, мой командир! И опять все шло как надо. Понял?..

Ленин — это Октябрьская революция. Вот она, революция, на втором стенде. И короткие цитаты из выступлений Ленина между картин.

Ленин — это Советская власть, это социализм. Извольте: огромные достижения Советского Союза в строительстве социализма — на третьем стенде. Крупные электростанции, заводы, совхозы, колхозы, спутники! А рядом статистические таблицы. И показатели будущих вершин.

Ленин — это Советский Союз, спасший человечество от смертельной угрозы гитлеровского фашизма. Бессмертная эпопея великого советского народа во второй мировой войне — здесь, на четвертом стенде.

Ленин — это учитель и вождь мирового пролетариата. На пятом стенде — произведения о Ленине и Октябрьской революции со всех долгот и широт земли.

На одной из коек — открытый чемодан. На внутренней стороне крышки — целая выставка марок с изображением Ленина. А внутри чемодана—выставка его сочинений, тех, что смогли проникнуть в тюрьму: «Материализм и эмпириокритицизм», «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад» (на французском языке) и другие.

У каждого стенда стоит товарищ. Не хватает времени прочесть все цитаты, просмотреть все таблицы. Время рассчитано до секунды. Здесь за несколько часов должны пройти группами по пять — десять человек двести товарищей! «Экскурсовод» скороговоркой дает пояснения, заканчивая их советом: «Выходите, как и входили, по одному». Эти слова повторяют все «экскурсоводы». Позади каждого стенда сидят двое товарищей, словно выжидая чего-то. Остальные прогуливаются во дворе тюрьмы, громко беседуя о погоде. Но уголком глаза они неотступно следят за надзирателем, шныряющим вокруг. Он беспокойно принюхивается, как сторожевой пес. Прислушивается: «Коммунистических разговоров не ведут». Успокаивается. И все ходит и ходит по двору...

И вдруг — словно его муха укусила! — резко поворачивается в сторону камер и направляется прямо туда, где находится выставка.

— Идет!

Каким образом все исчезло? Когда?

Я заметил, как был закрыт и засунут под койку чемодан и как товарищи, стоявшие по двое позади стендов, схватили их.

Может быть, они иллюзионисты? Или волшебники?

Я-то знаю, что они с ними сделали... Но конспирация пока не позволяет мне рассказать об этом.

Тюремщику очень бы повезло, если бы он сумел захватить выставку. Возможно, ему дали бы за это нашивку. Но он даже не подозревал о существовании выставки!

Когда он вошел в камеру, один парень пришивал пуговицу к рубашке, другой, подальше, читал. Третий пил воду. Еще двое-трое слонялись по камере, громко обсуждая какую-то шахматную партию.

— Значит, самое главное — отгадать как можно больше ходов противника?

— А когда делаешь ход, то должен уже рассчитать вперед и последующие ходы. Понимаешь?

— Понима-а-аю! А он, бедняга, так и не понял!

И все весело расхохотались.

Афины, апрель 1962.

ко, Репин, Менделеев, Дубовской, Нестеров, Станиславский, Савина. На рояле, стоящем в одной из комнат, играли когда-то Рахманинов и Аренский. Собирая под окнами толпы слушателей, пели здесь Шаляпин и Собинов.

Немало труда потратил на создание музея его теперешний директор, художник Владимир Вячеславович Секлюцкий. Это его неукротимой энергии обязан город появлением на одной из улиц скромной лаконичной вывески: «Музей Н. А. Ярошенко».

Почти четырнадцать лет своей жизни посвятил Владимир Вячеславович сбору мемориальных экспонатов и картин. Где только не побывал! Сколько надо было проявить упорства, дипломатии, подчас даже хитрости, чтобы заполучить какую-нибудь картину Ярошенко! Сколько «боев» выдержал он, уговаривая работников музеев Москвы, Ленинграда, Киева, Полтавы поделиться частью своих, лежащих в запаснике, фондов!

— С музеями-то это еще что,— говорит Владимир Вячеславович.— А вот вы попробуйте заставить коллекционера расстаться с каким-нибудь уникумом! Попробуйте!

И тем не менее вещь за вещью, картину за картиной раздобывал он для музея.

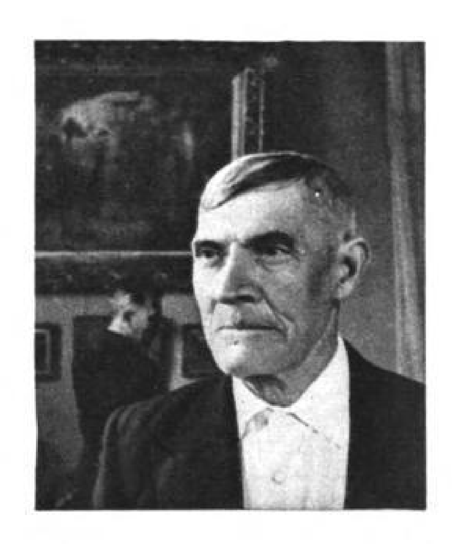
К моменту открытия в музее насчитывалось уже пятьдесят произведений Ярошенко и несколько десятков картин, принадлежащих кисти его знаменитых современников.

Наконец долгожданный день наступил. Музей открыт. Город увековечил память своего талантливого гражданина. А сделать это следовало давно. Ведь еще Владимир Ильич Ленин, как пишет в своих воспоминаниях М. В. Фофанова, просматривая репродукции картин Н. А. Ярошенко, сказал: «Вот замечательный художник!.. Подумайте, это кадровый военный человек и представьте себе, какой он прекрасный психолог действительной жизни, какие у него чудесные вещи!.. Прекрасно! Когда будем хозяйничать, чтобы не забыть. Такому человеку надо отдать дань».

Фрагмент картины «Хор». Мальчик написан с С. А. Падушинского.

Семен Антонович Падушинский.

Консультация у станка. Владимир Кашель (справа), как и раньше, советуется со своим прежним бригадиром Владимиром Гургалем.

Время счаст

Я. ЛЕВИН

Фото А. УЗЛЯНА.

ЛИВЫХ

Аудитория переполнена. Люди стоят даже вдоль стен. Дверь распахнута. В коридоре тоже толпятся слушатели. Подбегают студенты, пытаются заглянуть в комнату:

— Кто читает? Профессор?

— Профессор, именно профессор. Не мешайте слушать.

Лектор, молодой, чернобровый, переходит от чертежей к резцам, оправкам, приспособлениям, разложенным на столе.

Он говорит увлеченно и увлекательно.

После лекции — вопросы, краткие выступления. Вот несколько слов из речи профессора А. Н. Рабиновича, заведующего кафедрой Львовского политехнического института.

— Знаю почти всю мировую литературу, посвященную технике резания металла, но не встречал таких своеобразных решений, какие находит Владимир Иосифович Гургаль, наш уважаемый лектор. У него простота, оригинальность, концентрация операций — самые прогрессивные направления в технике...

Сегодняшнее выступление Гургаля можно считать юбилейным — сотая лекция. Общественный деятель, научный работник, лектор, литератор — таким знает Львов токаря с машиностроительного, Героя Социалистического Труда.

Вечером, после лекции, мы застали Владимира Иосифовича дома. Он беседовал с дочерью об учебных делах. Марийка учится в третьем классе, а ее отец — студент второго курса вечернего факультета. Его будущая специальность — инженер-механик.

Мы просим Владимира Иосифовича рассказать о себе, о своей удивительной судьбе.

— Да у нас во Львове у всех удивительная судьба,— улыбается Гургаль.— Жизнь так счастливо повернулась... А о себе говорить трудно, да и многое уже сказано. Вот пишу потихоньку записки — «Страницы жизни».

«Трудовую жизнь я начал пастушонком» — это строчка из «Страниц». Многие эпизоды рукописи были использованы в газетах. Может, и нам придется упомянуть случаи, о которых уже писали. Ну как, например, не рассказать о встрече журналистов с отцом Владимира! Было это несколько лет назад. Иосиф Гургаль, как обычно, сидел в заводской проходной и проверял пропуска.

— Вам кого? Гургаля? — Старик улыбнулся.— Так я и есть Гургаль. Не тот? Не подхожу? Старый Гургаль — старый Львов, а вам треба молодого... А его как раз нема. Вызвали по каким-то важным делам. Он ведь ответственный рабочий.

Старик — живая история львовского рабочего класса. Иосиф Гургаль прошел путь тысяч и тысяч тружеников. Голодные годы ученичества, безработица, национальная рознь, темнота, унижения, расстрел демонстраций — так было... Владимир Гургаль проходит нынче путь, о котором здесь и мечтать не смели.

Перелистываем «Страницы жизни».

В жаркий летний день Володя Гургаль выбегает навстречу танкам с красными звездами на броне. Широкоскулый молодой солдат дарит ему значок с портретом Ленина. Свершилось! Наши пришли! Теперь жизнь не пропадет зря.

На заводе юного Гургаля в шутку называют почемучкой. Почему то, почему это, какой это станок, где достать техническую литературу, как научиться читать чертежи? Тысячи вопросов ради одного большого дела.

И вот пришло его время. Он скоростник. Первые рационализаторские идеи. Первые свершения. И наконец—чудо: недельный план выполнен за четыре часа! А сколько было таких чудес потом! Создается школа Гургаля. Среди его новых друзей Борткевич, Быков, Бушуев, Семинский—прославленные токари страны. Кто-то на заводе подсчитал: если вести счет выполнения плана с послевоенной пятилетки, Гургаль уже давно перелистывает календарь двухтысячного года.

— Не знаю, не знаю,— смеется Владимир Иосифович,— не я подсчитывал. Меня другое сейчас занимает: как бы научиться побольше брать в сегодняшний день из коммунистического завтра. Мы много думаем об этом, ищем и, кажется, иногда находим нечто конкретное...

Кстати, вспомнил я об одной примечательной встрече. В Киеве, на выставке передового опыта, подошел ко мне иностранец. Ему сказали, что это все мои книги, брошюры, плакаты. «О,— говорит он,— мне и то не пришлось напи-

Неразлучные старые друзья из бригады счастливых. Встретившись в цехе, Владимир Кашель, Владимир Гургаль, Николай Жогов, Вениамин Небис тут же, на ходу, советуются, спорят.

сать столько книг, а ведь я член парламента». Значит, мы коллеги. С гордостью представляюсь: депутат Верховного Совета Украинской Советской Социалистической Республики. Тут и он отрекомендовался: Кони Зиллиакус. Говорит он по-русски хорошо, только с акцентом. Взял я книжку, сделал дарственную надпись. Зиллиакус благодарит: «Я покажу эту книжку нашим инженерам, пусть они поучатся».

Был я делегатом XXII съезда партии. Там, в Кремле, я услышал самое главное. Будь счастлив, человек! — вот что сказал съезд. Нынче время счастливых. Случается, конечно, беда, бывает горе. Но если ты борец, если увлечен делом — ты счастлив. У меня была бригада счастливых.

Была? А сейчас?

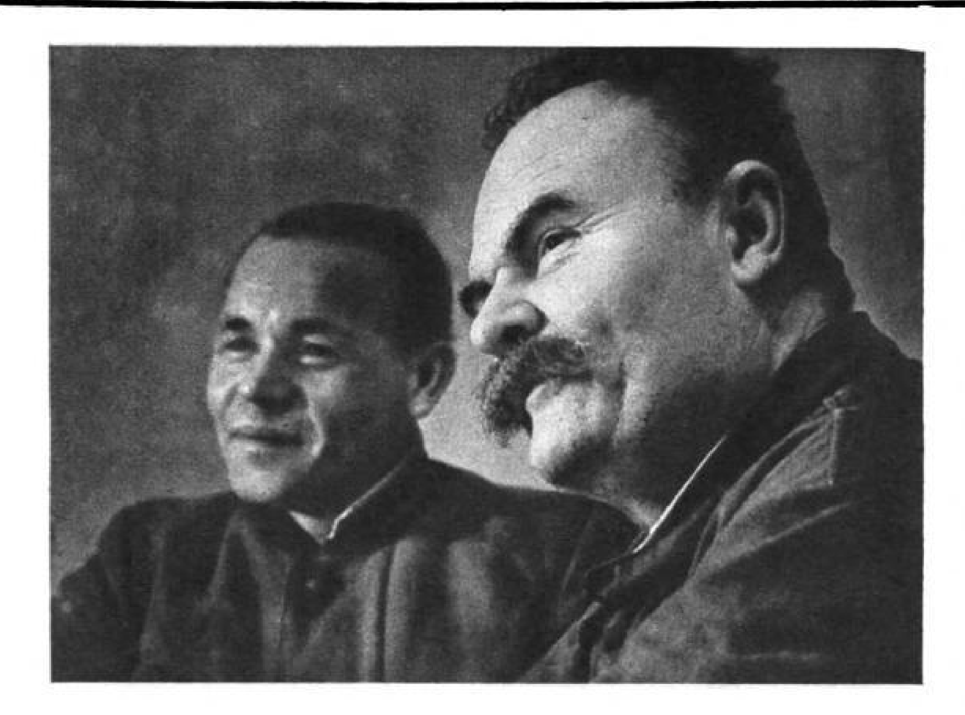
— А сейчас несколько бригад. Бригада коммунистического труда Владимира Гургаля — это, как здесь говорят, коллектив асов. За последние годы они ускорили обработку деталей в десять раз. Все коммунисты. Большинство — студенты-вечерники. Собралась бригада после XXII съезда и решила вместо одной создать пять-шесть новых бригад. Теперь каждый руководит небольшим коллективом.

...Владимир Иосифович выходит провожать нас. Весенняя ночь пронизана звездами.

— Люблю вот так побродить,— негромко говорит он.— Хорош наш Львов! Иные ахают: до чего красивы старинные узкие улочки, Княжья гора, львы у горсовета, каменные рыцари в доспехах! А по мне, хороши и эти наши заводские улицы. Вы обязательно запишите, еще раз запишите: здесь удивительные судьбы... Уж я-то знаю... Это же все мои товарищи!

Во Львовском политехническом институте. Лекция началась. На кафедре токарь В. И. Гургаль.

Увлеченность

К. Д. Деревянко (справа) и его ученик — Г. Г. Дегтярев.
Фото М. Савина.

Ник. КРУЖКОВ

Это очень хорошо — пронести через всю жизнь увлеченность, страсть, тяготение к чему-то одному, что неизменно вызывает живой интерес, жажду знаний, желание внести в любимое дело свое, личное. И не ради личного, своекорыстного, а ради общей пользы. В том случае, когда личный интерес, личная увлеченность связаны с заботой об общественном благе, и возникает то творческое озарение, которое всегда рождает успех.

Так получилось, что и родился-то Константин Дмитриевич Деревянко на виноградниках Абрау-Дюрсо, где отец его был садовым рабочим (приехал сюда Дмитрий Деревянко из Полтавщины, спасаясь от земельной тесноты, «шукать долю»), где и мать помогала отцу, как тогда водилось,— вот и появился мальчик на белый свет под резной сенью виноградных листьев. Впрочем, это было давно, 58 лет тому назад, и не отсюда, конечно, пошло увлечение Константина Деревянко виноградарством, это только романтическая деталь биографии. Увлечение появилось позже, к 16—17 годам, когда упрямый головастый мальчишка с Дубиновки (есть такая рабочая сторона в Новороссийске), вступив в комсомол, пошел добровольцем на фронт («рубать шляхту») и, хоть по младости не очень «рубал», все же вернулся героем. И может быть, и тут не забилась бы в груди Деревянко особая жилка, не появился особый интерес к солнечному делу виноградарства, если бы не комсомольская коммуна, которую на скорую руку организовали ребята с Дубиновки. Коммуна эта занялась восстановлением виноградников, порушенных войной и брошенных владельцами, а попутно — вполне прозаическим огородом, ибо коммунары нуждались и в хлебе насущном: на одном энтузиазме, как известно, не проживешь.

В коммуну записалось четырнадцать ребят. Девчонок не брали. Это для того, чтобы новороссийские мещане не вели худых разговоров и не показывали пальцами на коммунаров: «Знаем ваш новый быт, баловство одно»; сделали, короче говоря, уступку мелкой буржуазии. Избрали совет коммуны — Яшу Чертополоха, Женю Скачко, Поликарпа Тихашина, Илью Шульмана, а председателем — Костю Деревянко... Днем работали, полуголодные, тощие, а вечерами собирались у печки, читали книги, слушали доклады, спорили до упаду, до истошных криков. Ежели дров не хватало и печка не давала света (это было одно из ее назначений), зажигали где-то добытую обмусоленную церковную свечку — и жизнь шла своим чередом. И вот в такой-то обстановке попалась коммунарам книжка «Обновленная земля», переведенная Климентом Аркадьевичем Тимирязевым,— о делах американского селекционера Лю-

Тихо кругом. Все спят. Завтра зачеты.

тера Бербанка, который вывел сливу с плодами без косточек и кактус без колючек.

Обновленная земля! Само это название сразу же привлекло внимание коммунаров. Кому же обновлять землю, как не им, молодым хозяевам земли! И тогда-то Костя Деревянко, председатель, и произнес вдохновенную речь об обновлении своей родной новороссийской земли («Американец смог, а мы нет?»), о том, что чудо-виноград растет у нас, здесь, на Новороссийщине, да только все чужих сортов, а своего не получилось.

— Есть мускат гамбургский, мускат александрийский, мускат венгерский, но нет муската русского... Вот создать бы такой да назвать его «Мечта комсомольца»... А как? Что мы знаем? Чему учились? Чоновские наши винтовки стоят вот тут, рядом, а грамоты мало... Я окончил высшее начальное. Малый университет, прямо надо сказать. А вы что, братцы, окончили? Читаем, коекак пишем с ошибками, разве это дело? А землю обновлять нам. А жить и бороться нам.

Эту речь и эти споры вокруг понравившейся книжки до сих пор помнят оставшиеся в живых коммунары, а их осталось трое, не считая Константина Деревянко: Федор Трущенко, Петр Терещенко и Николай Козырский, теперь уже почтенные, пожилые люди.

Велика власть юношеских воспоминаний! Именно то зерно, которое было посеяно в те давние времена, и дало всходы. Долго оно лежало как бы под спудом, но где-то в глубине сердца все время тлел уголек, звал, не давал покоя.

Была еще в жизни Константина Деревянко одна встреча, которая осталась навеки в памяти, хоть и произошла она совершенно случайно и тоже давно, в 1923 году. Возвращались молодые комсомольцы Кубано-Черноморья с 1-й Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве, сели в свой вагон и уже готовились к третьему звонку, как вдруг попросился к ним «довезти до Козлова» пожилой человек с седенькой бородкой и живыми, молодыми глазами. «Ребята, я вас не стесню,— говорил он.— Только до Козлова, там я сойду». Константин Деревянко был парень добрый, он сказал: «Давайте, старичок, милости просим, сидайте. Потеснись, комсомол». Так они и уехали вместе со старичком. Старичок оказался превосходным собеседником, слушали его, раскрывши рты. А темой, увлекшей слушателей, был тот же разговор об обновлении земли, о власти человека над природой, о том, что человек должен не только брать то, что дает ему мать-земля, но и воздействовать на нее, умножать ее дары. Тут Костя Деревянко и спросил старого человека, можно ли создать в Новороссийске свой сорт винограда, «Мечту комсомольца»?

— Отчего же нельзя? Можно, только работать надо упорно, так, даром, с ходу это не выйдет. Советую выводить в Новороссийске виноград позднего созревания...

Уже прощаясь с ребятами, перед самым Козловом, старик назвал себя:

— Мичурин Иван Владимирович.

Но имя это в ту пору ничего не говорило ни Косте Деревянко, ни его товарищам.

Только много времени спустя дошло до Константина Деревянко, что говорил он с великим ученым-селекционером и что каждое слово надо восстановить в памяти и бережно пронести через всю жизнь. Вот тогда-то и хлопнул он себя по лбу: «Який же я був дурень!» Но совет Мичурина вспомнил и затвердил.

Пришлось в жизни Константину Деревянко заниматься разными делами. Был и ломщиком на мергелях, и избачом в селе, и садоводом в совхозе — коммуна давно распалась, расползлись коммунары кто куда,— но при всем этом мечта, стародавняя, юношеская, прикипела к сердцу, продолжала тянуть к себе. Соединилась она с другим влечением — к науке, к знанию, без чего трудно жить пытливому человеку на земле. Влечение это пришлось удовлетворять по-разному, довольствуясь всякой духовной пищей, какая только давалась в руки. Учился Константин Деревянко и в совпартшколе, и на рабфаке, и на агрофаке Тимирязевской академии, учился то очно, то заочно. И все его тянуло к прежней мечте — займусь виноградом, только доделаю это дело, а дело все не доделывалось: одно кончишь — начинается другое. А тут уже и общественные обязанности прибавились: с 1928 года стал Константин Деревянко членом партии. И семья вскоре появилась: сын, дочь. Можно было бы и выбросить из головы юношеские мечтания, предать их забвению. Но нет! Горит уголек под сердцем!..

Немало лет работал Константин Деревянко в совхозных политотделах, был и на своем посту организатором обновления земли, но работа политотдельская такая, что редко доводилось щупать землю непосредственно руками, больше надо было налегать на речи и бумаги. К тому же совхозы сеяли зерно, виноградом тут не баловались, а душа тянулась к винограду. Даже во сне грезились новороссийские склоны, обдуваемые морскими ветрами, а на склонах — стройные ряды виноградных лоз и среди них желанный, новый, невиданный ранее — «Мечта комсомольца».

Но за мечтой надо было еще долго гнаться, оказалась эта мечта за горами, за лесами да за синими морями. В 1940 году послали Константина Деревянко работать на Колыму в политотдел строительства. Разговор был короткий, возражений никто слушать не хотел, и поселился он в

таком краю, где не только виноград, но и свежий огурец был редким лакомством, привозимым за тысячи верст...

А земля влекла к себе с неудержимой силой. Жилось так: работа шла в одном русле, а душевные устремления текли в другом. Правда, Константин Деревянко и на Колыме, под северным солнцем, за короткое лето разводил самолично огурцы, картошку и других учил этому нужному делу, но все же основная работа отнимала все силы, и для удовлетворения душевных стремлений почти ничего не оставалось.

Нет, то, что человеку дорого с юношеских лет, не так-то просто отбросить в сторону. Мечта продолжала жить!

...Прошли долгие двенадцать лет. Уже и дети выросли, и седой волос пробился в голове, и где-то уже, не очень далеко, возникла тень надвигающейся старости. И вот тут-то и совершил Константин Деревянко крутой поворот, столь неожиданный для всех окружавших,— кроме жены Веры Даниловны, знавшей, конечно, о душевных терзаниях мужа,— что все ахнули и удивились до крайности: не рехнулся ли часом уважаемый Константин Дмитриевич?

— Прошу меня отпустить,— сказал Деревянко своему начальству,— хочу уехать.

— Помилуйте, зачем же, чего вам здесь не хватает: хорошее положение, высокая заработная плата, выслуга лет?!

Если Константин Деревянко сказал бы, что устал, хочет отдохнуть, что он соскучился по большой земле, это, наверное, никого бы не удивило.

Но Деревянко привел единственный довод:

— Хочу разводить виноград.

Начальник долго ходил по кабинету, искоса посматривая на Деревянко, стоявшего в невозмутимой позе.

— Мы ведь и наказать можем,— сказал начальник,— от нас так просто не уходят. Что вы собираетесь там делать, говорите прямо?

— Разводить виноград...

После длительной паузы начальник позвонил по телефону еще более высокому начальнику и, положив трубку, пренебрежительно бросил:

— Ненормального человека держать на ответственной работе не можем.

— Вот и хорошо! — сказал ненормальный человек.

Так в 1952 году оказался Константин Дмитриевич Деревянко в родном Новороссийске, и увидел холмистые склоны, обдуваемые морскими ветрами, и услышал шум волны, и почувствовал родной, с детских лет знакомый запах Черного моря. Поселился он у старухи матери в старой хатке, такой ветхой, что если толкнуть ее дюжими руками, то и развалится она на составные части...

Дети уехали учиться. Вера Даниловна частенько ездила к ним. Жил Константин Дмитриевич большей частью один со своей старой, очень старой матерью, а потом и ее похоронил.

Но Константин Дмитриевич не жаловался на одиночество, на скудость: его душу освещал свет давней, приблизившейся к осуществлению юношеской мечты — виноград рос вот тут рядом, в маленьком садике при доме, плохонький виноград, но все же виноград, он звал и манил. Вспомнился Константину Деревянко совет Мичурина, услышанный из его уст в 1923 году: «Выращивайте поздние сорта». Почему? Да потому, решил Деревянко, что поздний сорт появится на столе у людей тогда, когда ранние уже кончатся, поздний сорт несравненного плода земли продлит радость человеку. Конечно, так! Видимо, именно это и хотел сказать старый ученый. И этот поздний сорт должен быть способен противостоять всем капризам новороссийского климата. А земля здешняя отличная для винограда, это Константин Деревянко знал еще с той поры, когда жил с отцом в Абрау-Дюрсо, и говорил об этом ученый виноградарь имения, француз Барберон.

Много воды утекло с тех пор, как Константин Деревянко уехал из родного города, старых друзей почти не осталось, а новые люди с некоторым недоумением смотрели на пожилого человека, члена партии с немалым стажем, который заявил, что его страсть — селекция: «Работать надо, товарищ Деревянко, служить, у вас большой жизненный и партийный опыт, а виноград — это так, для вас, пожилого человека, домашняя забава».

Деревянко служил то в одном месте, то в другом, все как-то не очень клеилось. А помыслы были направлены к старой мечте и часто входили в противоречие с интересами службы. Кончилось это тем, что, пренебрегши чинами и должностями, поступил Константин Деревянко матросом на баржу «Днестр»: сутки работает, двое суток свободен. Оклад невелик, всего 450(45) рублей, но если жить скромно, то может и хватить, зато есть свободное время — все это для селекции, виноград рядом — твори, пробуй. Свободное время! Его дьявольски не хватало. Два скромных шкафа Константин Деревянко набил книгами. Тут торжественно установилась многотомная ампелография — гордость библиотеки Деревянко, десятки книг и брошюр по виноградному делу. Все это надо читать с карандашом в руках, сверяя свой личный опыт с теорией и с опытом других людей.

А самое главное — нужно работать непосредственно над виноградом: планировать сорт (селекция не волшебство и не кладоискательство), выращивать сеянцы и саженцы, создавать и размышлять, вести переписку с другими селекционерами, с опытными станциями, с научными работниками.

При этом приходилось ошибаться и спотыкаться, идти вперед и возвращаться вспять, радоваться и разочаровываться.

И знаний не хватало, прямо надо сказать. Учиться-то в молодости приходилось понемногу — «чему-нибудь и как-нибудь». А тут еще приедешь в какой-нибудь институт для беседы с ученым, там спрашивают: «Какое у вас образование?» Приходилось отвечать: «среднее», главным образом в том смысле, что вообще среднее, не разберешь какое.

Набравшись духу и терпения, Константин Деревянко заочно (в пятьдесят один год от роду) окончил Высшую партийную школу, хотя эта славная кузница партийных кадров прямого отношения к виноградарству, как известно, не имеет. Но диплом школы не оказался праздным приобретением: расширился кругозор, легче стало работать.

...Более 30 тысяч семян посеял Деревянко, получив около 2 200 сеянцев, испытал десятки способов, готовя к севу семена винограда, полученные от разных комбинаций скрещивания и самоопыления, пока наконец не добился от своих питомцев высокой всхожести, сильного роста и не создал новый сорт.

Мы не будем здесь излагать в подробностях селекционную деятельность Деревянко: это интересно для специалистов. Скажем только, что увлеченность человека дала наконец желанные и долгожданные плоды.

В Новороссийске не так уж быстро разглядели работу Константина Деревянко. Более, пожалуй, разговоров было о том, что ходит Константин Деревянко по городу и собирает пустые банки от сгущенного молока. Чудно̀, конечно. Нужны же они ему были для виноградных сеянцев: очень оказался подходящий сосуд.

Зато Константин Деревянко был замечен правительством Российской Федерации — дали ему пенсию в 600 (60) рублей (теперь можно было отказаться от работы на барже) и распорядились выделить участок в полгектара для селекции.

Это, собственно, и дало возможность нашему селекционеру завершить создание нового сорта.

Новый сорт родился, как его назвать? Может быть, в самом деле «Мечта комсомольца»? Нет, слишком романтично, да и автор уже давно — увы! — вышел из комсомольского возраста. Может быть, по имени «прародителя» — крымского винограда «Асма», как-нибудь «Новая асма», что ли? Нет, хотелось, чтобы в названии ощущался внутренний смысл нового сорта и подчеркивалось его место рождения — Новороссийск, город, где прошла молодость, где хорошо мечталось, где так славно спорили дубиновские комсомольцы об обновлении родной земли. «Новороссийский поздний» — вот и все!

И, назвав его так, коммунист Константин Деревянко письмо, отправленное на Выставку достижений народного хозяйства, в Москву, закончил словами: «Выведенный мною сорт винограда «Новороссийский поздний» посвящаю XXII съезду КПСС».

Итак, прошло почти десять лет непрерывных творческих поисков, напряженного труда, в котором непосредственными помощниками были собственные руки, лопата и садовый нож, пока наконец старая мечта не осуществилась. Впрочем, в последнее время появился у Константина Деревянко в качестве ученика пока еще совсем «зеленый» селекционер, плотник совхоза «Малая земля» Генрих Григорьевич Дегтярев, он трудится на опытном участке и набирается ума-разума.

— Да, брат, нелегкий ты выбрал путь,— говорит ему Деревянко.— Достигнешь ли?

— Достигну,— отвечает ему Дегтярев,— буду учиться, достигну непременно.

Великое дело — увлеченность. Если она появилась, будут и хорошие результаты.

Вскоре Константин Деревянко получил от ВДНХ такую славную бумагу, что готов был пуститься в пляс и перецеловать всех родных и знакомых. Вера Даниловна, достаточно натерпевшаяся от причуд своего мужа, была первой свидетельницей его восторга.

Вот о чем гласила бумага: «Отметить исключительную ценность сорта винограда «Новороссийский поздний». Тов. Деревянко К. Д. добился создания сорта перспективного для неукрывных районов Северного Кавказа. Центральная экспертная комиссия Совета ВДНХ СССР по виноградарству присуждает оценку сорту винограда «Новороссийский поздний» по 10-бальной системе 9,3 балла».

Труд селекционера получил всесоюзное признание. Это вызвало живой интерес в среде виноградарей-селекционеров и научных работников. Заинтересовался новым сортом и Главкурортторг: получить виноград в октябре, к празднику — дело для торговых работников немаловажное.

Итак, «Новороссийский поздний» существует! Свой, отечественный сорт, полностью приспособленный к местным условиям; сорт, дающий красивые и вкусные ягоды фиолетового цвета, покрытые серебристым восковым налетом — пруином; сорт сильнорослый и высокоурожайный, с цилиндрическими крылатыми гроздьями. Средний вес ягоды — до трех граммов, вес грозди — до 450 граммов.

Не зря трудился Константин Деревянко, не зря мыкался над книжками, копал и перекапывал, сажал и пересаживал, ходил в стоптанных кирзовых сапогах и потрепанной шинели, недоедал и недосыпал, не зря горела над ним звезда юношеской мечты...

* * *

Совсем недавно пришло от Константина Деревянко письмо, рассказывающее о последних событиях, связанных с «Новороссийским поздним». «Рад сообщить, что все идет хорошо. Сочинский трест совхозов взялся за внедрение «Новороссийского позднего» по-государственному, с размахом и деловитостью. В Адлерской школе садоводства сделают настольную прививку моих черенков, стратифицируют и закалят эти прививки и высадят их в совхозе № 3 на Ахуне. Самое хорошее состоит в том, что руководители треста стали моими единомышленниками и соратниками в деле внедрения «Новороссийского позднего» на плантации. Сочинская опытная станция взялась творчески помогать Сочинскому тресту совхозов. Ради всего этого стоит трудиться над селекцией с отдачей любимому делу всех своих физических и духовных сил. И душа поет!»

...А на опытном участке Константина Деревянко растут и готовятся вступить в жизнь еще другие новые сорта, им создаваемые — «Новороссийский крепыш», «Новороссийский пестролистый», «Новороссийский десертный»...

Неугомонный человек — Константин Дмитриевич Деревянко! Нелегко жить неугомонным и увлеченным, но зато радостно. Радостно, что творишь дело, нужное людям. И от сознания этого, как сказал Деревянко, душа поет!

«ТУРКМЕНСКАЯ ВЕСНА».

Фото Б. Кузьмина и А. Сербина.

Бой за воду. На строительстве третьей очереди Каракумского канала.

Пусть богатым будет урожай!

Цветет миндаль.

Весна шагает по улицам Ашхабада.

На этюдах учениц Государственного туркменского художественного училища останутся нежные краски весеннего дня.

ТУРКМЕНСКАЯ ВЕСНА

Б. КУЗЬМИН, А. СЕРБИН

В Москве еще мели метели. По вечерам мы слушали столичное радио, и диктор от имени бюро прогнозов обещал москвичам: «Температура ночью 12—14 градусов, днем 6—8 градусов ниже нуля».

А вокруг нас была весна. Небо безукоризненно голубое, ни одно облачное пятнышко не портило его весенней репутации. Утром веселые мальчишки без пальто бежали в школы. Вечерами в Комсомольском парке Ашхабада играла музыка, на открытой площадке кружилась молодость и потом расходилась по вечернему городу шумными ватагами или лирически-молчаливыми парами.

Но лирические пары и голубое небо были совсем не главными приметами туркменской весны. Весна шла по Туркмении труженицей, неся с собой не только радость, но и заботы.

Тут было жарко, как у нас летом, цвел миндаль. Когда мы спросили у работника одного из райкомов партии, какая стоит здесь погода, он нам ответил:

— Хорошая погода. Снега нет, дождя нет. Плохо.

Это значило, что нужно было думать о том, как дать влагу земле, беспокоиться о кормах для овец.

Вода — извечная забота туркменского крестьянина. Но теперь...

Километрах в пяти от Ашхабада в песчаном ущелье глухо ворчал бульдозер, двигая перед собой кучу песка. Это «ущелье», сделанное машинами,— путь, по которому скоро придут к столице Туркмении воды Аму-Дарьи. Строители Каракумского канала заканчивают строительство третьей очереди. Ашхабадцы готовятся встретить Аму-Дарью и уже начали оборудовать пляжи. Вот сколько воды будет здесь теперь!

Мы ездили по Туркмении, глотая пыль песчаных бурь, которые бывают здесь весной; слушали, как гудят в садах пчелы, встречали восход солнца в полях, где колхозники начинали сев хлопка, любовались горами Копет-Дага, словно таявшими в весеннем воздухе. И всюду мы видели, как встречают весну Туркмении — весну, которая приносит с собой и радости и заботы.

Покорители ледяных просторов

Еще недавно суровая природа неумолимо ограничивала сроки плавания кораблей в северных и восточных морях. Даже ледокольным судам далеко не всегда удавалось пробить себе дорогу. Любопытна запись в вахтенном журнале ледокола «Красин», сделанная 2 июля 1928 года у берегов Шпицбергена. Разыскивая итальянскую экспедицию Нобиле, ледокол в этот день при полном напряжении всех машин с трудом преодолевал за час расстояние, равное половине длины своего корпуса. И это в разгар лета!

Триумфальным событием, поразившим весь мир в 1932 году, был рейс ледокольного парохода «Сибиряков». За одну навигацию он прошел тогда северным путем из Белого моря в Японское.

А теперь этот же самый путь стал столбовой дорогой для судов в течение большей части года. Первый в мире атомоход «Ленин», достиг таких широт в Ледовитом океане, которые вообще считались недосягаемыми для кораблей. Второй по величине и мощности ледокол, «Москва», недавно в условиях полярной ночи в рекордно короткий срок проплыл от Мурманска до бухты Провидения.

«Москва», ставшая флагманом ледокольного флота Дальневосточного морского пароходства, обеспечивает проводку судов в порт Нагаево. Благодаря этому ледоколу не только Нагаево, но и другие порты Дальневосточного бассейна доступны теперь для судов в любое время года.

Капитан ледокола «Москва» Михаил Владимирович Готский (на переднем плане).

Я. РОМАНЦОВ

ВОКРУГ НАС

СУП ДЛЯ МИКРОБОВ

Каждый год Ингурский бумажно-целлюлозный комбинат платил рыбной инспекции шестьсот тысяч рублей за отравление реки. Очень вредными были для рыбы отходы целлюлозы: тот самый «суп», в котором варились ингурская пихта и сосна. И вдруг все изменилось. Рыбная инспекция лишилась своих «доходов»: суп перестали сливать в реку. Дело в том, что он оказался великолепной питательной средой для некоторых полезных микроорганизмов, специально привезенных на берега Ингури из Ленинграда. На этой среде микроорганизмы образуют дрожжи. Комбинат построил дрожжевой завод.

Вот уже два года, как Ингурский комбинат выпускает высококачественные дрожжи. Они облучены ультрафиолетовыми лучами, обогащены целым рядом витаминов и содержат 52,38 процента белка. Каждый день отсюда вывозят несколько тонн сухих дрожжей — ценной добавки в комбинированный корм для скота.

И. МЕСХИ

ЧЕРТЕЖИ СТЕПНОЙ РЕКИ

Рабочие чертежи реки? Да, чертежи. Ведь речь идет о рукотворном русле, которое создадут геологи, гидрологи, машинисты экскаваторов, бетонщицы, монтажники — люди самых разных профессий.

Водная магистраль устремится в глубь степей Центрального Казахстана. Здесь, на просторах богатого края, разведаны месторождения каменного угля, найдены залежи цветных и редких металлов. В Темир-Тау сооружается крупный металлургический завод. Джезказган дает стране медь, а в Атасу добывается железная руда.

К концу семилетки этим промышленным районам и землям, требующим орошения, понадобится до миллиарда кубических метров воды в год. Местные водные ресурсы явно недостаточны. Вот почему и возник проект магистрального канала Иртыш — Караганда.

В московском институте «Гидропроект» имени С. Я. Жука уже подготовлены сотни рабочих чертежей.

Сооружать канал будут строители Бухтарминской гидроэлектростанции. Из обжитого поселка Серебрянка они отправляются к селу Ермак. Это селение становится городом. Там создаются завод ферросплавов, мощная тепловая электростанция. Новый очаг индустрии соседствует, между прочим, с редкостным заповедником миоценовой фауны. У речного берега палеонтологи нашли окаменевшие скелеты и кости мастодонтов, саблезубых тигров, трехпалых лошадей — гиппарионов — и других ископаемых животных.

На 490 километров протянется канал. В проекте названы тринадцать основных и резервных водохранилищ, две небольшие гидравлические электростанции, 25 насосных станций поднимут воды Иртыша на высоту 475 метров.

Стройка получит мощную технику — экскаваторы, самоходные скреперы. Из Воронежа доставлены две землеройно-фрезерные машины «ЗФМ-3000». Каждая из них за час может вынуть три тысячи кубометров грунта.

— В нынешнем году построим на первом участке механическую мастерскую и другие вспомогательные предприятия,— рассказывает начальник Иртышгэсстроя, Герой Социалистического Труда М. В. Инюшин.— Будем прокладывать вдоль трассы линию электропередачи.

В первые годы строительства намечено создать четыре постоянных поселка. Но многим рабочим придется кочевать по степи. Для них предназначены передвижные комфортабельные домики. В каждом сборном домике — две комнаты, кухня. Транспортировать жилища будут автомобили-панелевозы. На установку, сборку и подключение дома к системе центрального отопления уйдет не более восьми часов.

Новый канал появится на картах еще в нынешнем десятилетии. Живительная артерия вольет новые силы в промышленность Центрального Казахстана. В зоне, прилегающей к каналу, будут орошены плодородные земли.

Ради этого и выходят сейчас в дальний путь кочевники двадцатого века — отряд гидростроителей.

Ан. ВЕТРОВ

С УЧАСТИЕМ ДРОБЫШЕВОЙ

Когда Ленинградский театр юных зрителей гастролировал в Москве, многим хотелось увидеть на сцене Нину Дробышеву.

Молодая актриса ленинградского ТЮЗа получила широкую известность после того, как талантливо сыграла в фильме «Чистое небо» роль Сашеньки — одну из главных в картине.

На нашем снимке Н. Дробышева — Шамаханская царица в спектакле «Сказки А. С. Пушкина».

Фото И. Галанюка.

Меркнет ненастный осенний день над серым жнивьем и рыжими перелесками. Начинается дождь. Надо где-то ночевать. Поднявшись на взгорок, инструктор Губпечати Красильников, мальчишески тонкий молодой человек, бледный от недоедания и усталости, осмотрелся. И вдруг, к своей радости, заметил неподалеку, за деревьями ближнего леска, шпиль какого-то здания. Дождь усиливался, и инструктор, не раздумывая, зашагал напрямик, в сторону от шоссе, свежевспаханной, еще не бороненной пашней. Сырая черная земля налипала на подошвы полупудовыми комьями. Каждые две минуты приходилось ее счищать с сапог палкой. И когда путник добрался до опушки, уже заметно сгустились сумерки.

Лесок сбегал в глубокий овраг. Внизу тускло поблескивал пруд. Недвижно лежали в темной воде, поверх отражений, желтые листья. У берега, над ковром изумрудной ряски, ярко рыжело что-то полукруглое, ребристое. Спустившись вниз, Красильников рассмотрел, что это заржавевшее колесо какой-то большой машины. Он переправился по узкой хлипкой гребле, с трудом вскарабкался по почти отвесному противоположному склону оврага и уже в полутьме оказался наконец в большом фруктовом саду. Ровными рядами шли старые груши и яблони, разделенные широкими междурядьями, к барскому дому, смутно различимому в поздних сумерках. Как сквозь туман, белели четыре колонны фронтона, и только шпиль, приведший инструктора сюда, отчетливо чернел на фоне мутно-желтого просвета, образовавшегося в тучах.

Дом оказался разгромленным. Выбиты стекла, кое-где выворочены даже рамы, сняты двери. Откуда-то сверху непрерывно звучал скрип, похожий на тоненькое ржание. Это то открывалась от ветра, то вновь захлопывалась дверь мезонина, выходящая на балкон. Никаких признаков жизни.

О причинах разгрома гадать не приходилось. Один из яростных ударов недавней Октябрьской грозы, копившейся столетиями.

Обогнув угол дома, инструктор подошел к веранде, когда-то заплетенной вьющимися бобами. Сейчас от них остались только голые хвосты и сухие листья, шуршавшие в ветре. Вход разрушен. На месте ступенек яма с мусором. В проеме двери (кем-то снятой) смутно белеет кафельная печь с развороченной топкой и, похожий на крыло прячущегося внутри чудовища, шевелится огромный лоскут полуотодранных обоев.

Неуютно! Но снаружи оставаться нельзя. Дождь припустил вовсю. Резкий ветер срывает с деревьев пригоршни холодных брызг, швыряет их в лицо. Течет за ворот, зябнут руки. Вспрыгнув на веранду, молодой человек вошел в дом.

Сын мелкого служащего, он никогда не живал в усадьбах. Но столько начитался об усадебной жизни у Толстого, Тургенева, Гончарова, Бунина и других, что без труда мог себе представить жизнь, какая тут текла год назад. Задумавшись над удивительной противоречивостью этой жизни, стоял он посреди комнаты и вслушивался в шорохи, которыми наполняло дом осязаемое дыхание ненастья, врывавшееся в пустые оконницы.

Однако надо устраиваться на ночлег. Не теплее ли наверху? Ощупью, держась за стены, Красильников поднялся по скрипучей деревянной лестнице в мезонин. Что-то звякнуло, отскочило от ноги. Пошарив, инструктор нащупал разбитый граненый флакон, еще источавший нежный запах дорогих духов. Все, что осталось от прежних хозяев!

Вышел на балкон. Одна площадка. Перил нет. В лицо ветер, холодные брызги. Повернулся, чтоб уйти, но вдруг услышал снизу грубый мужской голос:

— Эй! Кто там ходит?!

Высокая темная фигура выступила из кустов. Щелкнул затвор винтовки.

— А ну слазь! Предъяви документ!

— Предъявлю,— ответил Красильников и стал осторожно спускаться. Еще со ступенек услышал тяжелые шаги вооруженного мужчины внутри дома. И вот они, оба настороженные, встретились лицом к лицу.

— С кем имею честь? — шутливо спросил инструктор.

ГУР

Анатолий ГЛЕБОВ Рассказ

Мужчина, на голову выше ростом, в шинели и солдатской папахе, склонился к нему, пытаясь разглядеть: уж не мамонтовский ли разведчик?

— Сельский комиссар Гуров,— сурово сказал он.— А вы?

— Инструктор Губпечати Красильников. Вот, пожалуйста, удостоверение. Только что же вы увидите в такой темноте?

— Потом увижу,— буркнул Гуров и спрятал удостоверение в карман. Для проверки задал задержанному несколько вопросов о Туле. Тот на все вопросы ответил правильно. Но комиссар все-таки сказал: — Пойдете со мной, в коммуну.

— В какую коммуну?

— Вы что, не знаете, куда пришли?

— Я в Епифань иду, а ваших коммун не знаю. Как называется коммуна?

— «Советская Нива». А я председатель.

— И сельский комиссар и председатель коммуны сразу?

— Кабы только! Еще уполномоченный Укомдезертира. И продовольственник. «Голодный фонд» для Тулы собираю. И волостная партийная организация — тоже я.

— Как это?

— А вот так. Было в уезде пять ячеек сельских. А сейчас ни одной. Всех коммунистов и сочувствующих кого в Тулу отправили, в ЧОН, кого в уезд, на казарменное положение. А в волостях для связи по одному партийцу оставили. Вот и воюй на всех фронтах, один на всю волость. Это раньше говорилось: один в поле не воин. А теперь один не один, а воюй! А вы не коммунист часом?

— Коммунист.

— Нет, правда? Ну, брат ты мой! Так ты ж мне такую помощь окажешь! Можно сказать, вдвое партийная организация выросла, хоть на один вечер. Случаем, не студент ли?

— Студент,— улыбнулся Красильников.

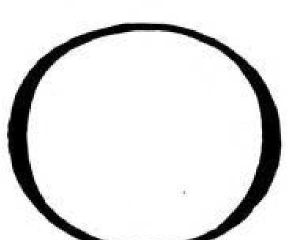
Комиссар хлопнул его по спине тяжелой, могучей рукой.

— Ай, удача! Милый ты мой! Люблю студентов, которые сознательные! Я в Москве двадцать лет прожил. Маляр я, кроме крестьянства. Другие из нашего брата интеллигенцию не очень уважают. А я уважаю. Культура! Без нее, брат, никуда. Правда, сейчас такое положение, одно дело у нас: Деникину и Колчаку хребтину сломать. А сломаем — все учиться пойдем, и стар и млад. Все как надо устроим. Всем будет хорошо. Трудящим, конечно. Паразитов, тех к ногтю. Ну, пойдем!

Осторожно, чтобы не сломать ногу в темноте на полуразрушенном полу, стали пробираться к выходу. Через мутно-сизые оконные проемы больше проникало ветра и дождя, чем света.

— Дуботолы чертовы! — вдруг выругался Гуров.

В

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

— Кто?

— Деревенские. И до чего же жаден мужик! Как щука. Та, бывает, заглотнет рыбеху полменьше себя, не могёт никак проглотить, а все не бросает, так и носится с ней. Так и эти. Ну что сделали с домом, распротуды их бабушку! Уж как я с ними бился! Не громите, мол, пожалейте добро! Нашими руками сделано! Народное оно теперь, не барское. Ваше, идолы паршивые! Какое там! Эдакую толпищу разве перекричишь один? Разнесли все к ляду, растащили, поломали. Теперь сколько будет стоить ремонт? Тыщи! Тут школу надо сделать, клуб хороший, кинематограф показывать. Вот по-хозяйски будет. Когда только руки дойдут?

Красильников от всего сердца согласился с ним, и этот разговор сразу их сблизил. Они уже выбрались тем временем из дома и шли узкой, очень темной аллеей, обсаженной старыми сумрачными елями.

— Чье это имение было? — спросил Красильников.

— Копыловой барыни. Кабы не такая гадина была, не разгромили бы. Есть усадьбы — уцелели.

И Гуров стал рассказывать о недавней владелице имения, удравшей к белым. Барыня была на редкость развратная, гулящая вдова, проводившая время в пьяных кутежах. К тому же судиться с мужиками любила. Только и знай по судам их тягала и, конечно, через свои шашни с судейскими всегда выигрывала. Как вспыхнула революция и стал народ грозить, Копылиха ускакала верхом в город, прислала оттуда казаков. Но казаки взбунтовались, ушли. Тут и поднялись деревенские громить. Хотели усадьбу с землей сровнять, да уж больно уморились. Плюнули.

В конце аллеи слепо замерцал огонек.

— Что же за коммуна у вас? — спросил Красильников.— Сколько в ней народу?

Об этом Гуров готов был рассказывать хоть неделю. Это было главное революционное дело, в котором жарким огнем пылала его душа. Но они уже подошли к длинному одноэтажному флигелю, тускло освещенному коптилками.

— Сядем за стол, тогда и расскажу,— ответил комиссар.— Покуда семь семей. Четыре батрацких да три из бедноты безлошадной. Первый почин сделали. Заняли вот флигелишко копылихин. Каждой семье по комнате. И на ейной земле хозяйствуем.

— На всей?

— Что ты! У ей двенадцать тысяч десятин было. Между обществами поделёна. Ну и нам выделили, по едокам. Самоё усадьбу и вокруг. И так-то на нас мужики зубы точат.

— За что же?

— У-у! И не приведи бог. Новые помещики, мол. А больше всего им поперек горла то встало, что у нас все общее.

— Что именно?

— Все. Никакой личной собственности, кроме нерабочей одежи-обужи. Не только хозяйство — весь быт обобществили: стряпню, стирку, чинку, баню, за ребятишками уход. Одним словом, полная коммуна. Вот поглядишь.

В темных сенях вкусно пахло антоновскими яблоками.

Дверь из сеней вела в большую комнату. Она занимала середину здания и использовалась в качестве общей столовой. Два длинных, ничем не покрытых стола. Вдоль них лавки. Скудно освещала помещение коптилка, поставленная на стенную полочку между окон. Над нею висел портрет Карла Маркса в простой деревянной рамке, а в другом простенке еще чей-то. Подойдя ближе, Красильников узнал поэта Кольцова. Вправо и влево шли темные коридоры, с чередой дверей в каждом. Неприятно поразили инструктора черные тараканы. Он сразу заметил их тут и там, на беленых стенах и на столах. Они двигались медленно, важно, не спеша.

Гуров, войдя, приблизился к коптилке, достал удостоверение инструктора и стал внимательно читать его. Только тут Красильников как следует рассмотрел его лицо.

Оно было очень своеобразно. Большое, суровое, с железными скулами и массивным прямым носом. И на этом чисто русском крестьянском лице вдруг соломенно-светлая эспаньолка и такие же усы, а под густыми, того же цвета, насупленными бровями ярко-голубые глаза необыкновенной детской ясности, редкой у взрослых.

— Держи,— сказал с улыбкой Гуров, возвращая удостоверение. Снял с плеча ремень винтовки и поставил ее в угол.— Беседу проведешь?

— О чем?

— О коммунизме.

Молодой человек смутился, даже рассердился. Какой, к черту, коммунизм, когда тараканы ползают! Он так и сказал Гурову. Тот взглянул на него с глубоким сожалением.

— Эх, студент, студент! Недопонимаешь ты, я вижу. Таракан есть наследство проклятого царизма. Почему он ползает? Потому что морить нечем. Разруха. А в коммунизм мы его брать с собой не собираемся. Это самому темному человеку понятно. Я тебя о душе прошу побеседовать человеческой. О том, как бы сделать, чтобы темной деревенской бабы душу к коммунизму повернуть. Чтоб не фырчала, как кошка, за общим столом, а полюбила бы его. Чтоб жадность в ней угомонилась проклятая, не тянуло бы ее всяким барахлом ненужным укладку набивать, так просто, про запас. Вот об чем разговор.

Не успел Гуров договорить, как в столовую вошла женщина с ворохом стираного белья в руках. Маленькая, недурная собой, чернявая, она остановилась и удивленно уставилась на незнакомца.

— Дезертир?—спросила женщина красивым, высоким голосом.

— Дура! — резко ответил Гуров. Но заметил, что студента покоробила его грубость, и тут же поторопился оправдаться.— Жена это моя, Груня.— Такое оправдание заставило Красильникова нахмуриться еще больше; увидев это, сельский комиссар смущенно пробормотал: — Правильно, студент, правильно. Об этом вот и поговори, о внутренних, так сказать, тараканах. А эти что!

Груня круто сдвинула темные брови. Зло блеснули черные глаза.

— Дома, у тяти, такой пакости отродясь не видывала.

— Рассказывай! — недоверчиво ухмыльнулся Гуров.

— Не видала, говорю! — прикрикнула жена.— Вымораживали. А тут бо'зна' что. Срам один! — И с едкой враждебностью добавила: — Коммуна! — Вскинула повыше ворох белья, повернулась и пошла.

— Стой! — крикнул муж.

Она остановилась, обернулась.

— Накормить надо товарища. Из Тулы он, инструктор.

— А я что, стряпуха тут? — зло ответила жена. Потом неожиданно сверкнула цыганскими зубами и добавила: — Ежели портočки постирать или что — это ко мне. Так и быть, уважу.

— Ну тебя! — махнул рукой комиссар.

Груня ушла.

— Садитесь, что ли,— смущенно сказал Гуров.— Отдыхайте. Скоро все ужинать будем. Пойду, скажу.— И он тоже вышел.

Красильников сел, стараясь быть подальше от тараканов, к которым испытывал отвращение, граничащее со страхом. Где-то в коридоре открылась и закрылась со скрипом дверь. Раздался дробный топот неуверенных детских ножек, и в столовой появилась двухлетняя девочка в выцветшем голубом платьице, с головкой, повязанной шерстяным платком, как у взрослой. На ножках у нее были самодельные чуньки, а икры и коленки голые. Рот и нос в сплошных золотушных болячках.

Увидав незнакомого, девочка остановилась и уставилась на него внимательным, серьезным взглядом.

— Как тебя звать? — спросил Красильников.

Девочка не отвечала, продолжая смотреть на него все так же внимательно.

Только шуршание тараканов нарушало тишину, да глухо доносились голоса из разных комнат.

«Вот так рождается новый мир! — подумал студент.— Из болячек, нищеты, грязи вылупливается. Какое же нужно величие духа, какая фанатическая, всесокрушающая вера в лозунги коммунизма, чтобы идти к ним напролом, через все нынешние отчаянные беды, через грязь и болячки, через кровь!»

Он вспомнил детски ясные глаза Гурова и почувствовал, что в этом человеке есть такая вера. С какими препятствиями она сталкивается ежесекундно! Как важно ему помочь! И он решил, что обязательно проведет беседу.

— Как же тебя звать все-таки, а? — спросил он еще раз девочку.

— Катька! — пискнула та тоненьким, точно у мышонка, голоском, засмеялась и убежала.

* * *

За столом собралось человек двадцать взрослых и десяток детей, из которых Катька была, кроме двух грудных, самой младшей. Принесли с собой еще несколько коптилок, чадящих конопляным маслом. По стенам загуляло множество спутанных, размытых теней. Но все же освещение стало настолько ярким, что позволяло рассмотреть лица.

Все это была обездоленная жизнью беднота, изнуренная тяжелым физическим трудом, годами недоедания, одетая во что пришлось. Но отсутствовал главный признак дореволюционной бедноты — уныло-безразличное или озлобленное выражение глаз. Взгляд у всех был веселый и живой.

Здоровее и полнее других казались Гуров с женой, степенный большелобый бородач Григорий Павлович и стряпуха Лукерья, накрывавшая стол и подававшая еду.

Лукерье на вид было лет тридцать, и была она на редкость некрасивой. Большеротая, да еще щербатая, курносая, конопатая, эта женщина, однако, подкупала своей бойкостью и веселостью. Ее маленькие, ни дать ни взять поросячьи глазки так и светились задором.

— Стол накрыт, извольте кушать! — весело воскликнула она и засмеялась резким, визгливым смехом, нимало не смущаясь тем, что никто ее не поддерживает.

Взглянув на Груню, Красильников заметил, как злобно сверкнули ее черные глаза и сжались губы. Но она сдержалась и, ничего не сказав, села за стол рядом с мужем.

Собственно, вся сервировка стола свелась к тому, что Лукерья поставила на него кружки. Затем принесла на каждый стол по чугуну дымящейся картошки, жбану молока и блюдцу с крупной, серой солью. И, наконец, раздала всем по пайке хорошего ржаного хлеба.

— Чем богаты, тем и рады,— хмуро сказал Гуров.

— В городе сейчас и этого не увидишь,— ответил Красильников.

На самом деле, он давно уже не видал такого аппетитного хлеба да и картошки вдосталь. Тула голодала. Помимо бедствий гражданской войны, на губернию обрушился небывалый недород хлебов и картофеля, пораженного мокрой гнилью. Центр сообщил, что ни на какую помощь извне туляки рассчитывать не могут, а должны обойтись своими ресурсами.

— Ишь как оно повернулось-то! — явно злорадствуя, воскликнула Лукерья.— Бывало, на нашу картошечку и глядеть-то не хотят, фыркают. А теперь оценили. Уже не бедняцкая, а барская еда стала. Чего доброго, и меня в ресторан стряпухой возьмут! А? — И она вновь залилась визгливым смехом.

Груня не выдержала.

— Подумаешь, стряпуха! — сказала она сквозь зубы.— Картошку сварить — это всякая сумеет. Ты котлеты де-валяй попробуй сделай или бистроганы. Щи твои когда ешь, и то чуть не сорвет.

— Ну-ну, Аграфена! Ладно! — строго остановил ее нахмурившийся муж.

А сидящий по другую сторону от него с Катькой на коленях, видимо, отец девочки, немолодой, с сильной проседью и вытекшим левым глазом на худом, остром лице, отрывисто рассмеявшись, сказал:

— Де-валяй она наваляет.

Все захохотали. Но Лукерью это ничуть не смутило.

— И наваляю,— отозвалась она, уминая за обе щеки картошку.— Было бы из чего валять.

Гуров взял свой кусок хлеба, но не стал есть, а, посмотрев на него, тоже обратился к стряпухе:

— Опять неровно режешь?

За другим столом послышался чей-то смешок. На этот раз Лукерья сконфузилась, даже порозовела.

— Ох, Митрич... И какой же ты!

Гуров, протянувшись через стол, положил свой кусок безусому губастому пареньку с копной нечесаных светлых волос, а его кусок, поменьше, взял себе.

— Сколько раз говорил: чтоб не было этого! — строго сказал он Лукерье.

Но та уже овладела собой и, поблескивая поросячьими глазками, осклабившись во весь свой щербатый рот, сказала:

— Симпатия такая у меня к тебе.

Груня так и дернулась, но муж тут же толкнул ее локтем, и искра нового конфликта погасла.

Чтобы разрядить создавшееся напряжение, Красильников заговорил о коммуне. Эта тема волновала всех. Из сразу завязавшегося оживленного общего разговора инструктор узнал все, что его интересовало. Коммуна возникла прошлой осенью, в восемнадцатом году по почину Гурова, вернувшегося в родную деревню с империалистической войны. В декабре Гуров ездил делегатом от коммуны в Москву, на Первый съезд земотделов, комбедов и коммун. Слышал там Ленина.

Коммунары отказались от межей, обобществили землю и орудия труда, завели многополье, решили правильно удобрять поля. Собрали первый урожай, скудный, правда, но ведь сейчас везде недород. Постановили сразу же и коммунистический быт наладить, доходы не делить, а слить в общий котел и сообща расходовать. Конечно, теперь по потребностям делить еще нечего. Приходится поровну, по голодной норме.

Работать очень трудно. Всего в обрез: людей, тягла, орудий, семян, особенно удобрений. Правда, двадцать девять коммун, возникших в губернии, объединены в Губернский союз коммун и уездные союзы. Но помощи от этого мало: только книжечками.

Живут пока дружно. Окрестные крестьяне сперва волками смотрели, а теперь ничего, отношения улучшаются. Особенно после того, как коммунары помогли семьям красноармейцев убрать урожай. Делали это по призыву партии, не сами выдумали. А партия на этом настояла, чтобы подорвать главную причину дезертирства.

Руководит коммуной Коммунальный совет из трех человек: Гурова, Григория Павловича Кашеварова и Прохора Терешкина. Григорий Павлович — инвалид, на фронте позвоночник повредили. Только легкую работу может делать и счетоводство ведет. А Прохор — это и был Катькин отец — кузнец. Его за это особенно уважают в окрестных деревнях. Как какие переговоры с ними — ему поручают. Так его и зовут Наркоминделом.

— Он и рюмашечку с ими пропустит и погутарит,— с усмешкой сказала Лукерья.— А Митрича боятся. Больно строг.

— Зря говоришь,— возразил Прохор.— Боится тот, кому надо бояться: дезертиры, например. А другие уважают.

— Чертом кличут,— еще шире осклабилась она.

— Не меня боятся, а правды моей,— сурово сказал Гуров и перевел разговор на планы коммуны.

Мечтают коммунары колесную мастерскую открыть, мельницу завести, школу для детей и взрослых. Мало ли чего еще! Да не до этого сейчас, когда вообще судьба Советской власти решается.

Столы уже давно покрылись кучками картофельной шелухи возле каждого едока. Но ни картофельных или хлебных крошек, ни крупинок соли не валялось. Все подбирали дочиста.

Детям Лукерья выдала еще по антоновскому яблоку.

А мужчины задымили махрой, прикуривая от коптилок, хилые огонечки которых от этого на секунду меркли. Потом огоньки опять расправлялись и, точно пережив смертельную опасность, лихорадочно дрожали и усиленно рассеивали коричневую копоть.

— Товарищи,— сказал Гуров.— Нынче у нас в гостях товарищ из Тулы, инструктор, член РКП. Между прочим, питерский студент. Попросим его объяснить нам насчет коммунизма.

Все обернулись к Красильникову. Тот мучительно боялся, не вздумают ли еще, чего доброго, ему аплодировать. Но этого не произошло. Просто смотрели во все глаза. А глаза полны были живого интереса и глубокой, теплой симпатии к нему.

— Я не знаю, о чем, собственно, именно...— сказал Красильников, смущенно запинаясь.— Может быть, вы, товарищ Гуров, уточните. Какие именно стороны вопроса вас интересуют?

— Жизнь нас интересует,— ответил Гуров серьезно и просто.— Как правильно жить людям, чтоб не было больше на земле той погани, что нам душу проела, рвачества всякого. Никакого ходу чтобы паразитам и сукиным сынам не осталось.

— А вы сами как считаете? Что для этого надо сделать?

— Как мы считаем? Ну что ж... Скажу два слова.

Гуров пристально смотрел несколько секунд на чадящий перед ним огонек, потом заговорил. Его «два слова» вылились в речь, которую все слушали, притихнув, не сводя с него глаз.

Впервые он узнал о коммунизме в дорогомиловской чайной от одного старичка, маляра. Есть на свете «Золотая книга», в которой так объясняется, что все беды в жизни происходят от частной собственности. Вместо того чтобы дружно и мирно владеть всеми богатствами земли сообща, пришло в голову какому-то проклятому черту разделить богатство по душам, как дуванят меж собой награбленное разбойники. Вот и пошла разбойничья грызня между людьми. Каждый норовил себе отхватить побольше, а другим поменьше оставить. А кончилось тем, что бедные попали в зависимость от богатых, а те заставили их за свои, богачей, интересы друг с другом воевать. И сам Гуров, и Григорий вот Павлыч, и Прохор, и все солдаты вернувшиеся, и солдатки, вроде Лукерьи, мужей потерявшие, очень хорошо на своей шкуре испытали, что такое эта проклятая империалистическая война.

На счастье трудящихся появился в русской земле Владимир Ильич Ленин и призвал всех опомниться, прекратить бойню, повернуть штыки против тех, кто ее затеял, а всю жизнь так перестроить, как в той прекрасной «Золотой книге» описано.

И, к изумлению Красильникова, Гуров стал довольно правильно излагать содержание «Золотой книги» Томаса Мора, имя которого, впрочем, осталось маляру неизвестным.

Вот как рисовалось Гурову будущее.

Все деревни надо снести. Каждую волость запахать целиком, в многопольном порядке, конечно. Среди огромных клиньев, без межей, без чересполосицы, проложить от центра прямыми радиусами хорошие шоссейные дороги. А в центре построить один большущий дом в десять этажей, чтоб всю волость в нем поселить. Такой домина в Москве стоит, в Большом Гнездниковском переулке. Дом Нирнзее называется. Немец один, богач, выстроил, чтоб еще богаче стать, внаймы его сдавал за дорогие деньги самым богатым жильцам.

Ох и дом! Гурову пришлось его отделывать по малярной части. Насмотрелся. Мало того, что вода из кранов сама бежит даже на десятом этаже, под облаками, а до ветру никуда из квартиры ходить не приходится: тоже вода все уносит. Еще для газа проложены трубы. Зажжешь, и кипяти чайник, вари щи. Никаких дров не нужно. А светит электричество, керосина люди знать не знают.

— Батюшки мои! — зашамкала чья-то старенькая бабушка.— Да как же это взбираться туды, на десять-то этажей? Покуда взберешься, и дух вон.

Гуров окончательно поразил ее и всех, сказав, что взбираться не надо. Подымет тебя на верх за две минуты машина, лифт называется. Тоже электричество ее возит.

— Вот так и всем жить надо,— заключил он,— а тем, кто тяжелую работу делает,— в особенности. Деревенская жизнь — разве это жизнь? Дикость несуразная и насмехательство.

Воспоминания о малярной деятельности отвлекли Гурова в сторону эстетических вопросов. Ему вспомнилась Третьяковская галерея, куда он несколько раз захаживал по воскресеньям, одевшись почище и все-таки чувствуя себя не совсем в своей тарелке среди публики, которая сама себя звала тогда «чистой». Какая же есть на свете красота художества! Никаких слов не хватит, чтобы рассказать о Репине и Левитане, Сурикове и Крамском!

А театр! Сколько сладостных волнений было им пережито в народных домах Москвы! Особенно полюбилась пьеса «Дон Сезар де Базан», о храбром и благородном человеке, не терпевшем в жизни никакой подлости, готовом лучше умереть, чем снести ее. Образ дона Сезара так потряс Гурова, что он сам стал с тех пор носить эспаньолку и усы.

— Вот такую удобную и красивую жизнь, какая у бар была, и нам надо. Чем мы хуже их? Лучше во сто раз, а не хуже. Нашим трудом вся земля стоит. И будем так жить! Вот увидите, будем! — Гуров вдруг схватил на руки Катьку, сидевшую с ним рядом, на коленях у отца, приподнял и, смотря ей в худенькое, залепленное болячками лицо, вдохновенно сказал: — Будешь так жить, Катюха! Может, мы не будем, а ты будешь. В девятьсот тридцать девятом году будет тебе двадцать два года, и будешь ты раскрасавицей, образованной, культурной, коммунистической барышней, одним словом. И в театры ходить будешь, и картины смотреть, и на пианинах выучишься. Все твое будет. Вся жизнь, Катюха. Помяни мое слово.

Катька смотрела на него во все глаза с превеликим недоумением. Потом вдруг пискнула, как мышонок, и засмеялась.

Счастливым смехом засмеялись и все другие.

Одна Аграфена сидела суровая, сердито сжав красивые полные губы. Видно, ей в словах мужа что-то было не по душе.

Тут в речь Гурова вклинился Кашеваров. Степенно поглаживая густую рыжеватую бороду, стал говорить, что Ленин, конечно, великий вождь, и весь трудовой народ ему верит, как себе самому, и «Золотая книга» — хорошая книга, но есть книги и получше этой. Такой книгой он считал евангелие, которое задолго до «Золотой книги» призвало отказаться от личного богатства.

— Ну, это ты брось! — запротестовал Гуров.— По евангелию твоему, пожалуй, прохозяйствуешься.

— Про многополку есть в нем? — насмешливо спросил губастый паренек.

— Все в нем есть! — настаивал бородач.

В ответ зазвенело несколько молодых голосов:

— Как беляков бить — нет!

— Про Деникина с Колчаком есть?

— А как же! Почитай «Откровение Иоанна», «Апокалипсис» называемое...

Поднялся общий шум. Одни спорили с Кашеваровым, другие поддерживали его. Красильников слушал этот спор, и все больше им овладевала мысль, как же глубоки в народе корни его влечения к коммуне. Тут и русской общины отголоски звучат, и сербской задруги, и болгарских богомилов, и таборитов. А в таком вот Григории Павловиче и толстовство живет, и духоборы, и анабаптисты. Гуров! Разве он, с его фанатической революционностью, готовой сокрушить все преграды, чтобы в кратчайший срок водворить на земле справедливость, не стал бы в других исторических условиях сподвижником Гуски или Иоанна Лейденского? Обязательно стал бы! И взвели бы его вместе с ними на костер за несокрушимую преданность идее коммуны, и сгорел бы он на нем, но не отказался бы от своей веры, как не откажется от нее, если завтра попадет в руки к деникинцам.

Уйдя в эти размышления, студент потерял нить шумевшего вокруг него спора и не сразу понял, из-за чего горячатся Лукерья и Гуров.

— А мне не надоть ихней красоты! — кричала она.— Не надо, вот и весь сказ. Пущай сгорит она вся, проклятая, с ихними вместе домами и с картинами-тиятрами: все сгромить, как копылихино гнездо, чтобы и памяти не было! С корнем выполоть, как заразиху поганую! Вот!

— Ну и дура.

— Не лайся! Я тебе не Аграфена.

— Не по-ленински это! Понимаешь?

— Я одно понимаю...

— Постой! Товарищ Ленин что говорит? Без культуры никуда. Уважать ее надо.

— Ну и уважай! А я вот не буду.

Но тут вступила в спор Груня. Смерив Лукерью презрительным взглядом, она сказала:

— Ты ее и не нюхала, потому так и говоришь.

— Зато ты нанюхалась.

— Я? — вспыхнула Груня и затараторила: — Я за четыре года в Москве, в прачках, может, тыщу пудов господского белья перестирала. Ты, чурка, и не знаешь, какое настоящее белье бывает, как пахнет. После него ваши лохмотья,— она ввернула тут крепчайшее прилагательное,— и видеть противно, не то что стирать.

— Уж, конечно,— издевательски перебила ее Лукерья,— таких батистовых нет, как в твоей укладке. При мужчинах говорить совестно, а то сказала б, что у ей там лежит. Барыня навозная!

— Тише вы! — прикрикнул на них Гуров.— Замолчите!

Груня вскочила тут, схватила в сердцах эмалированную кружку и чуть не запустила ею в Лукерью. Но муж успел железной хваткой перехватить ее руку у локтя, пригнул к столу и заставил сесть.

Наступила тягостная тишина. Всем было неловко перед чужим человеком, да еще студентом, за поссорившихся женщин. Им самим тоже, конечно. Сворачивая козью ножку, шумно, протяжно вздохнул одноглазый Прохор.

— В общем, так,— сказал Гуров.— Товарищ Ленин на съезде нам говорил: по-старому жить нельзя. И точка. А что делать? Тоже сказал. Коллективное хозяйство вводить, общественную обработку земли.— И, обернувшись к гостю, спросил: — Верно я говорю?

— Не совсем,— неожиданно для него ответил студент.

— Как это?

— Я хорошо помню эту его речь. Товарищ Ленин говорил, что переход к коллективному хозяйству — дело необходимое, но очень длительное, ни в коем случае не может быть со-

вершено сразу. Немедленно ничего нельзя тут сделать. Он много раз это повторил и прямо сказал, я дословно помню: «...Переход... к коммунам невозможен сразу...»

Гуров потемнел.

— Говорил или нет? Вы ж были там! — не отставал студент.

— Говорил,— хмуро подтвердил сельский комиссар.

— Вот! А ты что? — порывисто повернулась к нему жена.— Умней товарища Ленина быть захотел? Вперед его заскакиваешь?

Гуров переживал драматические минуты. И принесла нелегкая этого студента! Дегтем вместо меда угостил, шут эдакий. А с другой стороны, против правды ничего не скажешь. Действительно, товарищ Ленин предупреждал, чтобы не спешить, с оглядкой подходить к этому делу. Но уж больно душа загорелась от его слов. «Жить по-старому, как жили до войны, нельзя...» Так ведь и сказал. Эти слова и интонация ленинского голоса до сих пор звучат в ушах, а в сердце врезались, как алмаз в стекло.

Красильников, наоборот, почувствовал себя увереннее. Теперь-то он знал, что сказать. И начал сперва с запинками, потом все глаже и с большим подъемом говорить именно о том, о чем его просили высказаться.

Да, жить по-старому нельзя. Переход к общественной обработке земли необходим, неизбежен. Но нельзя с этим и спешить. Нельзя рисковать союзом со всею многомиллионною массой крестьянства. Очень легко расколоть этот союз, если начать загонять крестьян в коммуны прежде, чем они сами созреют для этого. Легко отпугнуть народ и загубить этим всю революцию. Не лучше ли сделать упор на сельскохозяйственные артели, которых, кстати сказать, уже сейчас в Тульской губернии народилось втрое больше, чем коммун?

— Вот! — страстно поддержала его Груня. Ее черные глаза горели. Она вся была, как натянутая струна. И, повернувшись к мужу, спросила его: — Я тебе не это говорю? Не это, скажешь?

Гуров молчал.

Все притихли, смотря на него, и он чувствовал, что ему необходимо ответить. Почва под его коммуной, его детищем явно заколебалась.

— Видишь ты, какое дело...—сказал он наконец.— Н-да! Все это, конечно, правильно — насчет середняка и несознательности. Куда уж больше! Трактор копылихин заместо того, чтоб им облегчение себе сделать, работать на нем, в пруд, стервецы, кинули.

— Кому работать-то? Никто не умеет! — отозвался Катькин родитель.

— Придет время, научимся,— ответил Гуров и продолжал дальше: — Но только я вот что скажу. Нынче мы, товарищ Красильников, на развилок вышли. Как в сказке сказывается: вправо пойдешь — в болото попадешь, угрязнешь, влево пойдешь — голову сломишь. Вот тут и рассуди. Это я к чему сказал? А вот к чему. Дай только мужику лазейку насчет личной собственности, хоть щелочку махонькую, он те в эту щелочку весь влезет. Тараканом оборотится, а влезет. С виду и коммуна будет или там артель, а что внутри? Вот ты о чем подумай. Этого я больше всего боюсь: как бы дело на старое опять не повернулось, новые баре не выскочили бы. Уж так этого, милые вы мои, не хочется! — Он бросил быстрый взгляд на гостя и добавил: — Интеллигенции, конечно, непонятно это. Вы того не натерпелись, чего мы терпели. Не в одном только дело, что в нищете жили. А за людей нас ваш брат не считал. Уж я-то знаю. Пришлось по барским квартирам поработать. Что на стремянку, что на тебя, одинаково смотрят. Чтобы поговорить по-человечески, и ни боже ты мой! Где там!

Красильников был очень смущен этими его словами, даже немного обижен. Уж ему-то он мог бы их не говорить! А Гуров, не замечая этого, продолжал свое:

— Ненависти в вас недохватывает, вот чего. Да и откуда ей взяться, такой, как в нас? А во мне она, студент, ключом кипит, как в кипятильнике кубовом. Боюсь, не разорвала б когда. И вся эта моя затея,— он широко обвел вокруг себя рукой,— от нее, ни от чего больше. Сгори эта личная собственность синим огнем! Все беды на белом свете от ней. Все надо по-новому ставить, на другие опоры, без нее, проклятущей, чтоб и отрыгнуться не могла, ни в какую щелочку обратно не влезла. Вот и пробуем по силе нашей возможности, по необразованному нашему разумению. Конечно, не умеем еще. Не знаем, как взяться. Ошибок много, что говорить! Ни образования у нас, ничего. Одна ненависть да вера. А все ж таки первую борозду провели. И не зарастет она, студент. Нет, не зарастет! — Он встал, выпрямился во весь свой саженный рост, и что-то в его светлой эспаньолке и усах, в блеске его голубых глаз действительно было сейчас похоже на доблестного дона Сезара де Базана.— Я лично за коммуну! Верю. Помяните мое слово: десять лет не пройдет, как вся Россия ими покроется! Как всходами!

— Может быть, артелями все-таки, а не коммунами? — не сдавался гость.

— Видно будет. А сейчас спать давайте. Вставать-то чуть свет. Да и коноплянку зря жечь нечего. И той мало.

* * *

Красильникова положили спать в пустой комнате рядом с Гуровыми, занимавшими последнюю комнату правого коридора.

Он, конечно, не раздевался, только стащил отсыревшие сапоги. Накрыться ему дали огромным тулупом. Несмотря на крепкий запах рыжей овчины, под ней было очень уютно и тепло. И инструктор, утомленный трудной дорогой и беседой, быстро уснул.

Его разбудил шепот, раздавшийся, как ему показалось, над самым ухом. Он открыл глаза. Было совершенно темно, хоть глаз выткни. За окном по-прежнему дождь, тревожный шум листьев. За стеной кто-то отчаянно храпит, мерно чередуя присвист с рокочущими руладами. Где-то в отдаленной комнате плачет грудной ребенок, а мать монотонно убаюкивает его.

Шепот звучит из-за другой стены, от Гуровых. Это и не стена, оказывается, а легонькая перегородка. Который, однако, час? Черт его знает! Темно, как в закупоренной бочке. А раз темно, спать надо. Но не тут-то было! Шепот становился все более возбужденным и внятным. Не слышать его было невозможно.

— Может, общих жен и мужей заведешь? — пылая негодованием, шептала мужу Груня.— Ей того только и надо!

— Да поди ты!..— огрызнулся Гуров.— Нужна она мне, мордоворот такой!

— Ты ей нужен. Вот и подкладывает кусочки. Никого стыдиться не стала. А мне это каково? И так уж хихикают! Не слыхал?

Гуров зачиркал кресалом. Свету не было. Очевидно, только затлел трут. Через щель в перегородке вдруг потянуло сладким дымком самосада.

— Подхалимничает,— сказал он.

— Не подхалимничает, а жить с тобой набивается. Может, и это заведешь, как у хлыстов? К этому гнешь?

— Аграфена!.. — рассердился Гуров.— Уймешься ты наконец или нет? Хватит чушь городить! Добром говорю.

Груня, наверно, прильнула к нему, обняла. Ее шепот стал ласково-страстным, почти исступленным.

— Ванюша, миленький! Откажись ты от этой коммуны! Распусти ее. Ведь белые идут. В Новосиле уже. Что они с нами сделают? Постреляют всех, а тебя первого, и меня с тобой. Слыхал, что творят? Давеча раненый рассказывал: кожу с живых снимают. А с бабами что! Не слышал разве?

Гуров молчал.

— Ненавидят ведь тебя мужики, которые побогаче. Чертом зовут коммуническим. Сейчас боятся, а белые придут — скрутят руки и выдадут. Помяни мое слово. А я ж тебя люблю. Миленький ты мой! Родной! — Она поцеловала его несколько раз отрывисто и страстно. Потом опять заговорила: — Послушайся меня. Бегут ведь наши.

— Кто тебе сказал? — уже не шепотом, а вполголоса спросил Гуров.

— Знаю.

— А я спрашиваю: кто сказал?

— Кто, кто... Все говорят, кого ни спроси.

— Вранье.

— И правда, черт! — вырвалось у Груни уже со злобой.— Никому, кроме себя, не верит. Ну и пропади ты пропадом такой!

— Говорю: никто не бежит.

— Никто? Никто, говоришь? Васька вон прибег.

— Какой Васька?

Наступила мертвая пауза. Гуров, видимо, был поражен, а она смешалась, нечаянно проговорившись. Потом он спросил ее уже совсем другим голосом, суровым и настороженным:

— Брат твой?

Теперь молчала Аграфена.

— Когда прибег? Где он?

Молчание.

— Сейчас же говори: где? Он у меня побегает! Сегодня же в уезд сведу.

Вместо ответа раздалось ее глухое, сдавленное рыдание. Она, видно, зарылась лицом в подушку.

— Скажешь или нет? — не отступал Гуров. В голосе его клокотала с трудом сдерживаемая ярость.— Ну?

— Не скажу.

— Нет, скажешь! Уж этого ты от меня, Аграфена, не жди, чтоб я шуряка выше совести поставил. Не будет этого. Арестую и в Укомдезертир, как любого всякого.

— Черт проклятый!

— Ладно там. Говори: где прячется?

— Не скажу, не скажу, не скажу...— зачастила она, задыхаясь.— Умру, а не выдам. Нипочем! Родного брата тебе выдать? Да провались ты совсем, проклятый, и с коммунизмом твоим и со всеми выдумками! — Ее начало трясти, душили истерические рыдания.— Выходила за тебя, думала, будем по-человечески жить, в Москве. Одежу-обужу справим. Свою комнату наймем. Что ты мне сулил, как женился? Забыл? А вышло что? Другие с войны пришли, о жене, детях подумали. А этот полоумный по митингам пустился горланить. В партию вступил. Коммуна ему понадобилась. Ну, воротился в деревню, ладно. Сейчас в городе голод, многие вернулись. Так ведь люди, как землю получили, свое хозяйство ставят, обзаводятся. А ты? Чего затеял? Сам говоришь: даже начальники с тобой спорят, не верят в твою коммуну. А студент чего говорил? Ленин на съезде чего сказал? Куда ж ты лезешь, окаянный? Ведь неправильная твоя коммуна! Неправильная! Нельзя поровну делить, когда работа неровная. Не хочу я Лушкину стряпню жрать! За одним столом с ней быть не хочу. Понимаешь? И не можешь ты заставлять! Нет таких у тебя прав. Сама хочу свое готовить. Чисто, без тараканов. За своим столом сидеть. В кого ты меня тут превратил? Опять в прачку? А белье-то какое? Сам его постирал бы!

Она опять зарыдала. А он все молчал.

— Совсем повредился, проваленный! Все как есть рушит. Спокон веку люди жили — нет, все не по нем! Турка бешеный! Леший! Ни жены ему, ни родни. Ой, боже ты мой! Да что же это такое навалилось, беда какая!..

Рыдания делались все сильнее.

— Вот болото проклятое! — раздался наконец голос Гурова сквозь стиснутые зубы.— Вот болото! По ступицу в нем сидим. И как же вас из него вытянуть, темных?

— Не вытянешь! — почти крикнула она с ненавистью.— Сам утопнешь!

— Нет, вытяну! — скрипнув зубами, сказал Гуров.— Наша дорога одна верная. Через десять лет, на новом съезде, взойдет товарищ Ленин опять на трибуну и объявит: достигли! Настал коммунизм!

— Объявит он те! —Она добавила еще что-то невнятное, видимо, оскорбительное, потому что после этого раздалась такая же неразборчивая брань Гурова и началась за перегородкой какая-то возня, со вскриками, глухими проклятиями, паузами, наполненными судорожным, прерывистым дыханием обоих.

— Выдашь Ваську?

— Нет.

— А я говорю, выдашь! Выдашь, подлюга!

— Нет! Провались ты со всеми твоими... Сдохну, а не выдам.

Возня усилилась, перешла в настоящую борьбу, яростную и немую. Потом Груня вдруг вскрикнула, как от острой боли:

— Ой, палец, палец!

Красильников вскочил, весь дрожа. Еще убьет! Что делать? Где сапоги? Не сразу найдя их в темноте, стал натягивать, но сапоги были

еще сырые, не надевались, и, отшвырнув их, инструктор выскочил в коридор босой, нащупал соседнюю дверь и стал колотить в нее.

— Товарищ Гуров!

Стоны Груни и возня мгновенно прекратились. Полнейшая тишина — такая, что зазвенело от нее в ушах, и не окончательно поборовший дрему Красильников испугался: не во сне ли все это ему привиделось? Не попал ли с этим сном в дурацкое положение? И тоже молчал, прислушиваясь.

Как вдруг дверь, за ручку которой он держался, с силой открылась, ударив его в плечо. Прерывисто, жарко задышала в темноте, совсем рядом, Груня, и сквозь дыхание сеялись невнятные отрывистые слова:

— Ой, боженька мой!.. Ой, мамынька!.. Проклятый!..

С размаху впотьмах она прижалась к Красильникову грудью, но тотчас резко отпихнула его и тут же застонала от боли.

— Палец мне сломал, медведь бешеный... Не то вывихнул...

— Скажи спасибо, что голову не оторвал,— раздался из темноты дрожащий голос мужа.— Что ты о Ленине сказала? Убить тебя мало за это, гадюку!

А она, обернувшись к каморке, в глубине которой уже заметно посерело оконце, сыпала словами, полными ненависти, смешанными с рыданиями:

— Ухожу! И из коммуны твоей ухожу... С Лушкой ее устраивай. И от тебя, постылого. Не муж ты мне больше. С ней живи, полоротой. А я к маме...

Всхлипнула и опрометью в темноту. Скрежетнул засов, хлопнула дверь. Стихло.

— Ну дела! — растерянно сказал Гуров.— Ты здесь, что ли, студент?

— Здесь.

Приближаясь, массивная фигура закрыла сереющее окно, отчего стало еще темней.

— Обулся?

— Нет.

— Обувайся, друг. Тебе в уезд? Вместе пойдем.— Пальцы комиссара нащупали плечо Красильникова, скользнули вниз по рукаву и крепко сжали кисть его руки.— Спасибо, что постучал! А то порешил бы я ее. В самую душу, подлая, плюнула. Нет, с такой не жить мне! Пусть куда хочет идет, от греха подале. У меня тоже нервы есть, не подкова. Пусть на фронт отправят. Приму роту — все легче будет, чем бабами этими проклятыми командовать и дезертиров ловить. Идем!

Не найдясь, что ответить, Красильников вернулся к себе, с трудом натянул сырые сапоги, надел плащ, и они вышли. Весь дом еще спал крепким, предутренним сном.

А небо над леском уже явственно начинало желтеть. Дождь перестал, но все было насквозь мокро: и флигель, и земля, и листья. Еще капало с крыши, с деревьев. Хлюпая по темным лужам, двое мужчин — Гуров, с винтовкой на ремне, впереди, Красильников за ним — шли длинной, темной аллеей к шоссе и молчали, ошеломленные случившимся. Гуров время от времени что-то бормотал про себя, но так невнятно, что не разобрать было ни слова.

Аллея кончилась. Стало гораздо светлее. Над измокшими осенними полями и перелесками занималась заря, мутная, словно заплесневевшая от сырого тумана.

— Ах, Грунька, Грунька! — простонал комиссар.— Люблю ведь я ее. Сказать не могу тебе, как люблю. И вот поди ж ты! Разбеглись дороженьки. К собственности дуру потянуло.

В Красильникове вдруг поднялось раздражение против этого непоколебимо-самоуверенного человека, склонного считать правым одного себя.

— Ты смешиваешь, товарищ Гуров, два понятия,— заговорил он сухо.— Частную собственность и личную собственность. А это разные вещи. Поверь, что другие тоже в этом вопросе разбираются, не ты один. Прежде чем вступать в спор с Лениным, тебе надо еще подучиться.

Эти слова ошеломили Гурова. Он встал как вкопанный и вытаращил на студента свои голубые глаза. Взглянув в них, Красильников заметил, что они заплаканы, и его пронял острый стыд, что он завел этот разговор в такую минуту.

— С Лениным? — переспросил комиссар почти шепотом.— Да когда ж я спорил с ним? Ленин — это святое для меня. Скажет: «Умри, Гуров!» — умру, не сморгну. Вся мечта моя в Ленине, вся жизнь. Он-то сам разве против коммун? Хоть слово сказал, чтоб их закрыть, какие уже есть? Не говорил он такого, студент, и никогда не скажет. На съезд нас собрал, первых коммунаров, говорил с нами. А ты... Эх, студент, студент! — И, с горькой обидой, мотнув головой, пошел дальше, не оглядываясь.

Шаги у него были такие размашистые, что Красильникову пришлось тоже прибавить скорости, чтоб не отстать.

Так шли они с четверть часа. Бывшее имение Копыловой скрылось за косогором. Вокруг простирались сырые туманные поля. Уже занималась над ними малиновым заревом заря, и огромная, понурая фигура комиссара, темная на ее фоне, уходила прямо в нее.

Вдруг Гуров остановился и сказал:

— Неладно.

— Что?

— Не сказавшись, уходить. Будто дезертирую. Хоть Григорию Павловичу или Терешкину надо было сказать, кое-какие распоряжения сделать. Нельзя так. Вернемся, может?

Инструктору, в сущности, возвращаться было не за чем. Ему надо в Епифань, а дела коммуны никак его не касаются. Но раз Гуров сказал «вернемся» — значит, и его приглашает. Значит, он нужен ему зачем-то. И Красильников повернул с Гуровым обратно.

Они пошли теперь рядом, гораздо медленнее. Спустя минуту, комиссар задал студенту неожиданный для того вопрос: а какая, вообще говоря, разница между частной и личной собственностью? Инструктор подумал, что, пожалуй, ради этого он и позвал его с собой, и стал разъяснять разницу.

Вдруг они увидели, что навстречу им бежит кто-то в солдатской шинели и фуражке. Гуров насторожился. Сближаясь с бегущим, они продолжали идти.

— Да это Васька! — взволнованно сказал комиссар.— Шуряк!

И остановился. Встал и инструктор.

Бегущий был уже близко. Он задыхался, но не сбавлял скорости. Полы шинели трепались по ветру, как крылья у глухаря, атакующего соперника. Потное, красное лицо искажено было яростью. Василий был похож на сестру, такой же черноглазый и чернобровый.

— Стой! — кричал он, хотя Гуров и не думал убегать.—Стой, говорю!—И добавил порцию крепких солдатских слов.

Шурин был на голову ниже комиссара. Но без малейших колебаний вцепился обеими руками в его грудь и стал трясти с такой силой, что чуть не повалил. С совершенно безумными глазами, брызжа слюной, сыпя через слово матерщиной, он захрипел:

— Сведешь, говоришь? Сведешь? Раньше я тебя, такого-сякого, в могилу сведу! Что ты моей сестре сделал, а? Пальцы ломать? Завтра задушишь, может? Думаешь, комиссар, председатель, так тебе все можно? Нет, брат! Таких порядков не будет!

Он быстро сунул руку в карман, и глаза Красильникова резануло мгновенное отражение разгорающейся зари в лезвии ножа.

— Сатана проклятая! Всю жизнь перевернуть задумал? Не дам! Не перевернешь!

— Не смей! — крикнул Красильников и, изловчившись, схватил руку с ножом.

— Уйди! — захрипел дезертир.— Не суйся промеж нас! Слышь?

Он был гораздо сильнее студента, и тот чувствовал, что не сможет долго удерживать руку, если ему не поможет Гуров.

А Гуров глядел на их борьбу в странной неподвижности, словно задумался.

— Товарищ Гуров,— крикнул студент, изнемогая.— Помогите же!

— Да что ж я, правда!..— отозвался комиссар, придя в себя. Бросился к ним, сдавил обеими руками запястье шурина; нож выпал и воткнулся в глину по черенок.

Василий рванулся поднять его, но не успел. Гуров могучими ручищами стиснул ему рамена и, всматриваясь в лицо, сказал уже другим, своим обычным тоном:

— Пойдешь со мной в Укомдезертир. Не взыщи, брат. Какой с другими разговор, такой и с тобой.

Дезертир что-то взвизгнул и, вдруг пнув его изо всех сил ногой, вырвался. Бешено затузил кулаками. Пытался нагнуться за ножом. Но, дерясь, они втоптали его в глубь рыжей лужи, и ножа уже не видно было.

Гуров сорвал с плеча винтовку и щелкнул затвором.

— А ну угомонись! Смирно!

Солдат понял: дело проиграно.

— Топай! — скомандовал комиссар, дулом указывая направление к городу.

— Вы ж к себе хотели! — напомнил Красильников.

— Черт, а не я.

Инструктор взглянул удивленно. А Гуров, крутнув шеей, усмехнулся.

— Вот это попутал, так попутал! Найдет же затмение! Если вовсе уходить, тогда, конечно, надо сказаться, распоряжения оставить. А так-то я каждую неделю отлучаюсь.— И уже с иронией над собой:—Легко сказать: «вовсе»!.. Нешто я смогу? Женатый, разжанехий — не все ль равно? Коммуны это касается разве? — Примолк, потом, подводя итог, добавил: — К чему тебя революция приставила, то и делай. Правильно, студент?

Красильников согласился.

— А что ж ты мне давеча этого не сказал? Эх, ты! Еще образованный!

Студент молчал.

«Почему, правда? — спрашивал он сам себя.— Черт его знает, почему! Зелен еще, видно...»

— Пошли! — решительно сказал Гуров.

Василий заплакал, растирая кулаком слезы на лице с забрызгавшей его желтой грязью. Он знал: сестрин муж спуску не даст, борьба бесполезна. Но все-таки, трясясь от злобы, грозил:

— Помяни слово: убьем! Не жить тебе, черту комиссарскому!

— Ладно,—спокойно отозвался комиссар.— Не такие убивали, как ты, да не убили. Иди!

И все трое зашагали по грязной дороге встречь заре.

У прямого провода

В. В. МОЛОКИН
Воспоминания кремлевского телеграфиста

В 1918 году в начале июня я возвратился в Москву из штаба 7-й армии Юго-западного фронта, где был телеграфистом. Нарком почт и телеграфа В. Н. Подбельский направил меня работать в Кремль: я должен был вести переговоры по прямому проводу под диктовку Владимира Ильича Ленина. Помню, как управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич привел меня в кабинет Владимира Ильича. Ленин, улыбаясь, пожал мне руку, спросил, откуда я, а узнав, что с фронта, поинтересовался, как там дела.

Я рассказал, как перед июньским наступлением 1917 года в нашу армию приезжал Керенский, уговаривал «бороться за святую землю русскую», воевать до победного конца. Но тут нашелся оратор из солдат. Выступил он и говорит, что война не нам нужна, а капиталистам, что каждый день войны стоит пятьдесят миллионов рублей, что наши матери, отцы и дети в России голодают и воевать мы не будем. Этому солдату все хлопали, а Керенского чуть с трибуны не стащили.

Владимир Ильич спросил, что же с тем солдатом потом было. Точно я не знал, но, кажется, его арестовали.

Работа у меня в Кремле была такая, что я заходил в кабинет Ленина в любой час дня и ночи. И всегда заставал Владимира Ильича бодрствующим, за делами. Время было очень тяжелое. На молодую Советскую Россию со всех сторон наступали враги, внутри страны то и дело вспыхивали восстания. Тогда Совнарком заседал каждый день, кроме четверга. Заседания обычно шли до трех часов ночи, а потом Владимир Ильич снова возвращался в свой кабинет. Я все это точно знаю, потому что телеграфный аппарат находился между кабинетом Владимира Ильича, его квартирой и залом заседаний Совнаркома. И мне было просто непонятно, когда же Ленин отдыхает.

Во время переговоров по прямому проводу Владимир Ильич всегда следил за каждой буквой, отпечатанной на телеграфной ленте. Когда случались технические перебои, я невольно говорил «ох» и исправлял ошибку. А Владимир Ильич неизменно спрашивал: «А что такое ох?..»

Помню переговоры с Архангельском, когда там высадились интервенты. Владимир Ильич давал указания коротко, ясно, точно и всегда очень спокойно.

Положение у страны было такое трудное, а я никогда не видел, чтобы Владимир Ильич нервничал. Когда он сердился, то самые бранные слова у него были «головотяпство» и «ротозейство».

Особенно напряженное положение в Москве создалось во время «лево»-эсеровского мятежа. В ночь на 7 июля мятежники начали обстрел Кремля, а накануне, 6 июля, днем они убили германского посла Мирбаха.

Ленин потребовал, чтобы я немедленно связал его с Берлином, с нашим полпредом. Владимир Ильич говорил по прямому проводу более часа, давая полпреду указания, какие следует предпринять дипломатические действия в связи с убийством Мирбаха.

Владимир Ильич стоял у аппарата, заложив пальцы за борт жилета, и быстро диктовал, как всегда, без всяких предварительных записей, без всяких конспектов. Буквы латинского шрифта расположены на клавиатуре в ином порядке, чем русские, и я работал медленнее, чем обычно. Владимир Ильич заметил, что я не успеваю, нервничаю, и сказал, что будет диктовать медленнее.

Когда я наклеил ленту переговоров с Берлином на нескольких листах и положил Владимиру Ильичу на стол, он спросил: «А вы еще ничего не ели?» Я признался, что не удалось, и через десять минут мне по просьбе Владимира Ильича принесли целую банку консервов, хлеба, сахара. По тем временам просто роскошное угощение!

В августе 1918 года я поехал на несколько дней в деревню, где жили мои родители. Там собралось к нам в избу человек двести и просили рассказать о Ленине со всеми подробностями.

Отправился я обратно, а тогда люди ехали и на крыше поезда и на буфере, и сесть в вагон не было никакой возможности. Начальник поезда со мной сначала и разговаривать не стал. А когда я сказал, что работаю телеграфистом в Кремле, и предъявил кремлевский пропуск, то меня сразу же повели к начальнику станции. В кабинете набилось полно народу, и все расспрашивали о Ленине, просили передать ему привет. Поезд задержали на несколько минут, и меня даже посадили в отдельное купе.

Почти полвека прошло с тех пор, как я работал в Кремле, а я и до сих пор будто вижу Владимира Ильича перед собой, вижу его глаза, улыбку, слышу его голос. И я чувствую себя бесконечно счастливым: ведь мне довелось работать с Лениным.

Необычный заказ

Г. В. КОСОЛАПОВ
Воспоминания портного

Весной 1918 года я демобилизовался из армии и вернулся в Москву. Устроиться на работу долго не удавалось. Однако мне все же посчастливилось. Как-то зашел к нам закройщик Иосиф Казимирович Журкевич, с которым я раньше работал в портновской мастерской.

Иосиф Казимирович сказал, что хозяйственный отдел ВЧК поручил ему открыть портновскую мастерскую, чтобы шить обмундирование сотрудникам ВЧК. Он предложил мне и моему брату работать в мастерской. Мы, разумеется, охотно согласились.

Заказов было много и все срочные и сверхсрочные. К нам приходили вечно торопившиеся командиры и комиссары в изношенных мундирах и просили, а иногда и настойчиво требовали немедленно сшить шинель или френч. Одевали мы и работников местных чрезвычайных комиссий, которые приезжали в ВЧК по вызову. Обмундирование у этих военных было настолько дряхлым, что им неудобно было ходить по Москве.

...Вместе со всей страной мы узнали о злодейском покушении на Владимира Ильича Ленина.

Эта страшная весть потрясла нас. А когда в мастерской узнали, что опасность миновала и Ленин стал выздоравливать, радости не было конца.

Однажды к нам в мастерскую пришел комиссар ВЧК и передал просьбу Ф. Э. Дзержинского срочно сшить пальто для Владимира Ильича. Комиссар сказал, что Владимир Ильич хотя еще и не совсем выздоровел, но все же хочет выступить перед рабочими. Но вот беда—ехать ему не в чем: его единственное пальто пробито пулями. Заказ должен быть исполнен к 12 часам следующего дня. Комиссар же пришел к нам в пять часов вечера, и в нашем распоряжении оставалось каких-нибудь 18—19 часов.

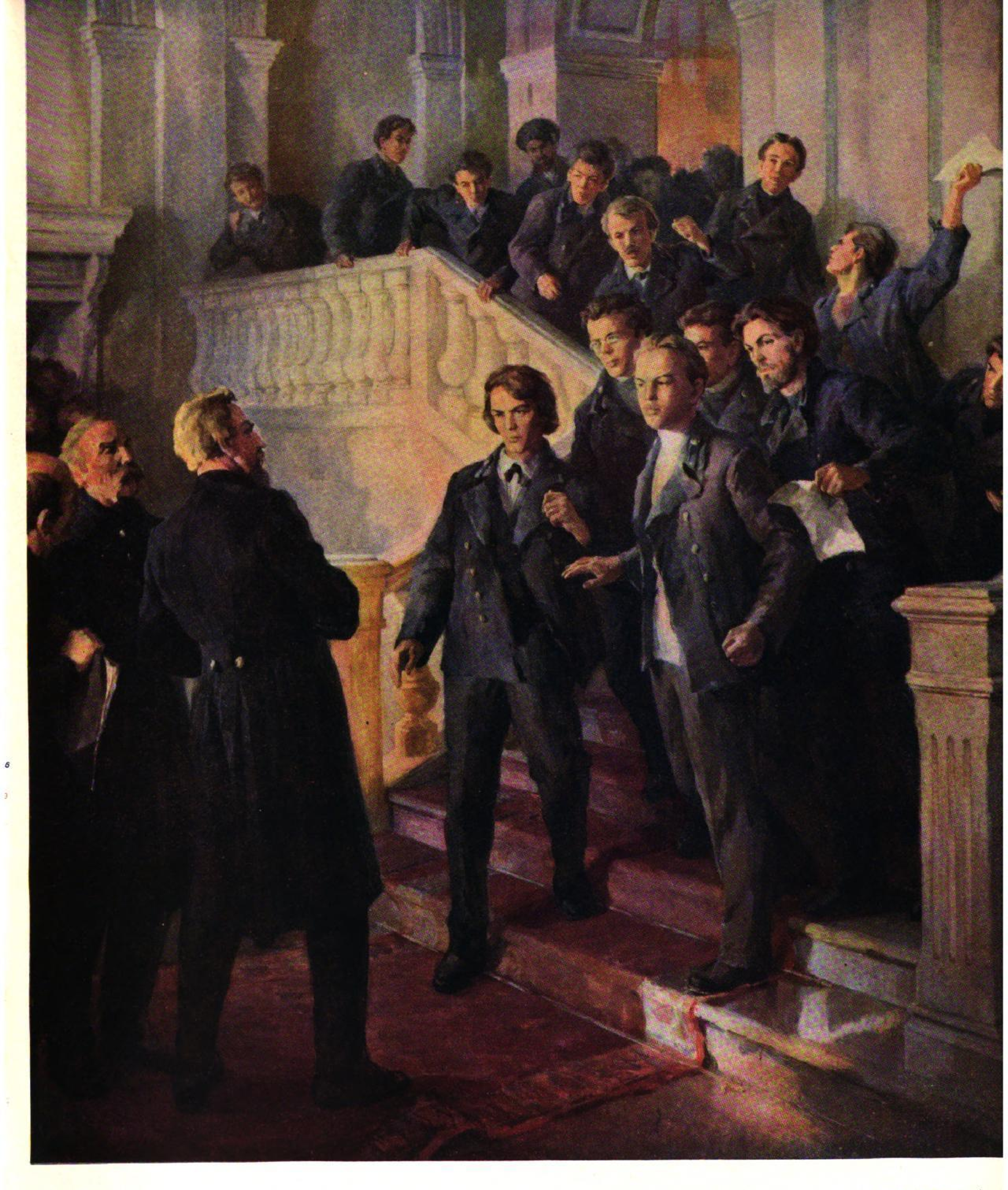
Закройщик Журкевич, не теряя времени, вместе с комиссаром поехал к Владимиру Ильичу снять мерку. Вскоре он вернулся и рассказал, что Владимир Ильич выглядит хорошо, но руку еще держит на повязке. На рабочем столе у него много бумаг и книг. Во время примерки Ленин спрашивал, как работает наша мастерская, что и кому мы шьем, как живут наши семьи.

Мой брат, я и еще один портной остались в мастерской и проработали всю ночь. В 12 часов дня пальто Ильича висело на вешалке. Это было простое осеннее пальто прямого покроя, из недорогого сукна.

Нам хотелось, чтобы Ильич, надевая пальто, не потревожил больную руку. Поэтому рукав не был зашит по боковому шву, а застегивался кнопками.

В первом часу дня в мастерскую приехал комиссар. А дней через десять он привез пальто обратно и попросил зашить рукав, так как рука у Владимира Ильича зажила. При этом комиссар сказал, что Владимир Ильич очень благодарен нам за работу и за внимание к его больной руке.

Мы всю жизнь с радостью вспоминаем об этом необычайном заказе.

В. И. ЛЕНИН В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ. **О. Вишняков** (Москва).

Девятая всесоюзная выставка дипломных работ студентов художественных вузов.

ЛЮБИМЫЙ ОБРАЗ.
В. Задорожный (Киев).

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

Л. КУНЕЦКАЯ,
Ю. МАХИНА,
Гр. ХАИТ

МУЗЫКА В СЕМЬЕ УЛЬЯНОВЫХ

Кремль... Музей-квартира Владимира Ильича Ленина... Рядом еще одна комната; до августа 1918 года здесь размещалась канцелярия Совнаркома. В этой комнате дежурили врачи во время болезни Ленина после ранения его эсеркой Каплан. Некоторое время спустя там поставили рояль для Марии Ильиничны, любившей музыку с детства до конца жизни. Мария Ильинична иногда устраивала скромные концерты любителей музыки. Здесь выступали ее друзья-правдисты. Изредка заглядывал и Владимир Ильич. Он входил в комнату очень тихо, садился незаметно сзади или останавливался в дверях и слушал, прислонясь к косяку.

Еще до поступления в гимназию Владимир Ульянов много занимался игрой на пианино под руководством матери и радовал Марию Александровну своими успехами. Он всегда с большой радостью принимал участие в семейных концертах, пел под аккомпанемент матери или сестры Оли.

Вспоминая об этом, Анна Ильинична Елизарова-Ульянова, старшая сестра В. И. Ленина, писала: «Володя обладал и музыкальными способностями, хорошим слухом; мать стала учить его музыке, и он выказал большие успехи, но, к ее сожалению, забросил это занятие с поступлением в гимназию. В те годы не принято как-то было учиться музыке мальчикам... и не в одной семье наблюдалась такая бессмыслица, что приглашали учительницу, заставляли играть неспособную, не любящую музыку девочку, в то время как ее музыкальный брат гонял по улицам и, даже имея слух, не обучался игре на фортепиано».

Кто бывал в Ульяновске, в Доме-музее В. И. Ленина, видел на рояле нотные папки с вензелями «А. У.» и «О. У.»; их раскрывали Анна и Ольга Ульяновы. Стены этого дома слышали настойчивые, много раз повторявшиеся пассажи музыкальных пьес: это играла Оля. Наблюдая за усердными музыкальными занятиями сестры, Владимир Ильич говорил:

— Вот чьей работоспособности можно позавидовать!

Когда в 1887 году семья Ульяновых переехала в Казань, Ольга поступила в музыкальную школу Александра Александровича Орлова-Соколовского, талантливого дирижера и педагога. Оле Ульяновой нравилось учиться в этой школе; в марте 1889 года Ольга в письме к А. Щербо писала:

«Да, конечно, музыка чудная, прекрасная вещь, источник чистого наслаждения. Здесь можно слышать хорошую музыку: зимой в опере, а теперь на музыкальных и симфонических собраниях, которые устраиваются под руководством Орлова-Соколовского. Особенно хорош бывает оркестр... я очень люблю серьезную музыку, хотя думаю, что еще не довольно хорошо понимаю ее».

Оля Ульянова охотно переписывала особенно понравившиеся ей и всей семье музыкальные произведения: «Северную звезду» Глинки, «Свадьбу» Даргомыжского, арии из «Демона» Рубинштейна, романс И. Саца на слова Лермонтова «Как небеса, твой взор блистает», «Ни слова, о друг мой» Чайковского, украинские песни — «Думка», «Чорнiї брови, карiї очi». Рояль был привезен в Казань из Симбирска; на пюпитр ставился сборник «Венок из русских любимых романсов» либо романсы Р. Шумана, Ф. Шуберта, В. Пасхалова. Талантливый и, к сожалению, малоизвестный современному слушателю композитор Виктор Никандрович Пасхалов, член «Могучей кучки», регент всемирно известной Академической хоровой капеллы, собиратель и пропагандист русских народных песен, автор многочисленных романсов, симфонических и других произведений, был известен в семье Ульяновых. Сохранился переписанный рукой Ольги романс Пасхалова «Не молись за меня, друг мой милый».

В Казани Ульяновы посещали оперу. «Еще вчера,— писала 8 ноября 1888 года Оля Ульянова,— на меня напала хандра, но на мое счастье удалось попасть в театр на «Фауст» (прекрасная опера!). И эти чудные звуки ободрили».

Много лет спустя в наброске к своим воспоминаниям Дмитрий Ильич писал, что всем им особенно нравились «Дочь кардинала» и «Фауст». «Владимир Ильич после насвистывал из этих опер мотивы».

Время шло. По доброй преемственности, которая существовала в семье Ульяновых, каждый разучивал вещи все большей и большей трудности. Этому сопутствовала многолетняя, требовавшая огромной усидчивости и трудолюбия работа. Чутко, с большой серьезностью старшие в семье Ульяновых следили за эстетическим развитием младших. В письме Ольги Ульяновой из Петербурга, посланном ею домой 28 февраля 1891 года, незадолго до ее трагической смерти, есть такие строки, обращенные к матери:

«К сожалению, ты мне не написала, у какого букиниста продаются ноты. На Васильевском острове нет, на Литейном только у одного нашла, да еще у одного на Невском. К сожалению, у них очень плохой выбор: все старые... вещи. Да, правда, Маня теперь как раз играет так, что ей очень нужно найти хорошие вещи: классические вещи, как Бетховена и Моцарта, начинать ей рано,— и приходится пробавляться какой-нибудь музыкальной стряпней, вроде Бейра. Я послала ей сегодня три вещицы: пусть она попробует разучить сонату Гайдна. Если ей сразу не понравится, то все же посоветуй не бросать, потому что это такая вещь, которую надо хорошенько разучить. Этюды для Мани у нас есть: во-первых, Дювернуа... Маня играла из них только четыре первых, а мне кажется, что она могла бы играть и дальнейшие два-три последних. Кроме того, у нас есть этюды Бругмиллера... из них Маня тоже играла только немногие; они расположены не по порядку трудности, так что можно выбрать этюдов 5—6, которые она могла бы разучить. Из пьес, я думаю, у нас тоже можно найти кое-что».

Мария Ильинична, видимо, следовала этим советам. Весьма характерно, что в тех случаях, когда Владимир Ильич в письмах к сестре хотел напомнить ей об ее же собственной настойчивости и целеустремленности, он говорил о занятиях музыкой.

Даже в трудные минуты своей жизни Ульяновы, несмотря на множество переездов по городам, и даже в ссылках не переставали заниматься музыкой.

Владимир Ильич писал матери из шушенской ссылки о том, с каким наслаждением поет он вместе с друзьями. Очень нравился Владимиру Ильичу голос его ближайшего друга Глеба Максимилиановича Кржижановского. Вот строки из письма В. И. Ленина:

«...Глеб стал теперь великим охотником до пения, так что мои молчаливые комнаты сильно повеселели с его приездом и опять затихли с отъездом. Но у него не имеется нот и песен. У нас ведь немало было...»

Да, в семье Ульяновых, судя по воспоминаниям и по переписке, должно быть много нот еще с девичьих лет Марии Александровны. Сохранились ли они?

Перед нами оранжевый чемодан из тонкой фанеры — точно такой, какой можно было увидеть в поезде лет шестьдесят назад у любого пассажира в вагоне второго класса. Чемодан оказался туго набит нотами. Вот они! Откроем же их. Посмотрим, что исполнялось в те далекие годы в семье Ульяновых...

Мария Александровна очень увлекалась романсами русских и западных композиторов, ариями из «Травиаты» и «Аскольдовой могилы». Сохранились фортепьянные пьесы, партитуры опер, произведения для вокального исполнения, которые покупались Ульяновыми в Карамзинской библиотеке, в магазине Юргенсона в Симбирске, в казанской «Восточной лире»... А вот и новинки тех лет, что привозил из Москвы в подарок жене и дочерям Илья Николаевич, что присылал домой студент Петербургского университета Александр Ульянов. Почти в каждом его письме есть такие строки: «Книги Володе я купил... ноты, что просила Оля, я пришлю».

В нотной библиотеке семьи Ульяновых немало папок и отдельных музыкальных изданий, на обложках которых — короткие дарственные надписи: «Мамочке», «Оле»... Здесь множество русских, украинских народных песен, арии из «Князя Игоря» и «Свадьбы Фигаро», «Демона» и «Трубадура», фрагменты из «Риголетто», увертюра к «Тангейзеру», романсы Чайковского, Глинки, произведения Рахманинова, Сен-Санса, Массне, варламовская «Песня разбойника», гречаниновский «Перелом»...

Берем в руки «Сомнамбулу» Беллини. На обложке папки девичьи инициалы Марии Александровны, а внутри хранятся засушенные цветы, собранные более ста лет назад... Не было для нее лучшего подарка, чем папка с нотами, хотя играть иногда приходилось в холодном зальце небольшого деревянного дома в Кокушкине. Мария Александровна привила и своим детям любовь к музыке, они пронесли это чувство через всю жизнь. Именно об этом свидетельствуют строки из писем Ульяновых друг к другу.

В 1898 году Мария Ильинична уехала в Брюссель. Мария Александровна сообщала младшей дочери: «Мы играем с Аней каждый день, и часто в четыре руки, это большое развлечение... Мне очень жаль будет, если ты позабудешь музыку».

Когда Мария Ильинична вернулась из вологодской ссылки, мать снова писала ей, чтобы она не бросала музыки, советовала взять пианино напрокат. В одном из писем А. И. Ульяновой-Елизаровой Мария Александровна писала в 1903 году из Самары: «Маня играет много, разбирает сонаты Бетховена...»

Интересно, что и в некоторых конспиративных письмах Ульяновых встречается условное упоминание о музыке. Например, в конспиративном послании в июне 1896 года М. Т. Елизаров писал Д. И. Ульянову: «Ты ведь вот музыкой интересуешься теперь». А музыкой на эзоповом языке называлось не что иное, как работа в социал-демократических кружках!

Так великая семья революционеров мысленно объединяла в одном слове самое свое заветное...

По неопубликованным документам Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и квартиры-музея В. И. Ленина в Кремле.

ОДИН ДЕНЬ

Конкурс виолончелистов закончился. Наталье Шаховской присуждена первая премия.

И. ВЕРШИНИНА, Р. ЛИХАЧ

Три недели идет в Москве II Международный конкурс имени Чайковского. Нам хочется рассказать об одном дне его жизни. День этот — 15 апреля. Мы выбрали именно его, потому что 15 апреля «виолончельный олимп», как называют жюри конкурса виолончелистов, передавал эстафету своим собратьям — пианистам. Но если уж мы решили рассказывать, то давайте по порядку...

Начался этот конкурсный день не в 9 часов утра, как все предыдущие. Когда бой кремлевских курантов в притихшей ночной Москве гулко возвестил о рождении новых суток, в одном из залов Дома союзов заседал «виолончельный олимп». Трудно было придумать более точное, торжественное и символичное музыкальное сопровождение словам, которые звучали здесь. Ведь все выступающие говорили о большой победе на конкурсе советских музыкантов! И как ни просится здесь рассказ о горячих спорах и жарких дискуссиях, их не было. Зато обстоятельно, подробно, внимательно и заботливо обсуждали каждого участника прошедшего III тура. Любовь к молодежи, забота о ней, думы о будущем музыки и ответственность за это будущее — вот что роднило всех этих знаменитых музыкантов, что заставило их, несмотря на почтенный возраст, приехать издалека на конкурс.

А в 10 часов утра прославленные маэстро вновь привычно пересекали площадь Свердлова, направляясь из гостиницы в Колонный зал.

На правах старых друзей гардеробщицы и билетеры (у каждого из них за три тура прослушивания появились свои любимцы, за которых они болели) конфиденциально и нетерпеливо расспрашивают о премиях, но, увы, жюри обязано хранить молчание до конца. Тем более, что осталось всего несколько минут, а затем весь мир узнает имена лучших молодых виолончелистов, первых лауреатов II конкурса Чайковского. Эта весть мгновенно облетит землю — в зале собралось немало людей, кто обеспечит полету космическую скорость. Радиорепортеры, корреспонденты, фотокорреспонденты, операторы. Застыли в нетерпении микрофоны, нацелены фотообъективы, зажглись прожекторы, раскрыты блокноты... И наконец: «Наталья Шаховская — первая премия!»

Пауза! Пауза, кажущаяся особенно длинной в этом стремительном ритме событий, пауза, заполненная горячими, громкими, счастливыми аплодисментами всех собравшихся. И справедливости ради надо сказать, что особенно горячо, не щадя своих натруженных за эти дни музыкальных рук, аплодировали сами участники. Затем прозвучал необычайно гармоничный и знаменательный дуэт. Председатель жюри Мстислав Ростропович и заместитель пред-

ИНТЕРВЬЮ

ЭТО ПЛЕНЯЕТ

Жозеф Сигети (США)

В вашей стране я бывал много раз. Помню свои концерты в России двадцатых годов. Мне аккомпанировали на пианино с ободранными клавишами. Недавно я был в консерватории на изумительном концерте Гилельса. В антракте между отделениями настройщик проверял и настраивал великолепный концертный рояль, на котором играл пианист. Казалось бы, это незначительные эпизоды, а я в их сопоставлении вижу вашу страну, тот огромный непостижимый путь, что прошла она за эти годы. Я заседал во многих жюри, всегда залы полны народа, но чтобы так слушали, как у вас?! Тут и знания, и музыкальность, и интуиция, и очень хорошее понимание, и доброжелательность, и строгий вкус, и уважение к труду музыканта. И вот этот очень верный голос народа мы слышим, и он на наши решения, бесспорно, влияет.

Я заговорил об уважении к труду. Я жил среди крестьян в Венгрии. Там, если человек уронил хлеб, он, поднимая его, целует. Я помню, в детстве, давая нам карандаши, мать делила их на три части. И мы писали огрызками, пока можно было их удержать в руках. Это осталось у меня на всю жизнь. Я не могу видеть, как в Америке карандаши и даже ручки бросают, словно спички, а горничная в гостинице выбрасывает кусок мыла, которым вы умывались утром. За всеми этими вещами я вижу не деньги, а труд, в них вложенный, труд, который я привык уважать. И вот это уважение к труду и к тем, кто трудится, меня пленяет в вашей стране. Это трудолюбие, стремление к преодолению любых трудностей высоко ценю я в ваших музыкантах наряду с их огромной одаренностью. На конкурсе много было различных талантов, но должен заметить, что, конечно, иностранных участников нельзя сравнивать с советскими ни по количеству, ни по качеству.

ДОРОГА МУЗЫКИ НЕ ИМЕЕТ КОНЦА

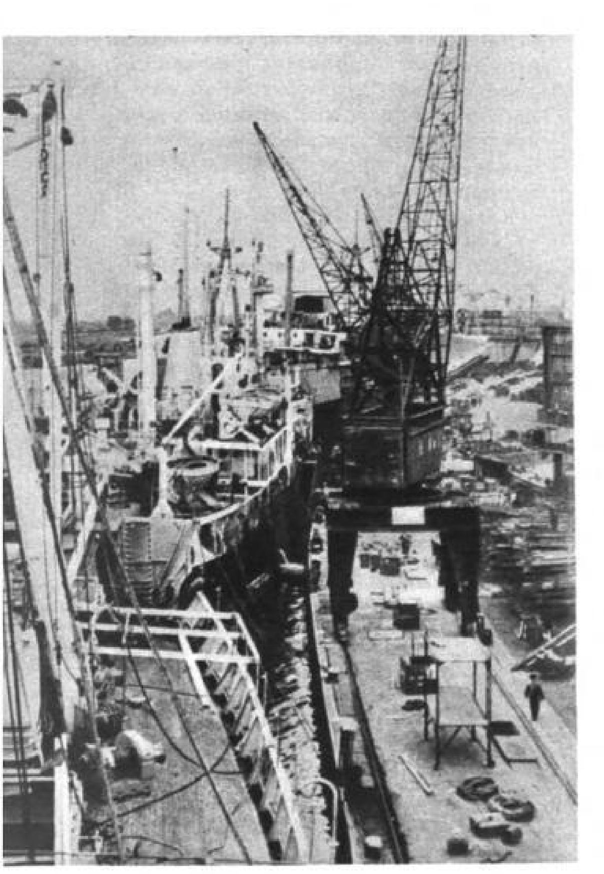
Анри Ганебен,
президент Федерации международных конкурсов (Швейцария)

Конкурс Чайковского захватил весь мир. Я участвовал в 50 международных конкурсах и должен сказать, что ваш конкурс проходит на выдающемся уровне. Ни в одном жюри я не видел такого собрания знаменитых музыкантов мира. А участники? Я имел удовольствие видеть тех, кто берет из наших рук факел и несет его дальше, а может ли быть большее счастье для человека, свыше 50 лет жизни отдавшего музыке? Много одаренных людей мы прослушали, победу одержали советские музыканты.

Первую премию получила Шаховская. Ее искусство насыщено драматизмом, но больше всего меня поразила ее убежденность. Она убеждена в том, что делает, поэтому безоговорочно покоряет слушателей.

Талант Фейгина, получившего вторую премию, мно-

ОБЫКНОВЕННАЯ БИОГРАФИЯ

Быстро развивается судостроительная промышленность Польши. На судоверфи в Щецине.

Фото Польского центрального фотоагентства.

Моника ВАРНЕНСКА,
польская писательница

Человек, о котором я хочу рассказать читателям «Огонька», жил по соседству со мной, мы с ним учились вместе в школе. Мой герой вырос в одной из тех многодетных рабочих семей, где родители мечтали дать образование хотя бы одному сыну и «вывести его в люди». Война перечеркнула даже эти скромные планы. Парень бросил школу и пошел на шахту навалоотбойщиком.

В годы гитлеровской оккупации через руки этого парня проходили сводки советского командования, листовки подполья — словом, все то, что на партийном языке называлось «нелегальщиной».

Наконец настал день, когда в Домбровский бассейн вступила Советская Армия, а через несколько часов — и Войско Польское.

Пришла победа, а вместе с ней возможность сдать оружие и склониться над книгой.

Работа на шахте, партийные дела, дежурства по охране народного достояния до отказа заполняли дни моего товарища. Когда аттестат зрелости был завоеван, моему другу предложили поехать в Советский Союз учиться дальше.

Учился он самозабвенно, со страстью и упорством. Одолевал трудности русской грамоты, привыкал к новой обстановке, узнавал новых людей. Он учился не только в институте — жадно изучал советскую действительность, зорко присматривался к бурной жизни Советской страны.

В те годы было много парней, которые, как и он, овладевали в Советском Союзе знаниями, столь необходимыми для их родины. Страна Советов посылала к нам специалистов, которые помогли построить не только металлургический комбинат «Нова Гута», но и многие другие, очень важные для польской экономики промышленные объекты.

Мой школьный товарищ вернулся в Польшу с дипломом инженера, с отличным знанием дела, с хорошими отметками по русскому языку, но главное — с приобретенным в СССР опытом работы с людьми. Вскоре я надолго потеряла его из виду.

Что тут особенного, могут спросить читатели. Таких биографий сколько хотите! Почему вы рассказали именно эту?

А вот почему.

Недавно, находясь в Демократической Республике Вьетнам, в небольшом городке на фоне пальм и бамбуков я вдруг увидела знакомую фигуру. Это был он, герой моего рассказа. Он делал здесь то же

КОНКУРСА

седателя Григорий Пятигорский — один на русском языке, другой на английском — приветствовали победителей, делились впечатлениями от конкурса. И хотя каждый высказывал свои мысли, переводчикам делать было нечего — слова и мысли совпадали.

Потом обнимали Фейгина (СССР) и Парнаса (США), получивших вторые премии, а затем объятия, рукопожатия, цветы, аплодисменты, поцелуи — все слилось.

В то время как Лесли Парнас пожинал лавры и в десятый раз за сегодняшнее утро рассказывал корреспондентам свою музыкальную биографию, которая началась в 3 года от роду, его соотечественник и тезка по фамилии Самюэл Дилуорт-Лесли волновался, как ему казалось, больше всех на свете. Еще бы, ведь он открывает конкурс пианистов! Но это будет в 2 часа дня...

А пока в Большом зале консерватории, непривычно пустынном, идет репетиция. Борис Гутников готовится к вечернему выступлению, репетирует с дирижером Геннадием Рождественским и симфоническим оркестром Московской государственной филармонии концерт Брамса. Молодые, страстно влюбленные в музыку, легко понимая друг друга, они играют еще и еще и... оказываются в цейтноте. На репетицию «концерта Чайковского» остаются мгновения, которые даже посчитать некогда... Сейчас здесь начнется прослушивание пианистов. Билетеры проворно снимают белые чехлы с кресел. И Большой зал вновь принимает свой зимний торжественный, нарядный вид. На стол ставят флажки. Зажигаются люстры. Публика заполняет все, что только можно заполнить в зале. Торжественно, под аплодисменты собравшихся, несколько помешкав у дверей, пропуская друг друга, входит жюри. Теперь председательское место занимает Эмиль Гилельс.

Конкурс пианистов начался.

В этот день полукруглый портик фасада консерватории напоминал проходную большого завода: две смены, четыре мощных людских потока прошли через него...

Вечером Большой зал, увы, не оправдывал своего названия. Шел III тур у скрипачей, играл Борис Гутников, и желающих попасть на его выступление было столько, что привычный вопрос о лишнем билетике, словно эхо, раздавался возле клуба университета и за Никитскими воротами. Скрипичная музыка звучала во всех раскрытых окнах столицы: телевизоры были настроены на вторую программу — москвичи присутствовали на конкурсе; радио предоставило эту возможность и многочисленным любителям музыки других городов, сел, стран...

Заканчивался этот день конкурса так же, как и начался. Бой кремлевских курантов аккомпанировал горячим, восторженным речам в адрес советских музыкантов. Только сейчас слова эти произносили сотни тысяч слушателей.

С тех пор прошла неделя. Сегодня заканчивается первый тур конкурса пианистов.

Чайковский. Концерт для скрипки с оркестром. Исполняет Борис Гутников.

В Большом зале консерватории играет канадская скрипачка Бетти Джин Хейген.

„ОГОНЬКА"

гоплановый. Голос его виолончели прекрасен, в нем теплота и нежность. Бесспорно, эти двое — первоклассные артисты.

Парнас — уже признанный музыкант. Он много раз был удостоен премий, он привык к концертной эстраде и хорошо знает, как очаровать слушателя. Несомненно для меня блестящее будущее 18-летней Наташи Гутман.

Я убежден, что мои молодые друзья, как те, кто награжден премиями, так и другие, неустанно будут трудиться и помнить, что дорога музыки не имеет конца, по ней можно идти бесконечно.

ЗА ЛЮБОВЬ БОЛЬШУЮ, ПОСТОЯННУЮ

Мстислав Ростропович (СССР), профессор, председатель конкурса виолончелистов
Даниил Шафран, заслуженный артист РСФСР

Мы оба остались очень довольны прошедшим конкурсом виолончелистов. И не только потому, что он закончился блестящей победой советских музыкантов. Мы лелеем надежду, что все его участники отдадут свою жизнь виолончели и с большим успехом, чем мы.

На конкурсе было много ярких талантов, и, как ни парадоксально, мы, члены жюри, у них многому научились: ведь каждый принес что-то свое, очень ценное и интересное.

И в жюри и среди участников были музыканты разных исполнительских направлений. Казалось бы, каждый из нас предпочтет близкого себе по манере. Но в жюри сидели такие большие артисты, а исполнители были такие яркие, что все слились в общем едином мнении. И это не удивительно: ведь всеми нами движет общий интерес, общее желание, чтобы виолончель, которую мы считаем самым лучшим инструментом, стала самым популярным и любимым. Кроме радости открытия новых талантов, конкурс принес нам и радость открытия новых любителей виолончели. Мы будем счастливы, если это их увлечение превратится в большую, постоянную любовь. Это тоже будет очень большим завоеванием конкурса!

ДУХОВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

К. Вилкомирский, профессор (Польша)

В последние годы советская музыкальная школа очень сильно выросла и, бесспорно, заняла первое место.

Россия — страна северная, большие равнины, суровый климат, а кровь у народа горячая. Поэтому и стиль исполнения чрезвычайно сильный, эмоциональный.

Советские музыканты понимают, что музыка — сильнейший способ духовного воздействия на человека.

Они прочитывают так музыкальное произведение, что оно звучит как исповедь композитора, и они обладают совершенной техникой, которая может это передать. Они поэтичны и темпераментны, страстны и задушевны.

На конкурсе пианистов. Председатель жюри Эмиль Гилельс и заместитель председателя маркиз де Гонто Бирон.

самое, что и у себя в Польше: строил новый завод.

— Знаешь, что я скажу тебе? — говорил он, по-прежнему молодо поблескивая глазами и откидывая со лба прядку волос, уже тронутую сединой.— Все здесь напоминает мне наши первые годы после освобождения!.. Порой мне даже кажется, что я в Польше и что это наш сорок пятый или сорок шестой...

— А не трудно тебе здесь? — спросила я.

Он на мгновение задумался.

— Ну что ж!.. Если говорить откровенно — трудновато. Вот, к примеру, привезти сюда семью я не могу... Но работу свою я делать должен. Мы обязаны помочь вьетнамцам, как советские люди помогли нам в трудные послевоенные годы... Видишь ли, долгое время я чувствовал за собой неоплаченный долг. А сейчас, работая здесь, во Вьетнаме, я начинаю возвращать этот долг. Я верю, что наши вьетнамские друзья, в свою очередь, передадут полученные ими знания другим...

И я подумала: «Как хорошо он это сказал! Лучше, пожалуй, не выразить самую сущность дружбы и взаимопомощи народов социалистического лагеря».

Вот почему сейчас, когда исполняется 17-я годовщина Договора о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве между Польшей и СССР, я и решила рассказать историю моего товарища, в которой нет ничего необычайного, но которая очень знаменательна для нашего времени.

Варшава, апрель.

ТОРЖЕСТВО В СЕНТ-ЭНДРЮСЕ

М. А. ШОЛОХОВ — ПОЧЕТНЫЙ ДОКТОР ПРАВА

Фото Юнайтед Пресс Интернэшнл.

В этот день был переполнен актовый зал Сент-Эндрюсского университета в Шотландии — одного из старейших учебных заведений, отметившего недавно свое 550-летие. По давней традиции сенат университета присвоил группе деятелей мировой науки и культуры почетные степени. 13 апреля состоялась торжественная церемония вручения дипломов.

С исключительным воодушевлением встретили участники церемонии прибывшего в Сент-Эндрюс выдающегося советского писателя академика Михаила Александровича Шолохова, удостоенного степени почетного доктора права.

...М. А. Шолохов подходит к центральной кафедре. На его плечах — черная докторская мантия. Канцлер университета возлагает на него красную накидку декана и провозглашает почетным доктором права Сент-Эндрюсского университета.

Ректор университета сэр Чарльз Сноу, выступивший с речью, сообщил, что М. А. Шолохов — первый русский писатель, получивший почетную ученую степень доктора английского университета после того, как в 1879 году Оксфорд присудил такую степень И. С. Тургеневу.

Торжественная церемония в актовом зале Сент-Эндрюсского университета. Выступает ректор сэр Чарльз Сноу.

Сотни людей горячо поздравили советского писателя. Особенно трогательным было письмо, переданное М. А. Шолохову группой местных школьников, изучающих русский язык. «Мы все,— говорится в письме,— смотрели фильм «Судьба человека», и многие из нас читали ваш великолепный рассказ, на котором основан этот фильм — «Судьба человека». Это судьба не только человека, но человека — героя нашего времени...»

Английская школьница Кристин Фрэйзер передает М. А. Шолохову написанное на русском языке приветственное письмо.

СПАРТАК — ПОБЕДИТЕЛЬ

Юрий ТРИФОНОВ

Фото А. Бочинина.

Наступил конец марта, пришла весна, на юге раздались первые удары по футбольному мячу, а в хоккейных делах по-прежнему царила неясность. Турнир как будто не заканчивался, а лишь только начинался. Все пять московских команд имели примерно равные шансы, и хотя знатоки устно и письменно высказывали мнение, что чемпионами будут армейцы, они делали это скорее по привычке, чем в силу настоящей уверенности. Все было неопределенно и зыбко. В воздухе пахло сенсацией. Но было неясно, кто ее совершит: «Локомотив», пришедший к финальному турниру с наименьшим количеством потерянных очков, команда «Динамо», мощно усилившая игру в этом сезоне, или же московский «Спартак», команда совершенно не изученных возможностей и самая молодая из всех? А под сенсацией подразумевалась решающая победа над ЦСКА, многолетним фаворитом.

В первом матче финального турнира «Спартак» с огромным трудом победил «Локомотив». Футбольный счет 2 : 1 выразил чрезвычайное ожесточение борьбы. Казалось, если с таким же «скрипом» пойдет дело дальше, то «Спартаку» не на что рассчитывать в финальной пульке. В течение трех периодов шла упорнейшая битва совершенно равных противников, и если «Спартак» все-таки вырвал победу, то лишь за счет чуть большего везения и чуть более крепких нервов.

Однако эта первая игра с «Локомотивом», выигранная невероятным усилием воли, оказалась решающей для хода всего турнира. Она зарядила спартаковцев верой в себя. Следующие два матча — с «Динамо» и снова с «Локомотивом» — развивались по такому же сценарию, как и первый.

Вначале «Спартак» обороняется. Испытывает яростное давление. Даже пропускает шайбы. И кажется, вот-вот рухнет. Но затем постепенно игра выравнивается, «Спартак» выстоял. Нет, он не рухнул, он начинает контратаковать и захватывать инициативу, и вот происходит перелом — пока незримый, психологический, но вскоре он находит выражение в цифрах на табло — и конец игры проходит при подавляющем преимуществе «Спартака».

После этих трех побед над основными конкурентами, особенно после двукратной победы над «Локомотивом», спартаковцы впервые подумали о том, что можно выиграть чемпионат.

Удивительной была необыкновенная и все возраставшая свежесть спартаковской игры. Не верилось, что за плечами спортсменов долгие месяцы осенне-зимнего сезона. Каждую следующую игру они проводили все более блестяще, все более непринужденно! После трудной второй победы над «Локомотивом» последовали сравнительно легкий выигрыш у торпедовцев Горького (6 : 3) и сокрушительный разгром «Крылышек» (10 : 2).

К последней встрече, которая должна была все решить, спартаковцы пришли на волне небывалого успеха, полные желания добыть окончательную победу. Армейцы же были несколько обескуражены — и не столько своей недавней неудачей в матче с динамовцами, сколько мощным спуртом своего молодого противника, который казался поистине непобедимым.

Матч двенадцатого апреля, решивший исход чемпионата, навсегда останется в памяти любителей хоккея. Это был матч величайшего нервного накала с первой до последней минуты. Встретились две команды высокого класса, настоящие турнирные бойцы, не растерявшие к концу сезона своих боевых качеств, а, наоборот, замечательно их усилившие. 12 апреля на лед Дворца спорта выехали совсем не те «Спартак» и ЦСКА, которые начинали сезон. Армейцы после возрождения александровско-локтевской тройки восстановили свою былую мощь, а «Спартак» буквально на глазах сделался грозной силой.

Игра закончилась вничью, 4 : 4. «Спартак» стал чемпионом страны.

Чем объяснить великолепный взлет спартаковцев? Почему никто из спортивных обозревателей, тренеров и любителей спорта, в том числе и автор этих строк, перед началом финального турнира не отдавал предпочтения «Спартаку» и в качестве вероятного победителя все называли армейцев?

По классу игры, по индивидуальной технике спартаковцы мало чем уступают девятикратным чемпионам, но на стороне армейцев был опыт. Вот почему все пророчества склонялись на сторону ЦСКА. Однако никто не учел психологического фактора, и как его учесть, когда он не поддается учету, неуловим! А его роль в финальном турнире оказалась решающей.

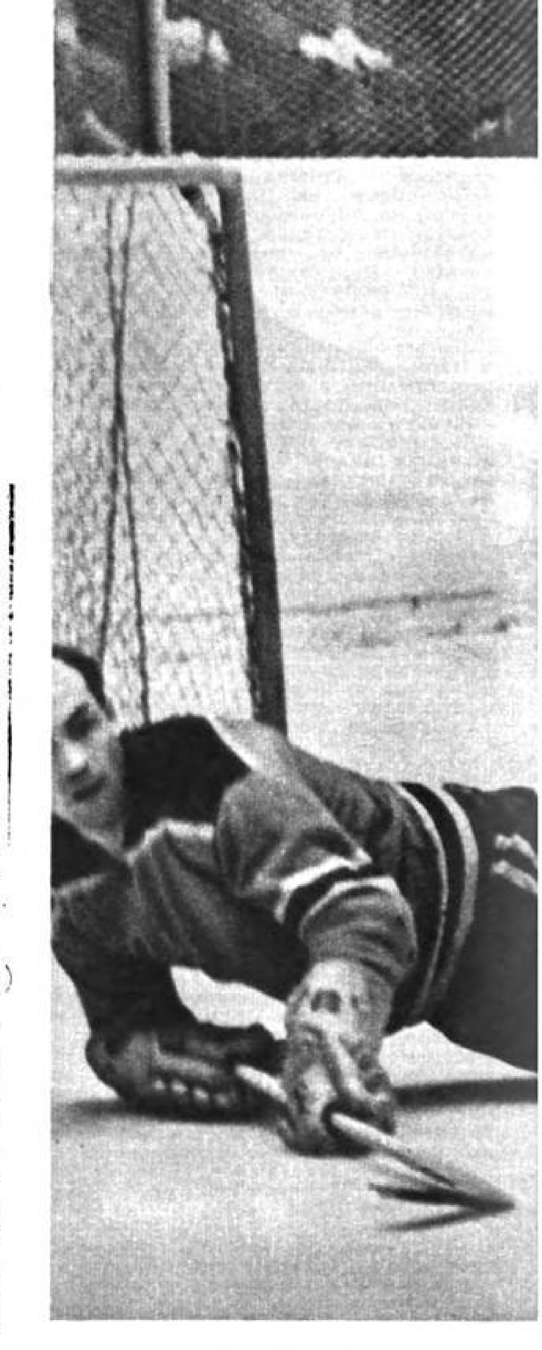
Все пять московских команд, в общем, равны по классу. Значит, победа лежала где-то в области психологии. Это был турнир нервов, состязание темпераментов. Один раз сдали нервы у динамовцев (в матче со «Спартаком»), и это оказалось для них роковым. Один раз сдали нервы у армейцев (в матче с «Динамо»), и это оказалось для них роковым.

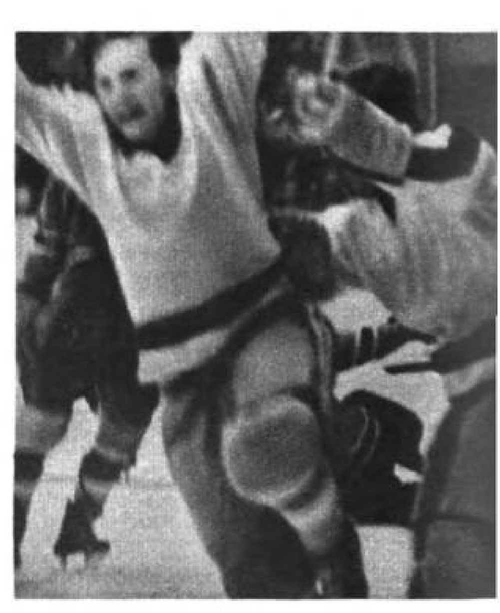
А «Спартак» нашел в себе силы выдержать испытание до конца. Нервы молодых игроков оказались чуть крепче, чем у конкурентов,— вот это «чуть» и решило дело. Великолепно провела сезон тройка братьев Майоровых и Старшинова. Сейчас это, безусловно, лучшая тройка в стране. Однако ошибаются те, которые считают, что в «Спартаке» только и есть одна майоровская тройка, а остальное, мол,— второй сорт.

Это глубоко неверно. С одной тройкой нельзя стать чемпионом страны. В «Спартаке» есть талантливый молодой вратарь А. Платов. Есть самоотверженные защитники, играющие в лучшем современном стиле: я уверен, что В. Кузьмин и А. Макаров вскоре займут прочное место в сборной Союза. Есть молодые смелые нападающие Р. Булатов и братья Валерий и Виктор Ярославцевы, у которых все впереди. И есть надежная тройка — В. Фоменков, И. Кутаков, А. Кузнецов, способная выдержать любой бой с любым сильным противником. И главное, есть коллективный темперамент, есть боевой спартаковский дух, объединяющий всех, и в этом большая заслуга тренера команды Александра Новокрещенова.

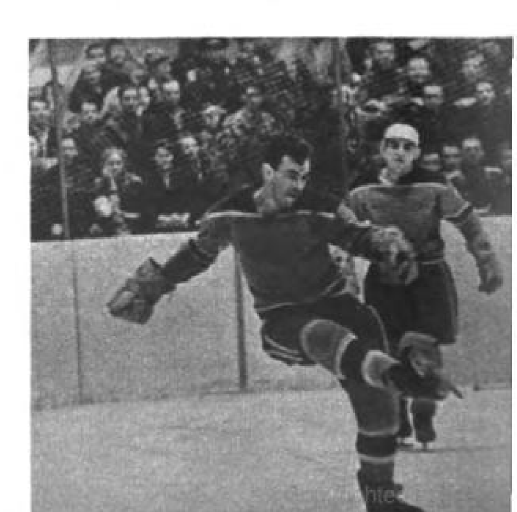
Но я возвращаюсь к майоровской тройке. Великое дело, когда существует пример! Братья Евгений и Борис Майоровы и Вячеслав Старшинов заражали остальных своей неукротимостью, своей энергией и волей к победе, они задавали тон, они бросались на штурм в самые критические минуты и оставались на льду, если было нужно, вдвое дольше обычного.

И даже их противники, побежденные ими, должны были признать: «Да, эти ребята — настоящие спортсмены!»

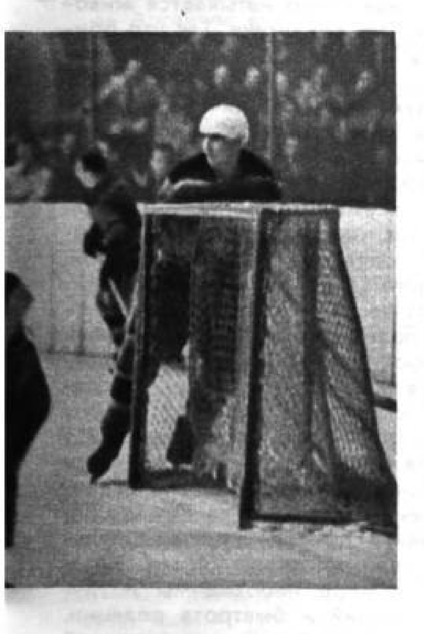

Евгений Майоров ликует. Он забросил четвертую, решающую шайбу в ворота ЦСКА.

В ТУРНИРЕ НЕРВОВ

Вратарь ЦСКА В. Смирнов (второй справа) и защитник В. Брежнев (первый слева) отбили натиск спартаковцев. Шайба пока свободна. Кто же первый овладеет ею?

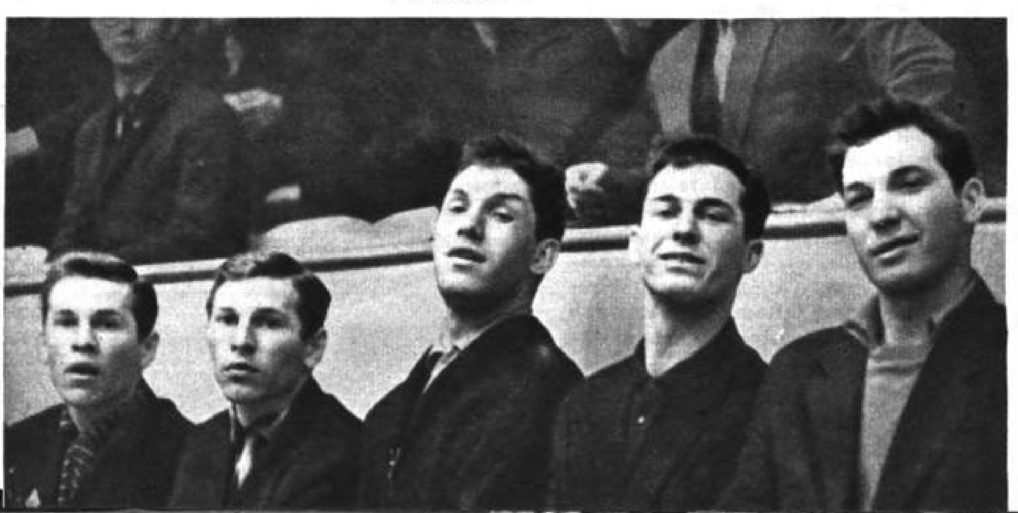

Защитник ЦСКА сломал клюшку, но шайба отбита лихим ударом ноги!..

Бросок вратаря не достиг цели, и шайба, пробитая динамовцем,— в сетке армейских ворот.

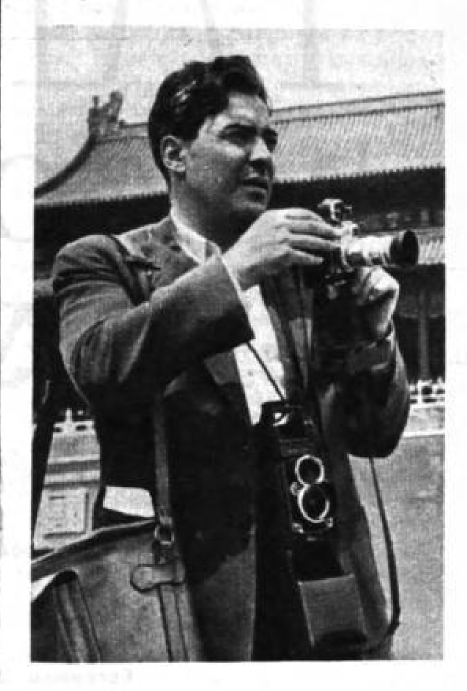

Сегодня они зрители. На трибуне пять братьев: спартаковцы Б. Майоров и Е. Майоров и игроки «Химика» А. Рагулин, М. Рагулин и А. Рагулин.

ФОТОВЫСТАВКА РАССКАЗЫВАЕТ...

Большую радость ощущаешь, познакомившись с фотовыставкой Дмитрия Бальтерманца, открытой в Центральном Доме журналиста, радость за успех талантливого художника советского фотоискусства.

Леса пятилеток, дороги Великой Отечественной войны, стройки Сибири, неоглядные дали целины — нет, не охватить и не перечислить всего, что вдохновенно отразил в своем творчестве Д. Н. Бальтерманц.

«К звездам» — так называется этюд, исполненный в Калуге, на родине Циолковского. «Мороз. Братск!» — сурово рисует автор силуэты портальных кранов-гигантов, посеребренных зимним солнцем. Образ современника — вот что больше всего занимает Д. Н. Бальтерманца. На стендах выставки портреты председателя колхоза Василия Кавуна, летчика-испытателя Владимира Коккинаки, скульптора Сергея Коненкова и многих других, эти портреты превосходны, в них явственно ощущаешь красоту советских людей.

«У Ленина». Фотография глубоко символична: в образе Ленина посланец африканской земли видит дух революции, свободы и счастья.

У входа на выставку — большие фотопанно, созданные в незабываемые дни XXII съезда партии. «За работу, товарищи!» называется одно из них. На нем изображены руководители партии и правительства во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым.

В полном расцвете творческих сил встретил Дмитрий Николаевич Бальтерманц — журналист, поэт и солдат — свое пятидесятилетие.

ТАЙНА ЗОЛОТОГО ПЕТУШКА

История необычайная, но в основе своей подлинная, рассказанная

Борисом ЛАСКИНЫМ

и иллюстрированная

Евгением ВЕДЕРНИКОВЫМ

ГЛАВА ШЕСТАЯ,
в которой говорится о встрече с моржами и с человеком в черной папахе

Что же ожидает нас сегодня на набережной Ангары, у бетонного причала, где, содрогаясь от лютого мороза, мы стояли уже более получаса?

Ровно в четыре часа мы увидели группу людей. Они неторопливо спускались по бетонным ступенькам причала.

Последующая фраза «мы были поражены» отбрасывается как вялая. Фраза «мы оцепенели от удивления» тоже не подходит. Соединим обе эти фразы в одну: «Мы были поражены, мы оцепенели от удивления».

Люди, которые спускались по ступенькам, были в купальных трусах. Они подошли к самой воде. В тишине было слышно, как под ногами у них стеклянно похрустывал лед.

Они положили полотенца на снег и не спеша вошли в ледяную Ангару. Они поплавали, потом вышли на берег, растерлись докрасна мохнатыми полотенцами и зашагали вверх.

Мы молча устремились следом за ними.

Купальщики перешли улицу и направились в подъезд высокого дома.

Мы вошли за ними.

На лестничной площадке второго этажа лежали их шубы, куртки, ушанки. Здесь купальщики начали переодеваться, а мы, пристроившись у батареи парового отопления, задали первый вопрос.

— Товарищи! Кто вы такие?

— Знакомьтесь. Слесарь Жуйков, крановщик Фенько, техник Чеусов, рабочий Рябинин, студенты Шершнев, Семенов, Степаненко. Хватит? Или дальше называть?

— А ваша фамилия?

— Дроздов. Я тоже студент.

— И... часто вы это?..

— Индивидуально купаемся каждый день, а по воскресеньям все вместе.

— При какой же вы температуре купаетесь?

— Я вижу, вам холодно, вы поднимите воротник. При всякой температуре: минус двадцать, тридцать, сорок. У нас в этом отношении очень удобно. Ангара замерзает поздно. Так что имеются все условия.

— Как вы себя чувствуете после такого купания?

— Отлично!..

— Значит, это вы... «моржи»?

— Мы. У нас в Иркутске клуб есть. Он так и называется: клуб «моржей». А если более прозаично,— секция зимнего плавания при добровольном спортивном обществе «Труд». Когда мы три года назад совершили первый массовый зимний заплыв, народу на набережную сбежалось, как на футбол. В тот день холодно было. По Ангаре шла шуга, градусов тридцать было примерно...

— Вы понимаете,— вступает в беседу Шершнев,— мы хотим, чтобы в нашем зимнем купании люди видели не цирковой аттракцион, а полезное дело.

— Извините,—говорит Дроздов, президент клуба «моржей»,— я еще два слова скажу. Надо бы, чтоб построили нам на берегу избушку. Там и раздеваться и одеваться будет удобней. Можно там и пункт медицинского контроля организовать...

— Почему же вам не построили такую избушку?..

Дроздов улыбается.

— А вы не догадались? — Леса нет в Иркутской области.

На этом кончается наша беседа. «Моржи» уже переоделись. Румяные, пышущие здоровьем, они прощаются и уходят.

Вдруг мы слышим голос:

— Товарищи!..

По лестнице спускается незнакомец в шубе и в черной папахе.

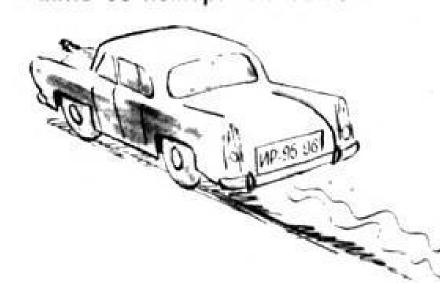

— Я знал, что вы придете,— говорит он.— Я ждал вас. Послезавтра утром вы зайдете на тарную базу. Запомните адрес: Третья Лесная, дом семь. Найдете кладовщика Перекурова. Скажете ему, что вас интересуют четыре ящика из-под битой птицы, полученных из сорок пятого магазина.

Человек в черной папахе выходит не прощаясь.

Мы выходим вслед за ним. В ту же минуту синяя «Волга», стоявшая у дома напротив, рванув с места, исчезает за поворотом.

К счастью, нам удается запомнить ее номер: «ИР 95-96».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,
повествующая об автобусе, который приезжает на восьмой этаж, и об иркутской девушке Вале

Встреча с Перекуровым должна состояться завтра. Таким образом, у нас в запасе целый день. Не поехать ли нам на Иркутскую ГЭС? Решено!..

Мы не станем описывать дорогу через город и по шоссе вдоль Ангары, не будем описывать отличную автостраду на плотине, не станем задерживаться на описании Иркутского моря, а просто откроем дверь и войдем в здание ГЭС.

Здесь нас подстерегает неожиданность. В подъезде у дверцы лифта висит табличка «8-й этаж». Таким образом, автобус, на котором мы приехали, доставил нас прямо на восьмой этаж. Дальнейший путь ведет уже вниз.

При выходе из машинного зала, там, где коридор делает поворот, на выступающей металлической детали укреплен красный деревянный шар.

— Что это за шар?

Сопровождавший нас главный инженер ГЭС Алексей Иванович Богун-Добровольский улыбнулся.

— Это я изобрел. В порядке заботы о живом человеке. Когда наши гости, главным образом иностранцы, покидают машинный зал, они столь страстно обмениваются впечатлениями, что кто-нибудь из них обязательно натыкается животом на эту вот штуку. Так что пришлось насадить шар для страховки.

Разумная мера, ничего не скажешь. Иркутская ГЭС производит сильное впечатление. В огромном голубом зале, где выстроились в ряд восемь сияющих белизной могучих, мерно гудящих агрегатов, совсем не видно людей. Станция, дающая миллиарды киловатт-часов электроэнергии в год, полностью автоматизирована. Ее обслуживает дежурный персонал в количестве четырех человек в смену.

Мы на пульте управления. Это святая святых. Здесь несет вахту дежурный инженер Борис Николаевич Юрасов. Он совсем молод и очень спокоен. Работа у пульта — дело высокого класса. Тут в равной мере необходимы и глубина знаний и быстрота реакции. Иногда на решение возникшей технической проблемы даются буквально считанные секунды.

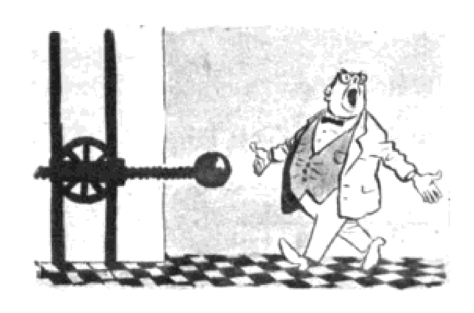
Юрасов включает телевизор. На экране возникает изображение. У Юрасова перед глазами то, что находится далеко,— в шахте турбины.

Алексей Иванович указывает на один из приборов, на ваттметр.

— Видите стрелочку? Она нам показывает, что по дороге Байкал — Москва идут поезда.

Рядом с Юрасовым у пульта дежурит Володя Черкашин, студент-заочник политехнического института.

Окончание. См. «Огонек» № 16.

— Волейболист. Разрядник,— рекомендует Володю главный инженер.— На тренировки далеко ходить не надо. Спортзал рядом.

А вот и зал, полный света и чистого воздуха. Здесь сражаются волейболисты, а где-то там, высоко над головой, шумит Ангара.

Алексей Иванович показывает нам сложное и большое свое хозяйство и, видя, что мы пытаемся что-то записать, говорит:

— Да это же все вещи известные, друзья мои. Об этом уже писали.

Когда мы прощаемся с главным инженером, к нему подходит девушка.

— Здравствуйте, Алексей Иванович! Вы получили мое заявление?

И вот мы уже беседуем с Валей.

— Что я могу о себе рассказать? Честное слово, не знаю...

Она смущенно улыбается. У нее круглое лицо, глаза светлые-светлые и ямочка на подбородке.

— Валя, вы видели в театре «Иркутскую историю»?

— Видела.

— В пьесе Валя, и вы Валя.

— Да. Только мы не похожи. Я приехала из Ленинграда в пятьдесят шестом году...

— И что же вы делали первое время?

— Первое время плакала. Да-да, честное слово. Мама осталась в Ленинграде, а я здесь одна. Ну, я маме писала, она мне.

— А сейчас вы...

— Дежурный электромеханик на связи.

— А какое вы заявление Алексею Ивановичу подали, если не секрет?

— Прошусь на оперативную работу. На пульт.

— Дело трудное.

— Вообще, конечно...

Она делает паузу, потом говорит:

— Вы вот про «Иркутскую историю» спросили. Мне понравилось. Только я одного не поняла. Зачем там хор? Этот хор все время объясняет, что к чему. А в жизни не так. В жизни очень интересно бывает самой разобраться, даже если трудно и непонятно. Вот я когда приехала, все было неясно. А потом пригляделась, поняла многое. Теперь я знаю, чего я хочу и что будет. Кончу институт и буду энергетиком. И буду жить в Сибири.

Валя говорит очень убежденно, но при этом с лица ее не сходит мягкая, смущенная улыбка.

— А в «Иркутской истории» есть еще Сергей...— Мы с любопытством смотрим на Валю.

Она смеется.

— Если вас интересует именно Сергей, то такого пока нет.

Мы прощаемся. Валя уходит и машет нам рукой. Она торопится, у нее дела. Ее ждет иркутская история.

А может быть, и не только иркутская...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, полная неожиданных событий

О том, что произошло на следующий день, мы расскажем коротко, с точностью, какая способна украсить не только протокол, но и художественное произведение.

В соответствии с полученным указанием в одиннадцать часов утра мы явились на тарную базу по адресу 3-я Лесная, дом 7. Перекурова на месте не оказалось.

По нашей просьбе сотрудники описали приметы Перекурова: рост ниже среднего, рыжая борода, заикается.

Через полчаса мы уже были в скупочном магазине Ювелирторга. Здесь выяснилось, что вчера вечером в магазин явился гражданин и предложил купить у него три золотых самородка. Самородки не были приобретены, так как магазин уже закрывался.

Мы попросили описать приметы владельца самородков. Кассирша сообщила: человек невысокого роста с рыжей бородой, слегка заикается.

Самородки пытался продать именно Перекуров. Это почти не вызывало сомнений.

Спустя некоторое время мы зашли в продовольственный магазин № 45 и спросили, есть ли в продаже куры.

Продавец ответил буквально следующее:

— Кончились. Вчера этих кур целый ящик был. Быстро разошлись. Один покупатель сразу дюжину взял. Я, говорит, сына женю. Гостей будет полон дом.

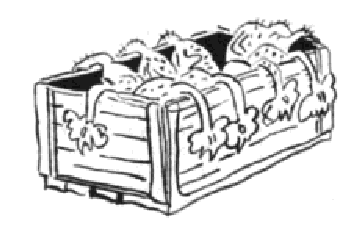
— Какой же он из себя, этот оптовый покупатель?

— Человек как человек,— усмехнулся продавец,— небольшого роста, борода рыжая и говорит чудно, вроде бы заикается.

— Скажите, а у вас случайно не сохранился ящик из-под кур?— спросили мы и услышали ответ, который поверг нас в отчаяние.

— Этот бородач, что кур купил, он и ящик выпросил. Для чего ему ящик понадобился?..

Мы без труда поняли, для чего Перекурову понадобился ящик. На ящике указывается адрес по-

ставщика. Все ясно и ничего не ясно.

Выйдя на улицу, мы вдруг увидели стоящую у мебельного магазина синюю «Волгу» «ИР 95-96».

Не сговариваясь, мы вошли в магазин.

Там мы с преувеличенным вниманием разглядывали мебель, одновременно пытаясь обнаружить среди покупателей владельца синей «Волги» — человека в черной папахе.

Нас постигла неудача. Этого человека там не оказалось. Чтобы не обращать на себя внимания, мы разговорились с немногочисленными покупателями и попутно выяснили, что в Иркутске с мебелью дело обстоит плоховато. Мебели мало, да и качество ее не ахти какое.

— Не иначе, леса нет в Иркутской области,— иронически заметил один из покупателей.

Когда мы вышли из магазина, синей «Волги» уже не было.

Из гостиницы мы позвонили на тарную базу.

— Перекурова можно попросить?

— Нет его. Он в Шаманку уехал. В леспромхоз.

Связавшись по телефону с управлением лесной промышленности, мы узнали что в Шаманке находится Иркутский леспромхоз.

— Вперед, в Шаманку! — сказали мы себе.— Попытаемся найти Перекурова и попутно выясним, верно ли, что в Иркутской области нет леса.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, которая отвечает на вопрос, заключающий предыдущую главу

Известно, что распознать человека удается не сразу. Первое впечатление частенько бывает обманчивым. Хмурый дядечка при ближайшем рассмотрении оказывается весельчаком. А иной хохотун рубаха-парень обернется боком, и диву даешься: сухарь, да и только!..

Прямо скажем, мы не надеемся, что, прочитав предыдущий абзац, благодарные читатели начнут хлопать в ладоши и восклицать по нашему адресу:

— Молодцы! Правильно сказали. Так оно и есть!..

Нет. Будем самокритичны. Не так уж и правильно мы сказали. Бывает же, что человек открывается сразу. Смотришь на него, встречаешь смелый взгляд, видишь лукавую, добрую улыбку и говоришь себе: настоящий это человек. Говоришь так и не ошибаешься.

Поселок Шаманка лег на берегу Иркута под высоким крылом Шаманского утеса.

Директор леспромхоза Леонид Акинфович Бондаренко, в полурасстегнутой куртке, в шапке, сбитой на затылок, ведет нас в столовую.

— Пока вы, хлопцы, пельменей не покушаете, разговор у нас не получится. Вот, обратите внимание,— он показывает на здание клуба,— это наш Большой театр. Это большая спортивная арена, зал двадцать четыре на двадцать, а это Московский государственный университет, он же школа-десятилетка.

По пути нам встречаются люди. С одним Бондаренко успевает поздороваться, с другим перекинуться шуткой, третьего коротко представит: генерал-печник. Потом он замечает козу, деловито жующую листок бумаги.

— Обратите внимание, что коза делает. Какую-то инструкцию кушает. Ешь, коза, ешь, делай доброе дело!..

Мы пропускаем рассказ о сибирских пельменях, так как, во-первых, у нас нет слов, а во-вторых, нет времени. Мы едем в тайгу. А Бондаренко рассказывает:

— Меня партизаном называют. Вообще говоря, хлопцы, человек я недисциплинированный. Начальство говорит, что во мне есть элемент стихийности...

— В чем же это проявляется?

— Такой у нас был случай. Ведем дорогу через тайгу. Дело не легкое. Люди, можно сказать, с ног валятся, а до конца метров шестьсот всего. Я говорю: «Хлопцы, нажмем? Самая же малость осталась. Прошу учесть, на последней отметке — пень, а на нем стоит угощение для взрослых». В общем то-се, тары-бары, довели дорогу, со смехом, конечно, с шутками...

— И что, было угощение?

Бондаренко разводит руками.

— Ваш вопрос меня обижает. Люди ценят заботу и хорошее отношение. Мы здесь с жилстроительства начали, дома поставили каждый на две семьи — нормально. Холостяки приходили: «Директор, дай квартиру». «А семья где?» «Да я ж вообще... ухаживаю...» «Ты что же, донжуан или кто? Давай приглашай свою любовь, поедем в сельсовет, оформим брак и живи с жинкой в новой квартире».

Вообще я считаю, в любом деле первый герой — инициатива. Опять коснусь дороги. Потребовалось нам срочно новый участок проложить. В управлении говорят: «Готовьте смету». Я говорю, когда революцию делают, сметы не составляют. Правильно, нет?

Мы вынуждены свернуть на обочину. Навстречу идет груженая машина с прицепом. Бондаренко заметно оживляется.

— Видите, хлопцы, у прицепа резина?.. А вы знаете, что это за резина? С самолета «ТУ-104». Тут такое дело было. У меня как раз отпуск подошел, я жене говорю: «Клавдия Антоновна, будь здорова, я улетаю в Ташкент в мечеть, грехи замаливать. Скоро вернусь». Прилетел в Ташкент, у меня там хорошие знакомые. Дали они мне загодя сигнал, что лежит у них на аэродроме резина утильная. На «ТУ-104» она свой срок отработала, а если ее на автоприцеп поставить, я на ней триста тысяч кубометров леса вывезу. Поговорили с кем надо, тары-бары, выписали мне резину. Вагон получил и приехал домой. Так вот половина отпуска и прошла.

— А что Клавдия Антоновна сказала?

— Дурак.

И Бондаренко смеется.

Мы снова уступаем дорогу груженому «МАЗу».

В тайге горит костер.

— Мастерский участок,— поясняет Бондаренко,— здесь лес валят, трелюют, кряжуют, штабелюют и грузят. Коротко и ясно. А неясно — посмотрите...

Лесосека на склоне горы, недалеко от дороги. Виктор Грачев вооружен бензопилой. Проходит несколько минут — и двадцатиметровая сосна валится с шумом морской волны.

Потом пила проворно срезает верхушку упавшей сосны. Трелевочные тракторы, газуя на подъеме, волокут хлысты — деревья, уже лишенные кроны.

Крановщик Константин Хондель грузит лес на машину. Работает он ловко и удивительно ритмично.

В стороне у дороги избушка. На дверях написано углем: «Ресторан «Тайга». Тут можно обогреться, перекусить. Ресторан «Тайга» на полозьях, так что не люди ездят в ресторан, а ресторан ездит к людям.

Народ здесь работящий, крепкий. Сибиряки.

Вот мастер участка Георгий Сдвижков. Комсомолец, выпускник Красноярского политехнического института. Мастер по должности и по существу мастер.

А вот Роман Овчинников — «генерал-бульдозерист», как его аттестует Бондаренко за виртуозное владение машиной, за горячую любовь к делу.

А крановщик Алексей Александров, который грузит в смену до четырехсот кубометров леса! А трактористы — рекордсмены трелевки Александр Яковлев и Николай Конахович! Да, много видных людей в Шаманке, очень много. Не зря говорит о них Бондаренко:

— Это ж не хлопцы. Это ж русская энциклопедия!..

Весь день мы колесим и ходим по тайге. Поздним вечером возвращаемся в Шаманку.

Клавдия Антоновна собрала было на стол, но на пороге появляется шофер.

— Леонид Акинфович, «козел» вернулся из капиталки.

— Проверим, как твой «козел» работает. Поехали, хлопцы.

— Опять?..— негодует Клавдия Антоновна.— Тебя и так целый день дома не было.

— Жди меня, и я вернусь,— говорит Бондаренко.

И вот он уже крутит баранку «газика». Мы снова едем по поселку.

Фары вырывают из темноты могучие стволы деревьев. На берегу Иркута нижний склад: лежат высокими штабелями десятки тысяч кубометров первосортного леса. Грузчики окружают Бондаренко. Слышны шутки, дружный смех. Хлопцы ласково зовут батей этого неугомонного человека, в котором слились воедино азарт комсомольца, лихость солдата и сильная воля коммуниста.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой говорится о богатом месторождении

Через три часа пути перед нами открылся Ангарск.

«Если мне не изменяет память,— сказал нам на прощание Бондаренко,— то человека с фамилией Перекуров я встречал в Ангарске». И вот мы здесь.

Мы знали, что это город молодой, но мы не подозревали, что Ангарск так необыкновенно красив.

Молодой город... Мы чуть не написали «раскинулся». Это было бы неточно. Город не раскинулся. Он встал, прямой и складный, на берегу реки Ангары.

И вот мы идем по центральному проспекту, держа курс на юго-запад, в район Ангарских Черемушек, и перед нами проходят четкие каменные иллюстрации на тему — архитектура и градостроительство.

Чем дальше в лес, тем современней и лучше архитектура зданий. Универмаг с тяжелой колоннадой остается позади, и перед нами красуются крупнопанельные жилые дома.

Мы направляемся в загс.

В гостиной у входа в комнату, где свершается таинство записей актов гражданского состояния, очень многолюдно. Здесь коротают последние минуты холостой жизни будущие молодожены.

В комнате, убранной цветами, сидит молодая пара — электросварщик Василий Нагорный и бетонщица Мария Шендрик. Заведующая загсом Александра Акимовна Игнатова завершает торжественную процедуру бракосочетания.

— Ну, молодые, как вас записывать, на всю жизнь или только на семьдесят пять лет? — улыбается Александра Акимовна.

— На всю жизнь,— говорит жених.

— Да. На всю жизнь,— твердо говорит невеста.

— А где ваши поручители?

Поручители оказываются рядом. Они расписываются в книге после новобрачных. Через несколько минут поручители появляются снова. Теперь они выступают в основных ролях — жениха и невесты.

— А где ваши поручители? — спрашивает Александра Акимовна.

А поручители уже здесь. Это те первые, что десять минут назад стали мужем и женой.

В Ангарске за минувший год сыграли более двух тысяч свадеб. За этот же год родилось четыре тысячи детишек! Говорят, что здесь самая высокая в стране рождаемость. Теперь вы понимаете, почему мы не назвали число жителей этого молодого города? Очень уж быстро здесь меняются цифры!

Если в Слюдянке богатое месторождение слюды и мрамора, в Черемхове — угля, на Ленских приисках — золота, то здесь, в Ангарске, нами открыто богатейшее место рождения будущих строителей и ученых, космонавтов и преобразователей природы, тружеников и мечтателей.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ и последняя, обращенная к читателям

Кладовщика тарной базы Перекурова в Шаманке не оказалось. Не было его и в Ангарске. И вообще его не было.

Дорогие друзья-читатели!

Мы уверены, что наша наивная хитрость давным-давно разгадана.

Если вы помните, еще в четвертой главе мы признались, что впервые увидели Сибирь и потому...

Не поленитесь, загляните в начало четвертой главы. Там все сказано.

А теперь несколько слов о золотом петушке. Все, что написано в первой главе, нами не придумано. Если не верите, откройте газету «Восточно-Сибирская правда».

Итак, событие, описанное в первой главе, имело место. Это было.

А чего не было?

Не было телефонного звонка в слюдянскую гостиницу.

Не было человека в черной папахе и синей «Волги».

Не было тарной базы по адресу 3-я Лесная, дом 7.

Не было встреч ни в продуктовом, ни в ювелирном магазинах. (Мебельные магазины в Иркутске есть, но хорошей мебели не было.)

Не говорил Л. А. Бондаренко о Перекурове.

Не говорил М. М. Одинцов о золотом петушке, и не он направил нас в Слюдянку. Мы поехали туда сами.

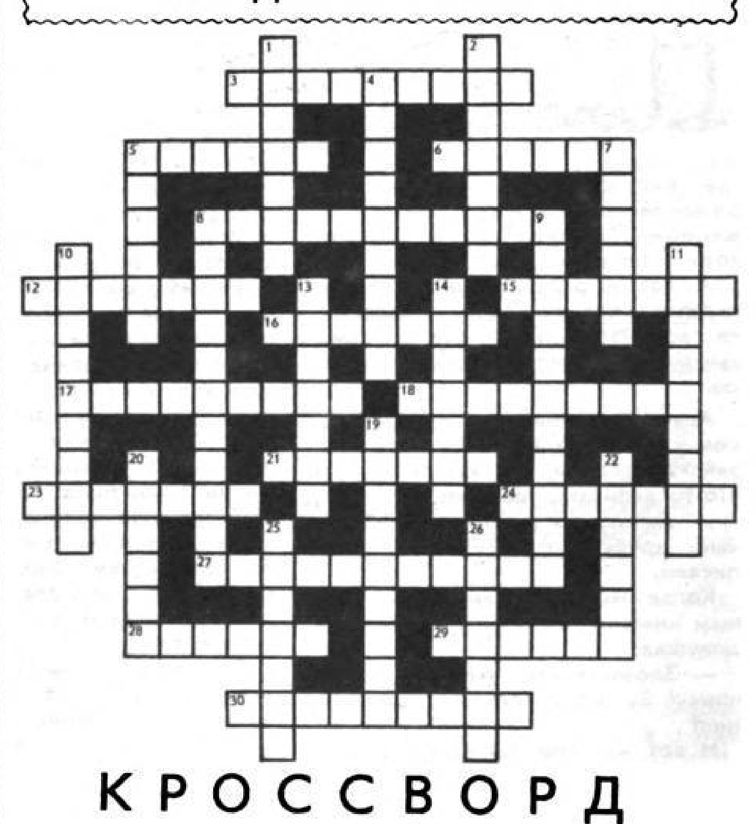
Таким образом, вы знаете, чего не было.

А остальное все было. Все!

И встречи, и беседы, и дела, и люди.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Птица. 5. Валяная шерсть. 6. Ураган. 8. Геометрическая фигура. 12. Походка. 15. Музыкальный инструмент. 16. Персонаж романа А. Фадеева «Молодая гвардия». 17. Древнегреческий комедиограф. 18. Высокогорный туризм. 21. Город в Средней Азии. 23. Красящее вещество в организме. 24. Твердый сплав. 27. Поэт-декабрист. 28. Река на Северном Кавказе. 29. Цветок. 30. Воевода нижегородского ополчения.

По вертикали:

1. Трикотажная фуфайка. 2. Союзная советская республика. 4. Автор оперы «Война и мир». 5. Одно из трех измерений. 7. Месяц года. 8. Специалист в области энергетики. 9. Сельскохозяйственное орудие. 10. Часть Великобритании. 11. Основная тема музыкального произведения. 13. Остров в Карибском море. 14. Денежная единица ряда стран. 19. Созвездие южного неба. 20. Пара гончих. 22. Ловушка для мелких зверей. 25. Азербайджанский писатель XIX века. 26. Химический элемент.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 16
По горизонтали:

5. Отранто. 7. Пафос. 8. Ремез. 9. Соус. 10. Историк. 11. Чека. 13. Косичкин. 16. Аналогия. 18. Обязательство. 19. Косеканс. 22. Акростих. 25. Ария. 26. Гуталин. 27. Грот. 28. Колва. 29. Аршан. 30. Диалект.

По вертикали:

1. Россини. 2. Картофелекопатель. 3. Нордкин. 4. Гафури. 6. Дерево. 9. Сковорода. 12. Анималист. 14. Чубук. 15. Нюанс. 16. Альфа. 17. Левко. 20. Ефимов. 21. Награда. 23. Кантата. 24. Сервал.

На первой странице обложки: Мастер газетно-ротационного цеха Григорий Никитович Королев 35 лет работает в типографии газеты «Правда». Ему есть о чем рассказать будущим правдистам, ученикам ремесленного училища. Слева направо: Валерий Артеменко, Аня Большедонова, Валерий Шиленков, Г. Н. Королев, Марина Эдемская и Виктор Шаров.

Фото Я. Рюмкина.

На последней странице обложки: Весенняя тренировка велосипедистов.

Фото Л. Бородулина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

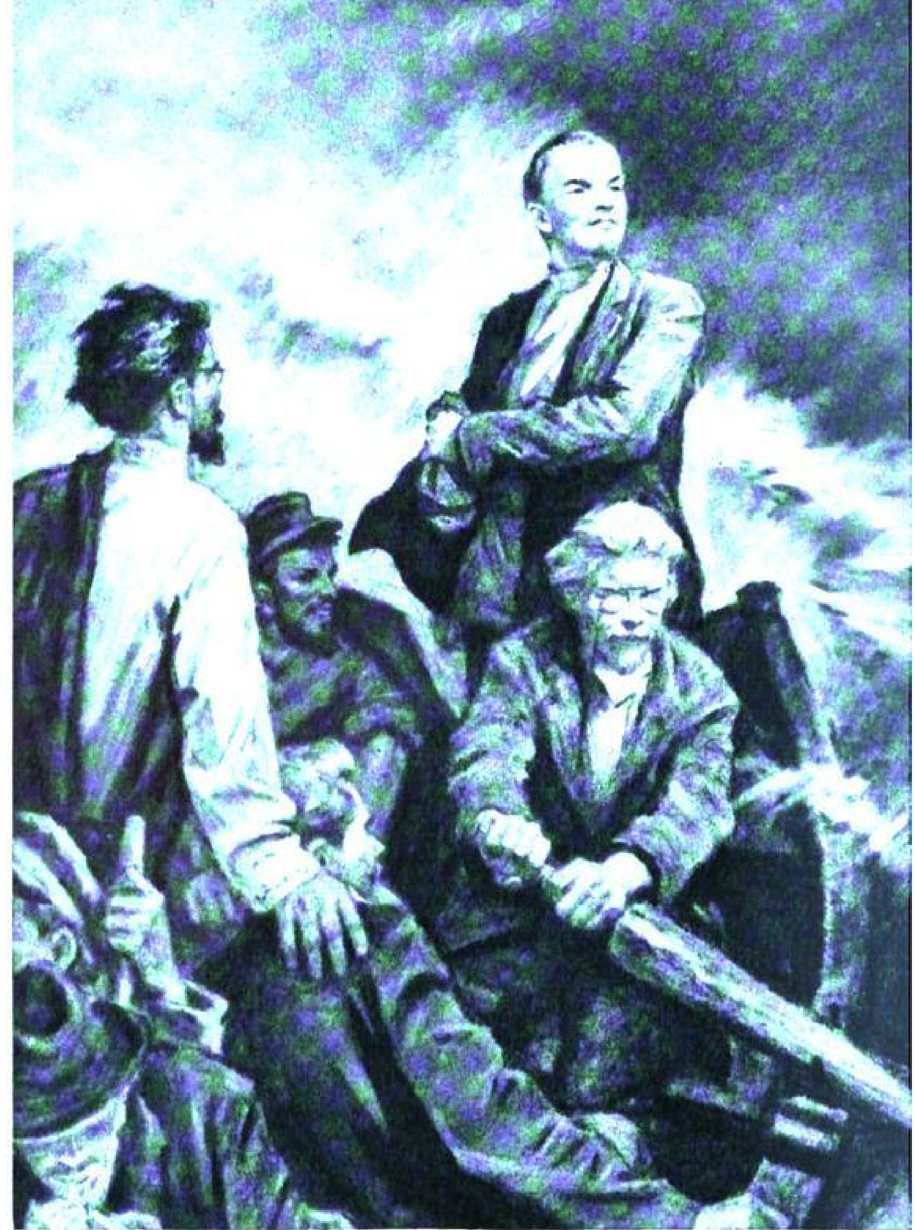
Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00462. Подписано к печати 19/IV 1962 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 554. Заказ № 1061.

Ордена Ленина типография газеты «Правда».
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

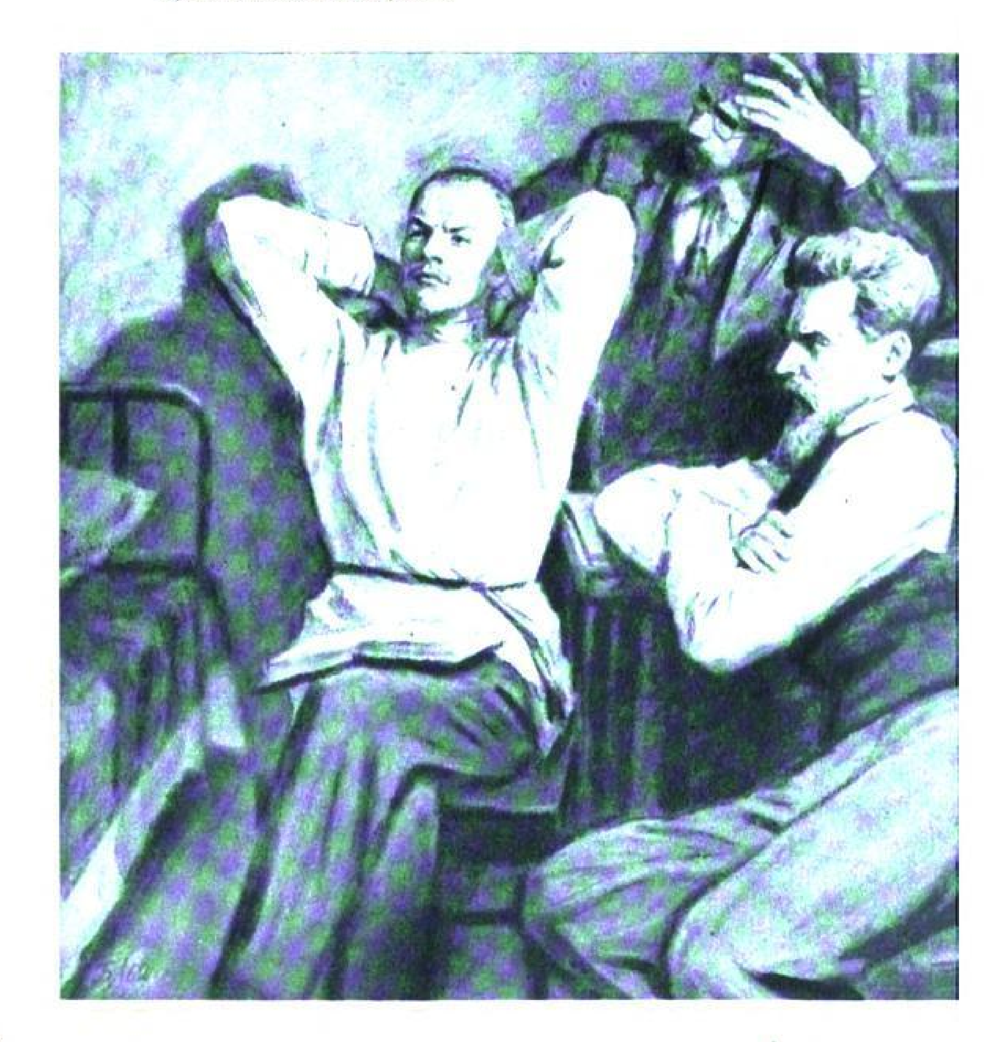
В. И. Ленин с матерью на прогулке в Алакаевке.

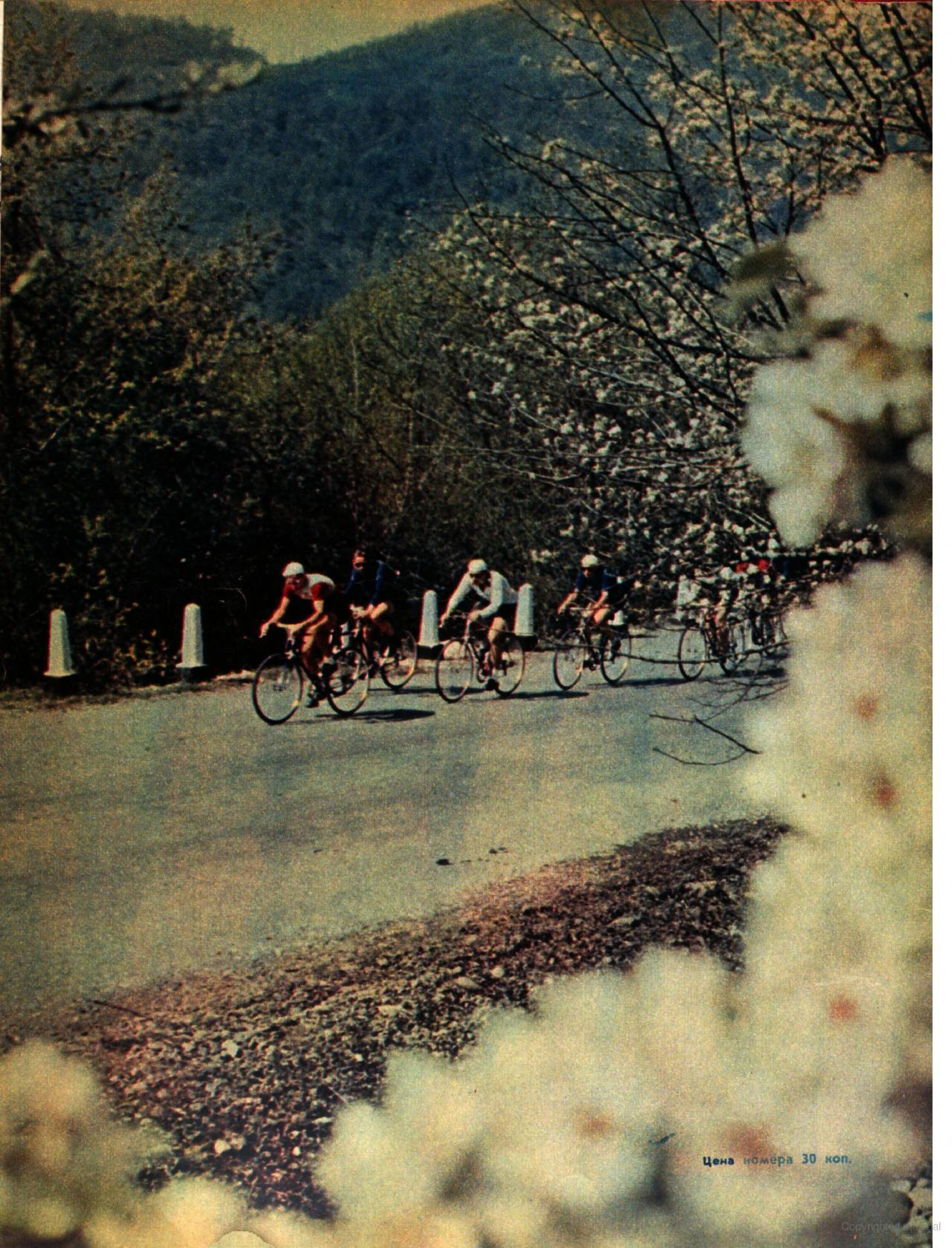
— Будет буря, мы поспорим!

Рисунки художника Б. ЛЕБЕДЕВА.

Думы о счастье народа.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН В САМАРЕ

Цена номера 30 коп.